

Сказки кота Мурлыки

Марсель ЭМЕ

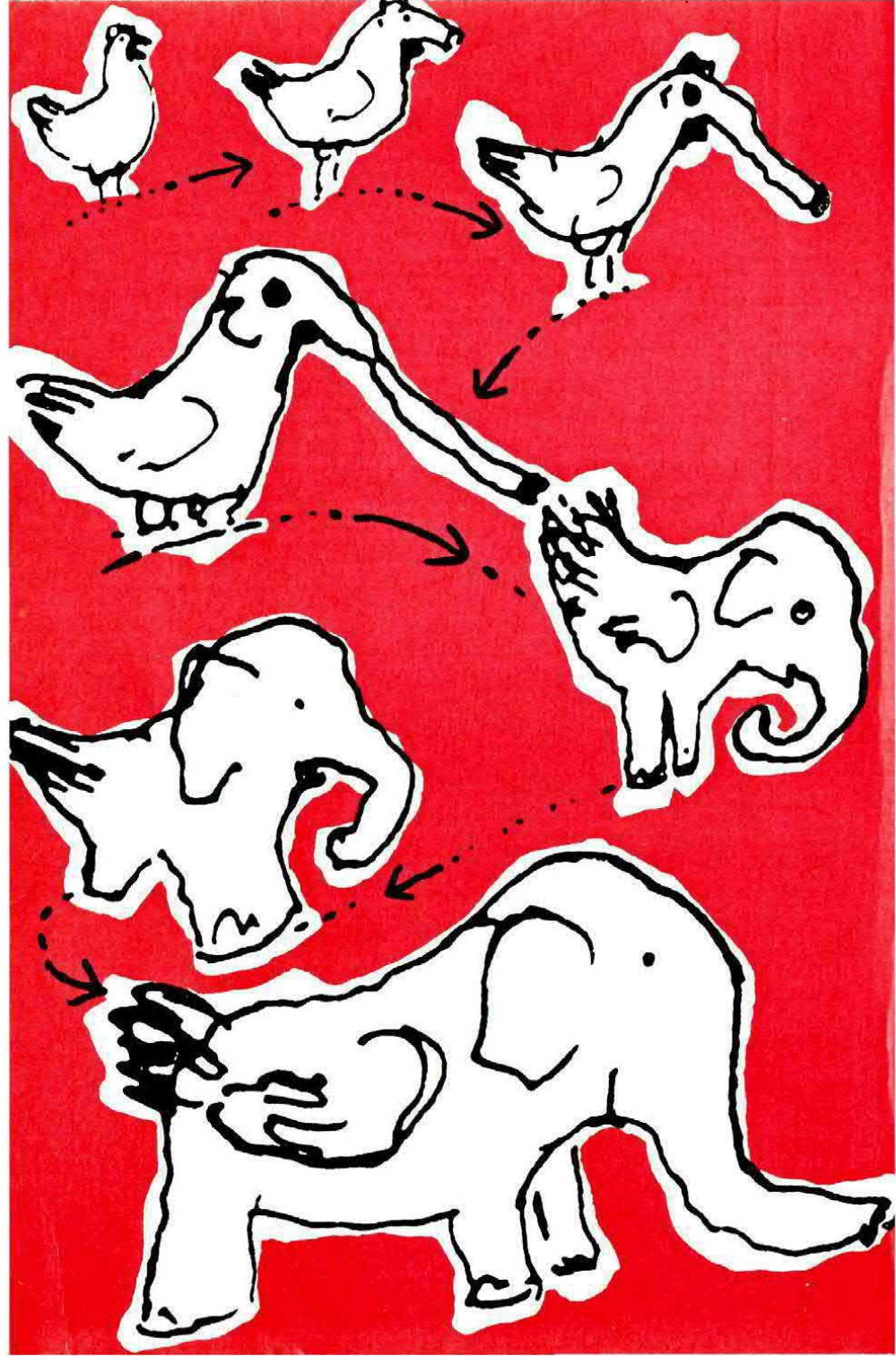
красная
книга сказок

голубая
книга сказок

Марсель ЭМЕ

Сказки
кота
Мурлыки

Марсель ЭМЕ

Марсель ЭМЕ

**Сказки
кота
Мурлыки**

Перевод с французского

При участии редакционно-издательской фирмы «РИФ»

**Иллюстрации Филиппа ДЮМА
Оформление Александра ДРАГОВОГО**

Издание подготовлено
при содействии Министерства иностранных дел
Французской Республики и при поддержке Отдела культуры,
науки и техники Посольства Французской Республики в Москве

Э $\frac{4703010300-013}{92}$ без объявл.

ISBN 5-87106-013-7

© Editions Gallimard, 1987

© «Текст», состав, 1992

«...Шел я мимо цветущей яблони»

Предисловие к изданию 1934 г.

Прошлой весной шел я мимо цветущей яблони и на нижней ветке увидел большого кота. Он мяукал так жалобно, что я остановился и спросил, что у него болит.

— *Да вот, понимаешь, какое дело, — сказал мне кот. — Только что я здесь, на ветке, уснул. Уж не знаю, как это вышло, только когда проснулся, оказалось, что усы мои защемило корой. Так и сижу, даже головой боюсь пошевелить: во-первых, больно, а потом — того и гляди, ус оторвется.*

Чтобы освободить кота, мне надо было всего лишь встать на цыпочки и слегка отогнуть кору, что я немедленно и проделал. Огромный кот, гордившийся своими красивыми усами, был очень доволен. Размурлыкавшись, он сказал:

— *Ты был добр ко мне, и я должен тебя отблагодарить. Ты ведь что-то ищешь?*

— *Ты угадал, кот. Только тебе этого не найти.*

— *А вдруг?..*

— *Мне нужна забавная история для детей. Но она что-то никак не отыскивается.*

Тут кот очень важно выгнул спину и, усмехнувшись в усы, сказал:

— *Тебе нужна сказка? Так я их целую пропасть знаю. Вот послушай.*

Я сел под яблоню, и кот рассказал мне истории, которые

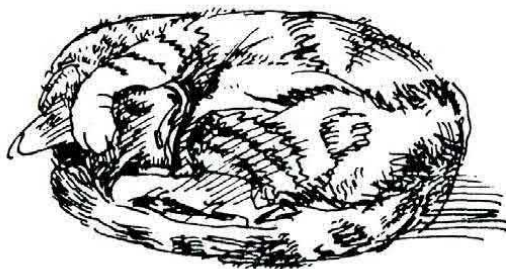
только он один и знал, потому что приключились они с животными, обитавшими по соседству, и двумя белокуроыми девочками — его подружками.

Эти сказки кота Мурлыки вы сейчас и прочтете, менять я в них ничего не стал. Мой друг кот считает, что они для детей, которые еще в том возрасте, когда понимают животных и разговаривают с ними.

— И вот еще что, — сказал мне кот. — Есть у меня и другие такие же забавные истории, будут и новые. Захочешь их узнать — приходи сюда через год, когда опять зацветут яблони, и на этой же самой ветке меня и найдешь.

Марсель ЭМЕ

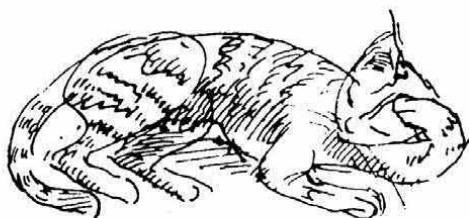
Французские издания сказок выходили в ярких цветных обложках — красной и голубой, отсюда и названия циклов. Объединив их в одну книгу, мы сохранили названия.

красная
КНИГА СКАЗОК
КОТА
Мурлыки

Marcel AYMÉ

**Les contes rouges
du chat perché**

КОТ

Однажды вечером родители возвращались с поля и увидели, что кот сидит на краю колодца и умывается.

— Ну вот, — сказали родители, — кот лапу лижет да моется. Значит, завтра опять будет дождь.

И в самом деле, назавтра весь день лило как из ведра. За дверь и носу нельзя было высунуть, не то что идти на работу в поле. Родители злились, оттого что им приходится сидеть в четырех стенах, и срывали свое раздражение на дочках. Дельфина, та, что постарше, и Маринетта, та, что посветлее, играли на кухне в «птица летает», в бабки, в виселицу, в куклы и в «волк, ты здесь?».

— Только и знаете, что играть да веселиться, — ворчали родители. — Такие большие девочки! Они и в десять лет всё будут в игрушки играть! Лучше бы занялись рукоделием или написали письмо дяде Альфреду. Это было бы куда полезнее!

Отругав девочек, родители принялись за кота, который сидел на подоконнике и смотрел, как идет дождь.

— И этот хорош! Целый день бьет баклуши. Между тем мышей у нас предостаточно, и они спокойно бегают себе из подвала на чердак. Но наш барин любит, чтобы его кормили задаром. Он не перетруждается.

— Вечно вы придираетесь, — отозвался кот. — День для того и создан, чтобы спать и развлекаться. А ночью, когда я

ношусь по чердаку как угорелый, вы этого не видите, и меня даже похвалить некому!

— Ладно! Последнее слово всегда за тобой!

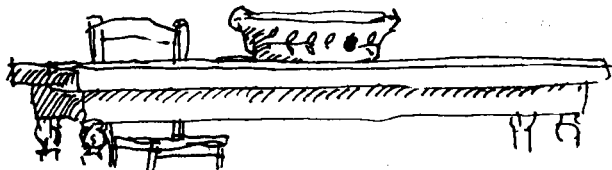
Дождь шел весь день. Ближе к вечеру родители пошли работать в хлев, и девочки стали бегать вокруг стола.

— Эта игра до добра не доведет, — сказал кот. — Вы опять что-нибудь разобьете, и родители будут кричать.

— Тебя послушать, — сказала Дельфина, — так получится, что играть вообще нельзя.

— Да, да, — подхватила Маринетта. — Если слушать Альфонса (так звали кота), то надо весь день спать.

Кот спорить не стал, и девочки продолжали беготню. Посреди стола стояло фаянсовое блюдо, ему было лет сто, и роди-

тели им очень дорожили. Гоняясь друг за дружкой, девочки схватились за ножку стола, стол пошатнулся, блюдо соскользнуло, упало на пол и разбилось вдребезги. Кот, по-прежнему сидевший на подоконнике, даже головы не повернул.

— Альфонс, у нас блюдо разбилось. Что делать?

— Собрать осколки и выбросить на помойку. Может быть, родители не заметят. Но нет, уже поздно. Вон они идут.

Увидев на полу осколки блюда, родители так рассердились, что запрыгали по кухне, как блохи.

— Дрянные девчонки! — закричали они. — Это старинное фамильное блюдо, ему сто лет было! А вы его разбили! Неужели вы никогда не исправитесь, негодницы вы этакие! Мы вас накажем: запретим играть и посадим на хлеб и воду.

Откричавшись, родители перевели дух и, чуть-чуть поразмыслив, сочли наказание недостаточно суровым. Жестоко улыбаясь, они объявили:

Дельфина и Маринетта побледнели и с умоляющим видом сложили руки.

— Упрашивать бесполезно! Если дождя не будет, пойдете проведать тетю Мелину и отнесете ей баночку варенья.

Тетя Мелина была очень древняя и очень злая старуха с беззубым ртом и колючими волосами на подбородке. Когда

девочки приходили к ней, она без конца целовала их, что само по себе было не очень приятно из-за бороды, но вдобавок она не упускала возможности ущипнуть их или дернуть за волосы. Особое удовольствие доставляло тете Мелине кормить сестер бутербродами с сыром, которые она заблаговременно клала на полку, чтобы они как следует заплесневели к приходу девочек. Кроме того, тетя Мелина считала, будто ее внучатые племянницы очень на нее похожи, и утверждала, что не пройдет и года, как они станут точной ее копией, о чем нельзя было подумать без содрогания.

— Бедняжки! — вздохнул кот. — За какое-то несчастное выщербленное блюдо — такое суровое наказание.

— Тебя не спрашивают! Уж не потому ли ты за них заступаешься, что сам помог им разбить блюдо?

— Нет, нет! — заверили родителей девочки. — Альфонс даже не слезал с окна.

— Замолчите! Все вы заодно. И вполне друг друга стоите. Кот, который целыми днями дрыхнет...

— Раз вы разговариваете со мной в таком тоне, — заявил кот, — я лучше уйду. Маринетта, открой-ка окно.

Маринетта открыла окно, и кот выпрыгнул во двор. Дождь только кончился, и легкий ветерок разгонял облака.

— Небо очищается, — удовлетворенно заметили родители. — Вот завтра по хорошей погодке и пойдете к тете Мелине. Какое везение! Ну, хватит плакаты! Слезами блюдо не склеишь. Сходите-ка лучше в сарай за дровами.

В сарае девочки обнаружили кота, сидевшего на штабеле дров. Дельфина сквозь слезы смотрела, как он умывается.

— Альфонс! — сказала она вдруг с такой радостной улыбкой, что Маринетта удивилась.

— Что, деточка?

— Мне пришла в голову одна мысль. Стоит тебе только захотеть, и мы не пойдем завтра к тете Мелине.

— Я готов ради этого на все, но, увы, я ничего не могу поделать с родителями.

— Тебе и не придется ничего с ними делать. Помнишь, что они сказали? Что мы пойдем к тете Мелине, если не будет дождя.

— Ну и что?

— Да ведь тебе достаточно потереть лапкой за ухом — и завтра будет дождь. Тогда мы не пойдем к тете Мелине,

— Мне бы это и в голову не пришло, — сказал кот. — Клянись честью, мысль превосходная!

И Альфонс усердно принялся за дело. Он провел лапкой за ухом раз пятьдесят, не меньше.

— Сегодня ночью можете спать спокойно. Завтра будет такой ливень, что хороший хозяин собаку на улицу не выпустит.

За ужином родители только и говорили, что о тете Мелине. Они даже приготовили банку с вареньем, которую девочки должны были ей отнести. Сестры старались быть серьезными, но, встречаясь взглядом, давились со смеху и притворялись, будто поперхнулись. Ложась спать, родители выглянули в окно.

— Какая прекрасная ночь! Пожалуй, на небе еще никогда не было так много звезд. Завтра будет отличная погода, дороги будут сухими.

Однако на другой день небо затянулось, и с самого утра зарядил дождь.

— Ничего, это ненадолго, — говорили родители.

Они велели девочкам нарядиться в воскресные платьица и повязали им в волосы розовые банты. Но дождь лил все утро и весь день до самого вечера. Воскресные платьица и розовые банты пришлось снять. Однако родители не отчаивались.

— Это только отсрочка, — говорили они. — Пойдете к тете Мелине завтра. Небо уже проясняется. Было бы странно, если бы в середине мая дождь шел три дня подряд.

В тот вечер кот, умываясь, снова потер лапкой за ухом, и на следующий день опять лило как из ведра. Как и накануне, нечего было и думать о том, чтобы послать девочек к тете Мелине.

Настроение у родителей стало портиться. Мало того что наказание бесконечно откладывалось из-за дождя, вдобавок и в поле работать было невозможно. Родители выходили из себя по пустякам, ругали девочек и кричали, что они годятся только на то, чтобы бить старинные блюда.

— Визит к тете Мелине пойдет вам на пользу, — говорили они. — Как только будет хорошая погода, вы как миленькие отправитесь к ней в гости с утра пораньше.

Дойдя до белого каления, они ни с того ни с сего побили кота — мать шваброй, а отец башмаком, чествуя его лодырем и дармоедом.

— Ну и ну! — сказал Альфонс. — Вы, оказывается, еще злее, чем я думал. Вы поколотили меня ни за что, но вот вам мое кошачье слово, вы об этом пожалеете.

Если бы не этот случай, коту вскоре самому надоело бы намывать дождь — он любил лазать по деревьям, бегать по полям и лесам и не считал нужным обрекать себя на вечное сидение дома ради того, чтобы избавить своих подружек от неприятного визита к тете Мелине. Но он так хорошо запомнил удары шваброй и башмаком, что девочкам больше не приходилось просить его потереть лапкой за ухом. Теперь это была его личная забота. Дождь лил не переставая всю неделю. Родители, вынужденные сидеть дома и смотреть, как гниют на корню их

посевы, бушевали. Они забыли и про фаянсовое блюдо, и про тетю Мелину, но уже начинали косо поглядывать на кота. Родители то и дело подолгу перешептывались, но никто не мог угадать о чем.

Как-то утром — дождь лил уже восьмой день — родители, несмотря на плохую погоду, собрались на станцию, чтобы отправить в город картошку. Когда Дельфина и Маринетта встали, они увидели, что родители шьют на кухне большой мешок. На столе лежал тяжелый камень, весом никак не меньше трех фунтов. Девочки спросили, для чего им мешок, и родители смущенно ответили, что вместе с картошкой они хотят отправить в город посылку. Тут в кухню вошел кот и вежливо со всеми поздоровался.

— Альфонс, — сказали родители, — мы поставили для тебя у плиты миску со свежим молоком.

— Спасибо, родители, это очень мило с вашей стороны, — сказал кот, слегка удивленный добрым обращением, от которого он уже отвык.

Когда он пил свое молоко, родители схватили его, мать за задние ноги, отец за передние, засунули вниз головой в мешок и, опустив туда же камень весом в три фунта, завязали мешок крепкой веревкой.

— Вы с ума сошли, родители! — закричал кот, барахтаясь в мешке. — Что это на вас нашло?

— А то, что мы не желаем больше держать кота, который каждый вечер моет за ухом! Хватит с нас дождей. Раз тебе, дорогой, так нравится вода, ты получишь ее вдоволь. Через пять минут ты будешь умываться на дне реки.

Дельфина и Маринетта закричали, что не дадут бросить Альфонса в реку. Родители закричали, что никто не помешает им утопить мерзкое животное, которое непрерывно намывает дождь. Альфонс мяукал и метался в мешке, как бесноватый. Маринетта целовала его через мешковину, а Дельфина на коленях молила родителей оставить кота в живых.

— Нет, нет и нет! — отвечали родители людоедскими головами. — Нет пощады дурным котам!

Вдруг они заметили, что уже около восьми и они опаздывают на станцию. Родители быстро накинули плащи, подняли капюшоны и, уходя, сказали:

— Мы уже не успеваем на реку, но мы пойдем туда в полдень, когда вернемся. Не вздумайте без нас развязать мешок. Если к нашему приходу Альфонса здесь не окажется, вы сейчас же отправитесь к тете Мелине на полгода, а может быть, и на всю жизнь.

Не успели родители выехать за ворота, как Дельфина и Маринетта развязали мешок. Кот высунул голову и сказал:

— Девочки, я всегда знал, что у вас золотые сердца. Но я был бы ничтожнейшим из котов, если бы согласился ради собственного спасения допустить, чтобы вы полгода, а то и всю жизнь провели у тети Мелины. Я скорее сто раз позволю себя утопить.

— Тетя Мелина не такая уж злая, да и полгода пролетят быстро, — возражали девочки.

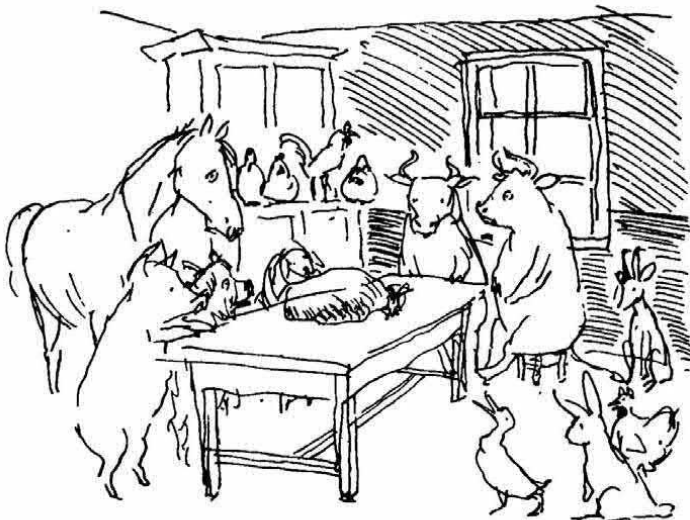
Но кот не желал ничего слушать и в знак того, что решение его непоколебимо, снова убрал голову в мешок. Пока Дельфина продолжала его упрашивать, Маринетта выбежала во двор посоветоваться с селезнем, который плескался под дождем в большой луже. Этот селезень был очень серьезный и рассудительный. Чтобы лучше думалось, он спрятал голову под крыло.

— Сколько я ни размышляю, — сказал он наконец, — ничего не могу придумать, чтобы выманить Альфонса из мешка. Он упрямый, я его знаю. Если вытащить его из мешка насильно, ничто не помешает ему предстать перед родителями, когда они вернуться. К тому же в глубине души я считаю, что он совершенно прав. Я, например, не мог бы продолжать жить на свете с чистой совестью, если бы по моей вине вы томились у тети Мелины.

— А нам как же быть? Разве нас не будет мучить совесть, если Альфонса утопят?

— Конечно, — сказал селезень, — конечно. Надо придумать что-нибудь такое, чтобы всем было хорошо. Но сколько я ни ломаю голову, мне ничего не приходит на ум.

Тогда Маринетта решила, не теряя времени, созвать в кухню на совет всю птицу и скот. Пришли лошадь, пес, волы, коровы, свинья, куры, и девочки рассадили всех по местам. Кот, ока-

завшись в центре круга, согласился высунуть голову из мешка, а селезень встал возле него и рассказал всем, в чем дело. Когда он закончил, все погрузились в раздумья.

— Есть у кого-нибудь предложения? — спросил селезень.

— У меня, — сказала свинья. — Значит, так. В полдень, когда вернутся родители, я с ними поговорю. Я пристыжу их за дурные намерения. Объясню, что жизнь животных священна и что, бросив Альфонса в реку, они совершат тягчайшее преступление. Родители наверняка все поймут.

Селезень кивнул сочувственно, но с некоторым сомнением. Родители прочили свинью на засол, так что ее доводы не могли иметь для них особого веса.

— Может быть, есть другие предложения?

— У меня, — сказал пес. — Вы только предоставьте мне свободу действий. Когда родители понесут мешок на реку, я побегу за ними и буду кусать их за ноги, пока они не отпустят Альфонса.

Мысль показалась всем заманчивой, но Дельфина и Мари-нетта не захотели, чтобы их родителей кто-то кусал.

— К тому же, — заметила корова, — пес у нас слишком послушный, чтобы осмелиться напасть на родителей.

— Что правда, то правда, — вздохнул пес. — Я действительно слишком послушный.

— Есть более простой выход, — сказал белый вол. — Пусть Альфонс вылезет из мешка, а мы положим на его место полено.

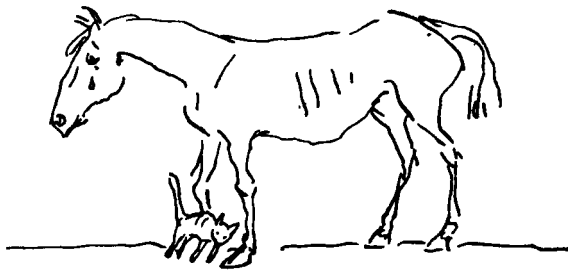
Слова вола были встречены гулом восхищения, но кот покачал головой.

— Это невозможно. Родители сразу заметят, что в мешке никто не шевелится, не говорит и не дышит, и обман тут же обнаружится.

Пришлось признать, что Альфонс прав. Животные огорчились. Воцарилось молчание, и в тишине заговорила лошадь. Это была старая облезлая кляча, которая едва держалась на ногах, и поэтому родители ее давно не запрягали. Шли разговоры о том, чтобы продать ее на бойню.

— Жить мне осталось недолго, — сказала она. — А раз уж все равно придется умирать, то пусть моя смерть хоть кому-то принесет пользу. Альфонс молод. У него впереди прекрасное кошачье будущее. Поэтому будет правильной, если я займу его место в мешке.

Предложение лошади взволновало всех до глубины души. Альфонс был так растроган, что вылез из мешка и стал тереться о ее ноги, выгнув спинку.

— Ты настоящий друг и благороднейшее из животных, — сказал он старой лошади. — Если мне повезет и меня сегодня не

утопят, я никогда не забуду, что ты готова была пожертвовать собой ради меня. Благодарю тебя от всего сердца!

Дельфина и Маринетта всхлипнули, а свинья, у которой тоже была нежная душа, разрыдалась. Кот вытер лапой глаза и продолжал:

— Но то, что ты предлагаешь, невыполнимо, и мне очень жаль, столь искренний дружеский дар я бы принял. Мне и самому в мешке тесно, а ты в него просто не поместишься. Даже голова твоя туда не влезет.

Невозможность подмены была очевидной для всех. Рядом с Альфонсом лошадь выглядела великаншей. Петух, не отличавшийся особой тактичностью, счел сравнение смешным и позволил себе громко расхохотаться.

— Тихо! — сказал селезень. — Смех сейчас неуместен, и я полагал, что вам это должно быть понятно. Но вы, оказывается, просто хам. Будьте любезны выйти вон!

— Ишь ты какой, — отвечал петух, — раскомандовался! Тебя никто не спрашивает!

— Боже, как он дурно воспитан! — прошептала свинья.

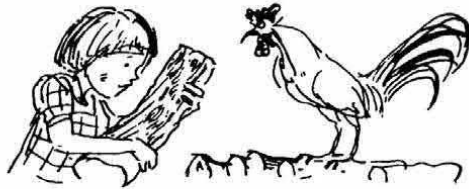
— Вон петуха! — закричали все хором. — Вон грубияна!

Гребешок у петуха сделался краснее обычного, он пересек кухню под гул и шиканье присутствующих и вышел, поклявшись отомстить. На улице по-прежнему шел дождь, и петух забился в сарай. Минут через пять туда пришла Маринетта и стала внимательно выбирать полено в поленище.

— Хочешь, я помогу тебе найти то, что ты ищешь? — предложил петух сладким голосом.

— Нет, нет! Я ищу полено размером с... Ну в общем такое полено, какое надо.

— Размером с кота, так и говори. Но ведь Альфонс сам сказал: родители заметят, что оно не шевелится.

— А вот и нет! — ответила Маринетта. — Селезень все придумал...

Тут Маринетта вспомнила, что ей велели остерегаться петуха. Она испугалась, что и так уже слишком много выболтала, и, выбрав полено, ушла из сарая. Петух видел, как она перебежала под дождем через двор и вошла в кухню. Вскоре оттуда вышла Дельфина с котом, открыла ему дверь в амбар, а сама осталась снаружи. Петух глядел во все глаза, пытаясь понять, что они задумали, но тщетно. Время от времени Дельфина подходила к окну кухни и с тревогой спрашивала, который час.

— Без двадцати двенадцать, — отвечала Маринетта. — Без десяти двенадцать... Без пяти...

Кот не появлялся.

Все животные, кроме селезня, ушли из кухни и вернулись каждый на свое место.

— Который час?

— Ровно полдень. Все пропало. Слышишь?.. Стук колес. Это родители.

— Что ж, ничего не поделаешь, — сказала Дельфина. — Придется запереть Альфонса в амбаре. В конце концов, не умрем же мы оттого, что поживем полгода у тети Мелины.

Она уже протянула руку, чтобы повернуть ключ, но тут на пороге появился Альфонс, держа в зубах живую мышь. Повозка родителей, мчась во весь опор, выехала из-за поворота.

Кот, а вслед за ним Дельфина бросились в кухню. Маринетта раскрыла мешок, куда она уже успела положить полено, обернув его тряпками, чтобы оно казалось мягким на ощупь. Альфонс

бросил туда же мышь, которую держал зубами за шкурку, и мешок немедленно завязали. Повозка родителей приближалась.

— Мышь, — сказал селезень, наклонившись над мешком, — кот так добр, что дарит тебе жизнь, но при одном условии. Ты меня слышишь?

— Слышу, — пропищал тоненький голосок.

— От тебя требуется только одно: бегать по полену в мешке, так чтобы снаружи казалось, будто оно само шевелится.

— Это нетрудно. А дальше что?

— А дальше придут люди, возьмут мешок и понесут к реке, чтобы бросить его в воду.

— Но...

— Никаких «но»! На дне мешка есть маленькая дырочка. Когда понадобится, ты прогрызешь ее пошире и, услышав собачий лай, через нее выскочишь. Не вздумай удрать раньше, иначе пес тебя задушит. Ясно? Но главное, что бы ни случилось, не произноси ни слова.

Родители въехали во двор. Маринетта спрятала Альфонса в деревянный сундук, а мешок положила сверху. Пока родители распрягали лошадей, селезень выскользнул из кухни, а девочки изо всех сил терли глаза, чтобы они покраснели.

— Какая ужасная погода! — сказали родители, входя в дом. — Даже плащи насквозь промокли. И все из-за этого гнусного кота!

— Не будь я завязан в мешке, — сказал кот, — я, может быть, вас и пожалел бы.

Кот сидел в сундуке, прямо под самым мешком, и родителям казалось, что его голос, слегка приглушенный, доносится из мешка. Мышь внутри сновала по полену, и мешок шевелился.

— Нас-то жалеть нечего! А вот твое положение незавидное. Но ты сам виноват.

— Полноте, родители! Вы ведь совсем не такие злые, какими хотите казаться. Выпустите меня, и я вас прощю.

— Ты нас простишь? Поразительная наглость! Может быть, это по нашей милости вторую неделю льют дожди?

— О нет, не по вашей! Где уж вам! Но на днях вы меня несправедливо избили. Чудовища! Палачи! У вас нет сердца!

— Ах ты, дрянной котиче! — закричали родители. — Ты еще вздумал нас оскорблять!

Они так рассвирепели, что принялись колотить по мешку палкой от метлы. На полено посыпался град ударов, и, пока перепуганная мышь металась в мешке с места на место, Альфонс испускал душераздирающие вопли.

— Я вообще с вами больше не желаю разговаривать, — ответил Альфонс. — Можете теперь говорить все, что угодно. Я и рта не раскрою, чтобы отвечать таким злым, как вы.

— Как угодно, любезный. И вообще, пора кончать. Пошли на реку!

Родители подхватили мешок и, не обращая внимания на крики Дельфины и Маринетты, вышли из кухни. Пес ждал у порога и поплелся за ними, укоряя их своим скорбным видом. Когда они проходили мимо сарая, их окликнул петух:

— Эй, родители, вы идете топить несчастного Альфонса? По-моему, он умер у вас в мешке раньше времени. Больно уж тихо он там лежит, прямо как полено.

— Ничего удивительного! Мы так отделали его метлой, что он теперь скорее мертв, чем жив.

С этими словами родители посмотрели на мешок, который они несли, прикрывая плащом.

— Однако это не мешает ему там ерзать, — добавили они.

— Ерзать-то он ерзает, — ответил петух, — но почему-то его совсем не слышно, как будто у вас в мешке вместо кота лежит деревяшка.

— Он обиделся на нас и сказал, что больше рта не раскроет и не станет нам отвечать.

Тут уж и петух поверил, что кот сидит в мешке, и пожелал родителям счастливого пути.

Тем временем Альфонс вылез из сундука и вместе с девочками на радостях пустился в пляс посреди кухни. Селезень был с ними. Он не хотел мешать их веселью, но сам очень тревожился, как бы родители не заметили подмены.

— А теперь, — сказал селезень, когда все наплясались, — надо подумать об осторожности. Нельзя, чтобы родители, вернувшись, обнаружили кота на кухне. Альфонс, тебе пора отправляться в амбар и не вздумай когда-нибудь вылезти оттуда днем.

— По вечерам, — сказала Дельфина, — ты будешь находить у сарая еду и миску молока.

— А днем, — пообещала Маринетта, — мы будем проведывать тебя в амбаре.

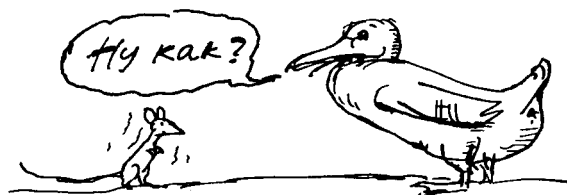
— А я — ночью навещать вас в вашей комнате. Будете ложиться спать — оставляйте окошко приоткрытым.

Сестры вместе с селезнем проводили кота. В это время появилась мышь, она возвращалась в амбар, выпрыгнув из мешка.

— Ну как? — спросил селезень.

— Я промокла до нитки, — пропищала мышь. — Еле добралась, такой дождь. И, представьте себе, меня чуть не утопили. Пес залаял в последнюю секунду, когда родители уже стояли на берегу. Еще миг, и они швырнули бы меня в воду вместе с мешком.

— Хорошо все, что хорошо кончается, — сказал селезень. — А теперь не мешкай и прячься.

Вернувшись домой, родители увидели, что девочки накрывают на стол, распевая песни, и очень удивились.

— Оказывается, смерть бедного Альфонса не очень-то вас печалит. Стоило так плакать, когда мы его уносили! Жаль, что у него не было по-настоящему верных друзей, каких он заслуживал. В общем-то Альфонс был отличный кот, и нам его будет не хватать.

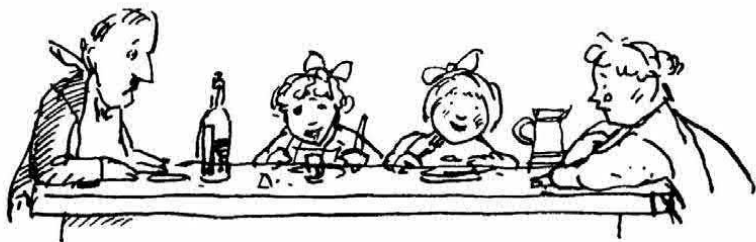
— Мы очень горюем, — сказала Маринетта, — но раз уж он умер, значит, умер. Этого не поправишь.

— В конце концов, он получил по заслугам, — добавила Дельфина.

— Ваши разговоры нам не нравятся, — рассердились родители. — Черствые, бессердечные девчонки! Нам очень хочется, да, очень, отправить вас прогуляться к тете Мелине!

Все сели за стол, но родители были печальны и им кусок не лез в горло, зато девочки ели за четверых.

— Нельзя сказать, чтобы у вас от горя пропал аппетит, — говорили родители. — Если бы покойный Альфонс мог нас сейчас видеть, он понял бы, кто был ему истинным другом.

К концу обеда родители не смогли сдержать слез и разрыдались, уткнувшись в носовые платки.

— Ну полно, родители, — сказали девочки, — возьмите себя в руки. Нельзя же так раскисать. Слезами Альфонса не воскресить. Да, вы засунули его в мешок, поколотили палкой и утопили, но вспомните, что вы сделали это ради нашего общего блага, чтобы вернуть солнце нашим посевам. Будьте же благоразумны! Только что, уходя на реку, вы были такими уверенными и решительными!

Весь день родители вздыхали, но, проснувшись наутро, увидели голубое небо, залитые солнцем поля и почти перестали вспоминать о коте. А потом и вовсе о нем забыли. Солнце пригревало все жарче и жарче, и работать приходилось столько, что горевать не оставалось времени.

А девочкам вспоминать об Альфонсе не было нужды. Он с ними почти не расставался. Пользуясь тем, что родителей с утра до вечера не было дома, он проводил целые дни во дворе и прятался, только когда родители приходили домой поесть.

Ночью он навещал девочек в их комнате.

Однажды вечером, когда родители вернулись на ферму, к ним подошел петух и сказал:

— Не знаю, может быть, мне показалось, но, по-моему, я видел во дворе Альфонса.

— Какой-то слабоумный петух, — проворчали родители и прошли мимо.

На следующий день петух опять вышел им навстречу.

— Если бы я не знал, что Альфонс лежит на дне реки, — заявил он, — я готов был бы поклясться, что видел, как он сегодня после обеда играл с вашими дочками.

— Он совсем помешался на нашем бедном Альфонсе, — сказали родители и пристально посмотрели на петуха. Они зашептались, не сводя с него глаз.

— У этого петуха плохо с мозгами, — говорили родители, — но выглядит он упитанным. Он попадаетея нам на глаза каждый день, но мы как-то не обращали на него внимания. Он уже нагулял вес, и нет нужды кормить его дальше.

На следующее утро петуха зарезали, как раз когда он собирался в очередной раз поговорить про Альфонса. Из него приготовили жаркое в чугунной гусятнице, и все нашли его очень вкусным.

Альфонс уже две недели считался погибшим, и погода стояла прекрасная. За все это время не пролилось ни дождинки. Родители говорили, что с погодой в этом году повезло, но добавляли, с некоторым беспокойством поглядывая на небо:

— Однако все хорошо в меру. Как бы не началась засуха! Дождик сейчас не помешал бы.

Прошла еще неделя, а дождя все не было. Земля так высохла, что все остановилось в росте. Пшеница, овес, рожь поникли и пожелтели.

— Еще неделя такого зноя, — говорили родители, — и наш урожай просто-напросто сгорит на корню.

Они не находили себе места и громко сокрушались о смерти Альфонса, обвиняя во всем Дельфину и Маринетту.

— Если бы вы не разбили блюдо, не случилось бы всей этой истории с котом, он был бы сейчас жив и устроил бы нам чудесный дождь.

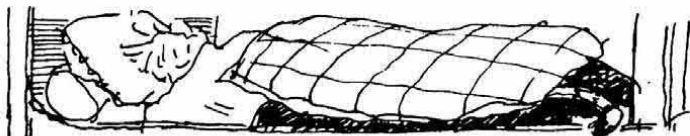
По вечерам, после ужина, они сидели во дворе и, глядя на безоблачное небо, в отчаянии заламывали руки и призывали Альфонса.

Однажды утром родители пришли будить Дельфину и Маринетту. Кот проболтал с девочками полночи и сам не заметил, как

уснул на кровати у Маринетты. Услышав, что отворяется дверь, он успел лишь юркнуть под одеяло.

— Пора вставать, — сказали родители, — просыпайтесь. Солнце уже палит вовсю, и сегодня нам опять не видать дождя... Ах, что это?..

Они умолкли на полуслове и, вытянув шеи и вытаращив глаза, уставились на кровать Маринетты. Альфонс, считая, что он

надежно спрятался, не заметил, что хвост его торчит из-под одеяла. Родители подкрались к кровати, вдвоем ухватили кота за хвост и вытащили его наружу, так что бедняга неожиданно для себя повис в воздухе.

— Ах, да ведь это Альфонс!

— Да, это я. Отпустите меня, вы мне делаете больно. Сейчас мы вам все объясним.

Родители посадили кота на кровать. Волей-неволей пришлось девочкам рассказать, что произошло в тот день, когда мешок бросили в воду.

— Мы это сделали, заботясь о вас, — сказала Дельфина, — чтобы на вашей совести не было незаслуженной смерти беззащитного кота.

— Вы не послушались нас! — закричали родители. — Что ж, мы сдержим свое слово. Вы отправитесь к тете Мелине.

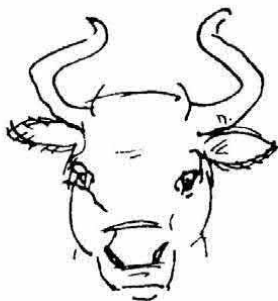
— Ах так? — воскликнул кот и вспрыгнул на подоконник. — Что ж, прекрасно, тогда я тоже отправлюсь к тете Мелине, и уйду отсюда первым.

Осознав свой промах, родители стали умолять Альфонса не покидать их, ибо речь шла о судьбе урожая. Но кот не желал ничего слушать. Наконец, поломавшись как следует и взяв с

родителей слово, что девочки останутся дома, он тоже согласился остаться.

Вечером того же дня, самого жаркого в их жизни, Дельфина, Маринетта, родители и все животные фермы собрались на дворе в кружок. В середине, на табурете, восседал Альфонс. Он не спеша принялся умываться и пятьдесят раз подряд провел лапкой за ухом. На следующее утро, после двадцати пяти дней засухи, хлынул дождь, который принес прохладу и людям, и животным. В саду, в полях и на лугах все поднялось и зазеленело. А на следующей неделе произошло еще одно счастливое событие. Догадавшись сбрить бороду, тетя Мелина без труда нашла себе мужа и поселилась с ним за тысячу километров от того места, где жили Дельфина и Маринетта.

КОРОВЫ

Однажды Дельфина и Маринетта как обычно выгнали коров из хлева и повели их через всю деревню к речке на пастбище.

Они уходили на весь день и потому взяли корзинку с обедом для себя и для пса да еще по куску хлеба с вареньем на полдник.

— Идите, — наказали им родители, — да смотрите, чтобы коровы не забредали в чужой клевер и не хватали яблок вдоль дороги. И помните: вы уже не маленькие. Обеим вместе вам уже почти двадцать лет.

А псу, который с аппетитом обнюхивал корзинку, сказали:

— И ты, бездельник, тоже приглядывай за стадом.

— Доброго слова от вас не дожدهшься, — пробурчал пес. —

Ну да ладно.

— Вы же, коровы, должны помнить, что траву можно щипать даром. Поэтому ешьте побольше!

— Не беспокойтесь, — отвечали коровы, — что-что, а есть мы умеем.

Одна же капризным голосом прибавила:

— А если бы нам не мешали, мы бы ели еще лучше.

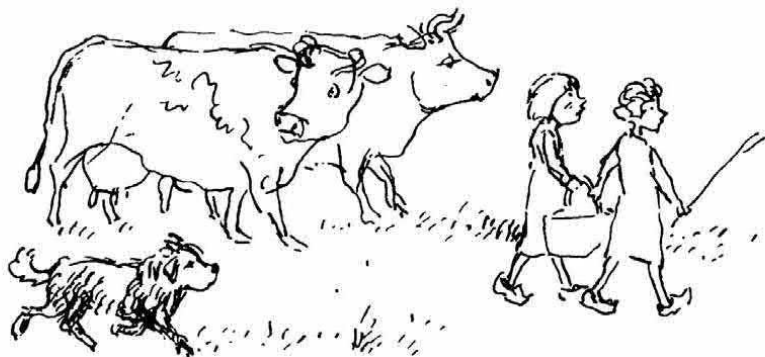
То была бурая коровенка, которую звали Злючка. Она всегда подлизывалась к родителям, а те ей верили; каждый вечер она доносила им обо всем, что делали Дельфина и Маринетта, и даже

о том, чего они и не думали делать, потому что ей нравилось, когда их ругали и оставляли без обеда.

— Не мешали? — спросила Дельфина. — А кто тебе мешает?

— Да уж я знаю, что говорю, — огрызнулась Злючка и пошла вперед.

Следом за ней вышло на дорогу все стадо, а родители остались стоять посреди двора, бормоча себе под нос:

— Хм! Вот еще новости. Надо будет выяснить. Вечно что-нибудь да не так. Ох, уж эти негодные девчонки! Хорошо, что у нас есть Злючка, такая разумная и, главное, такая преданная!

Умиленно склонив головы, они прибавили со слезой в голосе:

— Наша добрая, славная Злючка!

И пошли домой, с досадой думая, что на дочек ни в чем нельзя положиться.

Метрах в двухстах от фермы на пути стада попала лежащая у обочины яблоневая ветка, которую, должно быть, ночью сломало грозой. Коровы принялись с жадностью, давясь, объедать яблоки. Злючка же, вышагивавшая впереди всех, прошла мимо и не заметила этого дара судьбы. А когда спохватилась и вернулась, было уже поздно. На ветке не осталось ни одного яблочка.

— Вот как, — криво усмехнулась она. — Вам, значит, разрешают лакомиться яблоками. Как бы вам от них не лопнуть!

— Как же, как же, — сказала Маринетта. — Тебе не досталось, вот ты и злишься.

И девочки, а за ними и пес с коровами рассмеялись. Злючка затряслась от ярости.

— Сейчас же все будет рассказано, — объявила она и пошла было к дому, но пес встал у нее на пути и предостерег:

— Еще шаг, и я вцеплюсь тебе в морду.

Он оскалил зубы и ошетинился. Было ясно, что он так и сделает. Злючка это тоже поняла и как миленькая повернула обратно, сказав только:

— Что ж, ладно, я вам это еще припомню. Придет и мой черед смеяться.

Стадо двинулось дальше, Злючка, как и другие коровы, щипала придорожную травку, но ушла дальше всех. Не доходя до луга, она остановилась у фермы на самом краю деревни и долго о

чем-то разговаривала с хозяйкой, которая развешивала на заборе белье. С другой стороны дороги, в какой-нибудь сотне метров от фермы, расположились цыгане. Они выпрягли лошадь из кибитки и, сидя на краю канавы, плели корзинки. Когда стадо догнало

Злючку, фермерша подозвала Дельфину и Маринетту и сказала им, показывая на кибитку:

— Берегитесь цыган! От этих бродяг можно ждать чего угодно. Если кто-нибудь заговорит с вами, не отвечайте и идите себе дальше.

Дельфина и Маринетта поблагодарили ее учтиво, но сдержанно. Они не любили эту фермершу, она казалась им такой же хитрой и недоброй, как Злючка, к тому же во рту у нее торчал один-единственный зуб, желтый и длинный, и смотреть на него было довольно страшно. Не очень любили они и ее мужа, который стоял сейчас на пороге и искоса поглядывал на них. Раньше ни хозяин, ни хозяйка с ними вообще не разговаривали, разве что кричали, что они плохо следят за коровами, и грозилась пожаловаться родителям. Но все-таки, проходя мимо кибитки, сестренки прибавили шагу и старались не поднимать глаз. Цыгане же весело работали, смеясь и распевая песни, и, похоже, не обратили на девочек никакого внимания.

Весь день стадо паслось на лугу и все было хорошо, если не считать того, что Злючка то и дело забиралась на соседнее поле и лакомилась чужой люцерной, причем так нагло и упрямо, что на третий раз ее пришлось гнать хворостинной. Когда же она стала улепетывать, пес вцепился в ее хвост и повис. Так она и бежала добрых два десятка метров.

— Ничего, я еще отыграюсь, — бормотала Злючка, возвращаясь в стадо.

Под вечер сестренки надумали пойти к речке поболтать с рыбками, а пес, вместо того чтобы остаться приглядеть за коровами, увязался за ними. По правде говоря, беседа получилась не слишком интересной. Единственная, кого они увидели, была здоровенная щука, дура душой; что бы ей ни говорили, она знай себе бубнила: «По-моему, самое главное — хорошо поесть да хорошо поспать, остальное — пустяки». Отчаявшись вытянуть из нее что-нибудь еще, пастушки и пес вернулись на луг. Стадо мирно паслось, но Злючки нигде не было. Коровы старательно, не поднимая голов, жевали траву и не заметили, куда она делась.

Дельфина и Маринетта были уверены, что она пошла домой, чтобы вернуться первой и опять оговорить их перед родителями. Надеясь догнать ее по дороге, они поскорее собрали стадо и погнались за коров чуть ли не бегом.

Родители еще не вернулись с поля, но не было и Злючки, никто ее не видел. Девочки не на шутку испугались, да и пес со страхом думал, что его ждет. Но был во дворе один очень красивый и очень рассудительный селезень, который сказал:

— Спокойно. Прежде всего надо подоить коров и отнести молоко в лавку. А там видно будет.

Девочки так и сделали. И успели прибежать назад до прихода родителей. Те вернулись поздно. Уже стемнело, и в кухне горел свет.

— Добрый вечер, — сказали родители. — Ну как? Ничего сегодня не случилось?

— Ничего, — ответил пес. — Конечно, ничего.

— А тебя пока не спрашивают. Что за несносное животное! Так как же, дочки, ничего не случилось?

— Нет, — ответили девочки дрожащими голосами, покраснев до ушей. — Вроде бы ничего...

— Вроде бы? Хм! Ладно, послушаем, что скажут коровы.

Родители вышли из кухни, но пес опередил их и прибежал к селезню, который ждал его в хлеву на месте Злючки.

— Добрый вечер, коровы, — сказали родители. — Как прошёл день?

— Великолепно. Никогда еще мы не ели такой вкусной травы.

— Вот и хорошо. И никаких неприятностей не было?

— Никаких.

В хлеву было темно, и родители пробирались вглубь ощупью.

— Ну, а ты что же молчишь, Злючка, умница ты наша?

В ответ им пес, которому селезень подсказывал каждое слово, проговорил томным голоском:

— Я так наелась, что ужасно хочу спать.

— Ах ты, хорошая коровка! Приятно послушать. Значит, сегодня тебе никто не мешал?

— Нет, сегодня, кажется, не на кого пожаловаться...

Тут пес замешкался, но селезень понукал его, и он неохотно продолжал:

— Пожалуй, не на кого, разве что на этого гадкого пса: он вцепился мне в хвост и повис на нем. Вы, конечно, вольны думать как угодно, но коровий хвост не для того создан, чтобы на нем, как на качелях, раскачивались псы.

— Конечно, не для того! Ах, мерзкий пес! Ну, ничего, мы его проучим, все ребра ему пересчитаем. Он и не догадывается, каково ему придется.

— Не бейте его очень сильно. Он ведь в общем-то сделал это шулки ради.

— Нет-нет, нечего жалеть эту подлую псину, пусть получит все сполна.

С этими словами родители снова пошли на кухню. Пес был уже там, лежал, свернувшись, у печки.

— Ну-ка, поди сюда! — закричали родители.

— Иду, — сказал пес. — Но вы как будто на меня за что-то сердитесь. Или это мне кажется, бывает, знаете ли...

— Поди сюда, кому говорят!

— Иду-иду. Спешу как могу. У меня ведь ревматизм вот здесь, в правом боку...

— Вот сейчас ты как раз и получишь хорошее лекарство, —

сказали родители, свирепо поглядывая на острые носы своих деревянных башмаков. Но девочки вступились за пса, стали так горячо уверять, что он не сделал ничего плохого, что отец с матерью только по разочку его и пнули.

На другое утро, придя доить коров, родители увидели, что Злючки в хлеву нет. В ее стойле стояло полное ведро парного молока — это коровы постарались, каждая понемногу.

— Только что, пока вы были на чердаке, — объяснил родителям селезень, — Злючка пожаловалась на головную боль, попросила Дельфину подоить ее первой, а потом Маринетта повела ее на луг.

— Что ж, если Злючка так захотела, девочки правильно сделали, — сказали родители.

Между тем Маринетта шла на луг одна. Фермерша с торчащим зубом стояла у своих ворот. Она удивилась, увидев пастушку без стада и без пса.

— Если бы вы знали, какое у нас несчастье! — сказала Маринетта. — Вчера вечером потерялась одна корова.

Фермерша твердо сказала, что Злючку не видела. Но прибавила, кивнув на ту сторону дороги, где цыгане завтракали, сидя на траве перед кибиткой:

— Сейчас надо получше приглядывать за скотиной и вообще за всем своим добром, а то, глядишь, у кого пропажа, а у кого и прибыль.

Проходя мимо кибитки, Маринетта украдкой взглянула на цыган, но расспрашивать их не решилась. Да ей и не верилось, что они увели Злючку. Куда им было ее спрятать? В кибитку она не влезет, там слишком узкая дверца. Маринетта спустилась к речке и спросила у рыб, не утонула ли вчера корова в каком-нибудь омуте. Но ни одна рыба ни о чем таком не слыхала.

— Мы бы давно все знали, — сказал один карп. — По реке новости расходятся быстро. Уж, во всяком случае, моему сыну это бы еще вчера вечером было известно. Он вечно шныряет по омутам да бродам.

Маринетта немножко успокоилась и пошла на луг, куда к этому времени пришло стадо. Она рассказала сестре о своем разговоре с хозяйкой крайней фермы, и Дельфине это очень не понравилось. Если фермерша повстречает родителей, она наверняка расскажет им про Злючку.

— Правда, — сказала Маринетта. — Об этом я и не подумала.

Сначала девочки ждали, что Злючка вот-вот вернется: за ночь, проведенную в лесу или в поле, обида ее должна была пройти. Но время шло, а ее все не было. Коровы волновались вместе с пастушками и даже перестали жевать. К полудню уже не было никакой надежды. Наспех перекусив, сестренки решили пойти в лес искать Злючку. Им очень не хотелось верить, что корову украли, — как знать, может, она искала ночлег и просто заблудилась.

— Вы останетесь здесь одни, — сказала Дельфина коровам. — Можно было бы оставить с вами пса, но он нам будет нужнее в лесу. Пожалуйста, ведите себя как следует. Не ходите в клевер и не подходите к речке, пока нас нет.

— Не беспокойтесь, — обещали коровы. — Можете на нас положиться. Ни в клевер, ни к речке мы не пойдём. Не хватало еще, чтобы мы прибавили вам хлопот, — у вас их и так предостаточно.

Девочки дошли по берегу реки до леса и долго-долго бродили там. Пес носился повсюду, обнюхивал тропинки, рыскал по кустам и оврагам. Но сколько они ни искали, сколько ни звали

Злючку, все без толку. Они расспросили всех лесных жителей — кроликов, белок, косуль, соек, ворон, сорок, — но никто ничего не слышал о заблудившейся корове. Один ворон услужливо взялся слетать на другой конец леса, но и там о пропавшей корове ничего не знали. Продолжать поиски не имело смысла. В лесу Злючки явно не было.

Расстроенные, Дельфина и Маринетта повернули назад. Было уже четыре часа дня, вряд ли Злючка могла найтись до вечера.

— Придется снова разыгрывать вчерашнюю комедию, — вздохнул пес. — И, верно, мне опять перепадет парочка хороших пинков.

На лугу их ждал новый жестокий удар. Коров нигде не было. Все стадо исчезло, ушло неизвестно куда. Этого девочки не выдержали и расплакались. Пес, понимавший, что теперь он до конца жизни будет получать одни пинки, тоже не удержался от слез. Делать на лугу больше было нечего, и они скрепя сердце поплелись домой.

Цыган около кибитки не было, это выглядело довольно подозрительно.

На вопрос Дельфины и Маринетты фермерша ответила, что понятия не имеет, куда могли подеваться коровы, но намекнула, что это отлично известно цыганам. У нее тоже вчера пропал цыпленок и не вернулся, и она уверена, что он тут, неподалеку, если, конечно, его еще не съели.

Родителей дома не было. У ворот сестер поджидали селезень, кот, петух с курами, гуси и свинья — всем не терпелось узнать, нашлась ли Злючка, когда же они увидели, что девочки с псом

идут домой без стада, то страшно удивились. Известие об исчезновении коров всех ошеломило. Гуси запричитали, куры суматошно забегали, свинья завизжала как резаная, а петух из сочувствия к псу, на которого было жалко смотреть, вдруг залаял. Кот, кусавший себе губы, чтобы скрыть волнение, проглотил собственный ус и чуть не подавился. А девочки среди этой шумной скорби снова разрыдались, отчего горестный хор стал еще громче. Только селезень оставался невозмутимым. Он выдывал кое-что и похуже.

— Что толку реветь, — утихомиривал он животных и, добившись тишины, сказал: — Если родители вернуться, как вчера, когда будет уже темно, все можно уладить, только надо, не теряя времени, приготовиться к их приходу.

Он подробно объяснил, кто что должен делать, и еще проверил, все ли поняли. Свинья еле дослушала селезню и все порывалась перебить его.

— Все это прекрасно, — сказала она наконец, — но есть кое-что и поважнее.

— Что же, скажи на милость?

— Найти коров.

— Да, — вздохнули Дельфина и Маринетта, — но как?

— Я берусь отыскать их, — заявила свинья. — Предоставьте все мне, и завтра к полудню коровы будут найдены.

С месяц тому назад свинья подружилась с собакой-ищейкой, приезжавшей в их деревню вместе с хозяином на лето. Наслушавшись о ее детективных приключениях, свинья мечтала сама совершать такие же подвиги.

— Я примусь за дело с самого утра. Кажется, я уже напала на след. Только достаньте мне, пожалуйста, накладную бороду.

— Накладную бороду? — удивились Дельфина и Маринетта.

— Чтобы меня не узнали. С накладной бородой я где угодно останусь незамеченной.

Все сошло удачно, как и рассчитывал селезень. Родители пришли поздно, когда уже стемнело. Поговорили с дочками, а потом пошли в хлев, где ничего не было видно.

— Добрый вечер, коровы, — сказали они. — Ну, как прошел день?

И петух, гуси, кот и свинья, спрятавшиеся в коровьих стойлах, ответили им басом:

— Лучше некуда. Теплое солнышко, нежная травка, хорошее общество — что может быть лучше.

— Верно, денек выдался славный.

— Ну, а ты, Рыжуха? — обратились родители к корове, чье стойло занимал кот. — Ты что-то неважно выглядела утром. Наелась ли ты вволю?

— Мяу! — ответил кот, растерявшись от волнения.

Дельфина и Маринетта, стоявшие на пороге, так и задрожали, но кот быстро поправился:

— Кажется, я наступила на хвост коту, ну, да этот дурень сам виноват, нечего вертеться под ногами. Вы спросили, наелась ли я? Еще как! В жизни так не наедалась, как сегодня, аж брюхо по земле тащится.

Родители порадовались такому ответу и уже протянули руки, чтобы пощупать это туго набитое брюхо. Тут бы все и провалилось, если бы не пес: он окликнул родителей из глубины хлева, и они сразу пошли к нему:

— Спасибо, мне гораздо лучше. Но я весь день переживала, что ушла, не попрощавшись с вами.

— Ах ты, золотая коровка, — сказали родители. — Уж как приятно тебя послушать!

Они были так растроганы, что им захотелось обнять Злючку или ласково похлопать ее по спине.

Но не успели они шагнуть на ее подстилку из соломы, как их отвлек шум на другом конце хлева, там, похоже, кто-то дрался.

— Ребра переломаяю! — вопил кот коровьим басом. — Усы выдеру этому заморышу!

И отвечал сам себе своим обычным голосом:

— Полегче! Не то, какой я ни заморыш, а научу тебя вежливости.

Родители, конечно, стали спрашивать, что случилось, и свинья ответила им:

— Это кот опять путается под ногами у кота... То есть... это корова... то есть кот...

— В общем все ясно, — перебили ее родители. — Коту здесь делать нечего. А ну, брысь!

Они уже направились к выходу, но вспомнили что-то еще и снова вернулись к Злючке:

— Кстати, скажи-ка, Злючка, не было ли сегодня на лугу каких-нибудь безобразных выходок? Говори все без утайки.

— Надо же!

— Он был такой смирный, такой послушный. И вообще тихо лежал и спал целый день.

— Спал? Ничего себе! Уж не думает ли этот лентяй, что его кормят, чтобы он целыми днями дрых? Ну, мы его прочим!

— Погодите, родители, будьте же справедливы!

— По справедливости он и получит, что заслужил.

Когда родители вошли на кухню, пес лежал, свернувшись, у печки.

— Ну-ка, поди сюда, бездельник, — сказали родители.

Дальше все было как и накануне: девочки стали заступаться за пса, и он отделался парой-другой пинков.

На другое утро все обошлось как нельзя лучше. Родители обычно вставали по петушину крику. Но селезень велел петуху на этот раз промолчать, и родители проспали дольше обычного за закрытыми ставнями. Девочки тихо оделись, на цыпочках пошли на кухню, сложили в корзинку припасы и так же бесшумно вышли. Свинья, сгорая от нетерпения, дождалась их во дворе.

— Накладную бороду не забыли? — шепотом спросила она.

Сестренки привязали ей пышную, желтую с рыжеватым отливом бороду из кукурузных метелок, которая доходила ей до самых глаз. Свинья была в восторге.

— Ждите меня на лугу, — сказала она, — к полудню я приведу вам стадо живым или мертвым.

— Лучше все-таки живым, — заметила гусыня.

— Само собой, но факты — вещь упрямая, тут ничего не поделаешь. Впрочем, если мои догадки верны, наши коровы живы-живехоньки.

Свинья дождалась, пока уйдут девочки с псом, а минут через пять сама вышла со двора. Она шла не спеша, делая вид, что просто гуляет, чтобы не привлекать к себе внимания.

Когда родители проснулись, было уже восемь часов. Они не поверили своим глазам.

— Я кукарекал чуть не целый час, — уверял их петух, — а вы никак не вставали. Ну, я и замолчал.

— И девочки не посмели вас разбудить, — сказал селезень. — Они погнали коров на пастбище. Да, чуть не забыл: Злючка просила вам передать, что голова у нее больше не болит.

Никогда в жизни родители не вставали так поздно; с перепугу они решили, что заболели, и не пошли в поле.

Часов в десять, обойдя всю деревню, свинья окольным путем прибежала на луг. Гордо поднятая голова, борода торчком — увидев ее, девочки с надеждой спросили:

— Нашла?

— Конечно. То есть я знаю, где они.

— Так где же?

— Терпение, — сказала свинья. — Не так быстро. Дайте мне сесть и передохнуть. Я страшно устала.

Она уселась на траву перед Дельфиной, Маринеттой и псом и сказала, поглаживая копытом бороду:

— На первый взгляд дело представляется весьма запутанным, но по здравом размышлении видно, что оно чрезвычайно простое. Следите за моей мыслью. Если коров украли, значит, это сделали воры.

— Верно, — согласились девочки.

— А все воры, как известно, бывают плохо одеты.

— Чистая правда, — подтвердил пес.

— Значит, встает вопрос: кто у нас в деревне одет хуже всех? Ну-ка подумайте и скажите.

Девочки назвали несколько имен, но свинья с хитрым видом качала головой:

— Не угадали! Хуже всех в округе одеты цыгане, которые третий день стоят табором у дороги. Выходит, наших коров украли они.

— Я так и знала! — в один голос выпалили Дельфина и Маринетта.

— Ну, конечно, — сказала свинья, — теперь вам кажется, что вы сами дошли до истины. Еще немного — и вы забудете, что только моя проницательность открыла вам глаза. Люди неблагодарны. Так уж устроен мир.

Свинья замолчала и помрачнела, но девочки и пес стали осыпать ее похвалами, и она снова оживилась.

— Осталось пойти к ворам, — сказала она, — и заставить их во всем признаться. Это я сделаю запросто.

— Я пойду с тобой, — предложил пес.

— Нет, это дело тонкое. Ты можешь все испортить. И вообще я люблю работать в одиночку.

Она снова пообещала привести стадо к полудню и убежала. Цыган она застала сидящими в кружок и плетущими корзинки. Они действительно были очень плохо одеты, лохмотья едва прикрывали тело. Около кибитки паслась старая кляча, такая же тощая и жалкая, как ее хозяева. Свинья решительно подошла к цыганам и дружелюбно обратилась к ним:

— Привет честной компании!

Цыгане взглянули на нее, и один из них очень сдержанно ответил на приветствие.

— Как ваше здоровье? — спросила свинья.

— Ничего, — ответил цыган.

— А как детки?

— Ничего.

— А как старики?

— Ничего.

— А лошадка как?

— Ничего.

— А коровки?

— Ничего.

На последний вопрос цыган ответил машинально и тут же поправился:

— Что до коров, то за их здоровье можно не опасаться, поскольку их у нас попросту нет.

— Поздно! — торжествующе сказала свинья. — Вы уже признались. Это вы увели коров.

— Это еще как понимать? — спросил цыган, хмуря брови.

— Ну, хватит отпираться, — отрезала свинья. — Отдавайте коров, которых украли, не то...

Но договорить она не успела. Все цыгане вскочили и набросились на нее, не пощадив роскошной бороды, а ее угрозы и негодующие вопли только распалили их. Свинья насилу вырвалась и, теряя на ходу ниточки из бороды, помчалась прочь. Добежав до крайней фермы, она укрылась там — хозяева охотно пустили ее. Полдень миновал, было уже два часа. Дельфина и Маринетта ждали свинью, изнывая от тревоги, но вместо нее за новостями явился селезень.

Девочки все ему рассказали, объяснили, почему подозрения свиньи пали на цыган, и он, казалось, одобрил ее умозаключения.

— Судить о людях по внешности — это очень мудро. Если только умеешь судить верно, — сказал он. — Что до нашей ищейки, она, я думаю, недалеко и уже нашла Злючку и остальных коров. Пойдемте-ка и мы к ним.

И они все вместе: Дельфина, Маринетта, селезень и пес — отправились к цыганской кибитке. Там никого не было — цыгане ушли в деревню торговать корзинками, которые успели сплести с утра. Селезня их отсутствие нисколько не смутило. Наклонившись к самой земле, он что-то разглядывал.

— Посмотрите на эти желтые ниточки, — сказал он, — вон одна, другая, и еще, и еще... Как будто свинья играла в мальчика с пальчик и нарочно разбрасывала волоски из своей бороды. Интересно, куда приведет нас этот след.

Друзья пошли по пути, отмеченному желтыми волосками, и скоро пришли к крайней ферме. Хозяева были дома.

— Здравствуйте, — сказал селезень. — Я вижу, вы ничуть не похорошели. Как это с такими рожами вас еще не упекли за решетку?

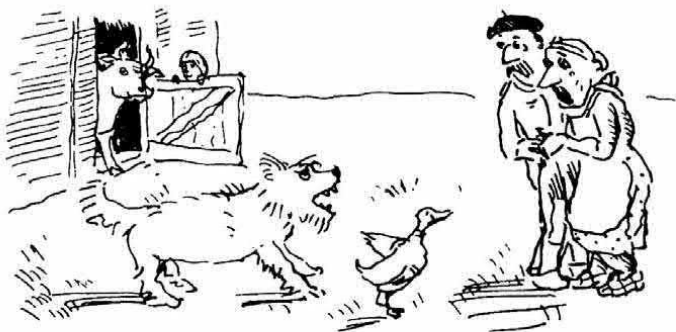
Хозяин с хозяйкой успели только ошарашенно переглянуться, а селезень продолжал, обернувшись к Дельфине и Маринетте:

— Ну-ка, девочки, откройте ворота в хлев, да не робейте. Вы найдете там старых знакомых, которым давно не терпится выйти на свежий воздух.

Хозяева бросились было к хлеву, чтобы помешать сестрам, но селезень предостерег их:

— Если вы хоть пальцем пошевелинете, я велю моему другу псу разорвать вас в клочья.

Пока пес стерег хозяев, девочки отперли хлев, и тут же во двор вырвались свинья и все стадо коров. Злючка с виноватым видом пряталась среди подруг. Хозяева фермы пристыженно опустили головы.

— Оказывается, вы очень любите животных, — сказал селезень.

— Мы просто пошутили, — стала оправдываться фермерша. — Позавчера Злючка попросила меня приютить ее на два-три дня. Она хотела разыграть девочек.

— Неправда, — вмешалась Злючка. — Я попросила пустить меня только на одну ночь, а на другой день вы меня удержали силой.

— А как попали сюда остальные коровы? — спросила Дельфина.

— Я боялась, что Злючке одной будет скучно. Вот и решила привести ей подруг.

— Она пришла на луг и сказала, что Злючка заболела и зовет нас, — объяснила одна из коров. — Ну, мы поверили ей и пошли, не чуя ничего дурного.

— Вот и я тоже, — сердито буркнула свинья, — не подумала ничего дурного, когда она предложила мне зайти в хлев.

Отчитав хозяев и предсказав напоследок, что рано или поздно им не миновать тюрьмы, селезень увел всех со двора. На

дороге они расстались: девочки погнали коров на пастбище, а селезень со свиньей пошли домой. Свинья сокрушенно думала о своей неудаче и о бесполезности самых безупречных рассуждений.

— Скажи мне, селезень, как ты догадался, что коров украли хозяева крайней фермы? — спросила она.

— Нынче утром фермер проходил мимо нашего дома. Родители были во дворе, и он остановился потолковать с ними, причем и словом не обмолвился о пропаже коров, хотя знал об этом от девочек.

— Но он ведь знал, что девочки ничего не сказали родителям и, может, не хотел их выдавать, чтобы их не наказали.

— Обычно ни он, ни его женушка не упускали случая наябедничать на девочек. И вообще, у них вороватые физиономии.

— Ну, это еще ничего не доказывает.

— Доказывает, да еще как. Мне бы и одного этого доказательства хватило, а тут еще волоски из твоей бороды привели к самому хлеву, так что не осталось никаких сомнений.

— А ведь они, — вздохнула свинья, — одеты лучше, чем цыгане.

Когда вечером сестренки пригнали стадо домой, родители

были во дворе. Злючка, едва завидев их, рванулась вперед и торопливо заговорила:

— Сейчас я вам все объясню. Это Дельфина и Маринетта виноваты.

И она долго рассказывала о том, как и почему пропала она сама и все стадо. Родители, уверенные, что еще вчера вечером разговаривали с ней и с другими коровами, ничего не поняли. А свинья и коровы стали наперебой говорить, что ничего подобного не было, так что Злючка чуть не задохнулась от возмущения.

— Знаете, — сказал селезень, — вот уже несколько недель у бедной Злючки что-то с головой. У нее просто мания какая-то: ей непременно надо, чтобы девочек и пса каждый день наказывали, вот она и выдумывает невесть что.

— И правда, — сказали родители. — Мы и сами заметили.

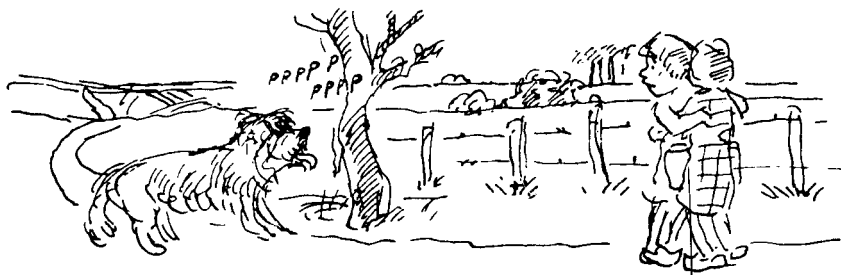
С того дня родители перестали верить Злючкиным рассказам. А у нее от обиды пропал аппетит, и она почти перестала давать молоко. Так что теперь родители подумывают, не зарезать ли ее на мясо.

пес

Однажды Дельфина и Маринетта возвращались на ферму с покупками для родителей. До дома оставалось пройти совсем немного. В корзинке у них лежали три куска мыла, сахарная голова, телячьи потроха и на пятнадцать су гвоздики. Девочки раскачивали корзину, каждая за свою ручку, и пели веселую песенку. Едва они дошли до припева — «тра-ля-ля, тра-ля-ля-ля», — как вдруг из-за поворота выскочил большой кудлатый пес. Он бежал, не разбирая дороги, вид у него был грозный: пасть оскалена, клыки торчат, язык свисает до самой земли. Вдруг пес резко взмахнул хвостом и рванулся вбок, да так неуклюже, что налетел на дерево у обочины. От неожиданности он попятился и сердито зарычал. Девочки похолодели от страха и прижались друг к другу, чуть не раздавив корзинку.

Маринетта все же продолжала напевать еле слышным дрожащим голоском:

— Тра-ля-ля, тра-ля-ля-ля...

— Не бойтесь, — окликнул их пес, — я вовсе не злой, я добрый. Но меня постигло несчастье — я ослеп.

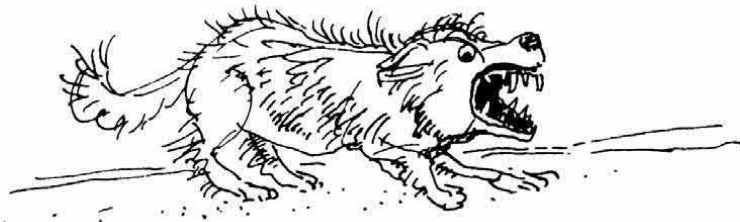
— Бедный пес! — вскричали девочки. — Как же это случилось?

Пес приблизился к сестрам, дружелюбно виляя хвостом. Потом лизнул им колени, по-свойски обнюхал корзину и стал рассказывать.

— Со мной приключилось вот что... — начал он, но вдруг остановился. — Давайте присядем, а то меня просто лапы не держат.

Девочки вслед за псом сошли с дороги и уселись на траву, причем Дельфина из предосторожности поставила корзину между ногами.

— Ффу-у, до чего хорошо передохнуть! — вздохнув, сказал пес. — Ну так вот. Прежде чем ослепнуть, служил я поводырем слепому. Еще вчера он держался за эту веревку — видите, у меня на шее. Теперь-то я понимаю, каково ему было бы без помощника... Ведь я выбирал дороги поровнее и покрасивее, где боярышник в цвету. Шли мимо хутора — я говорил: «Вон хутор», и мы сворачивали туда. Крестьяне подавали ему кусок хлеба, мне бросали кость, иногда пускали нас переночевать в амбар. Я защищал его, если мы попадали в переплет, — знаете, что такое откормленные дворовые псы... да и люди не очень-то привечают бедняков. Но я принимал злобный вид, и нас не трогали. Я ведь любого могу напугать, если захочу, смотрите...

И пес грозно заворчал, скаля зубы и бешено вращая глазами. У девочек душа ушла в пятки.

— Не надо больше, — попросила Маринетта.

— Да я только показать хотел, — смутился пес. — В общем я служил хозяину верой и правдой. Еще он любил поболтать со мной. За беседой и время идет быстрее, хотя какой из меня, пса, собеседник...

— Да что вы, вы говорите ничуть не хуже человека.

— Вы очень любезны, — ответил пес. — Боже, как вкусно пахнет ваша корзинка!.. Да, о чем бишь я?.. А, о хозяине! Я всячески старался скрасить ему жизнь, однако угодить не мог никак. Из-за сущих пустяков он то и дело награждал меня пинками. Поэтому вообразите мое удивление, когда позавчера он ни с того ни с сего приласкал меня и заговорил со мной дружелюбно. Признаться, я был в восторге. Для меня нет на свете ничего слаще ласки, лишь она дает истинное счастье. Погладьте меня, пожалуйста...

Пес подставил сестрам кудлатую голову. Девочки погладили его, и пес завил хвостом, тоненько поскуливая от удовольствия.

Затем он вернулся к своему рассказу.

— Как ни приятны ваши ласки, но закончить мою историю нужно. Умаслив меня и так и эдак, хозяин вдруг спрашивает: «Пес, не возьмешь ли себе мою беду, мою слепоту?» Этого я, конечно, не ожидал. Взять себе его беду! Тут и закадычнейший друг растеряется. Думайте обо мне что хотите, но я отказался.

— Ну, еще бы! — вскричали девочки. — И правильно!

— Вы бы отказались? Нет, а меня мучили угрызения совести, что я не сразу согласился.

— Не сразу?.. Неужели вы все-таки...

— Погодите! На следующий день хозяин был еще обходительнее, чем накануне. Он ласково меня гладил, а я сгорал со стыда, он клялся сделать меня счастливейшим из псов, водить по дорогам, как водил его я, и защищать от обидчиков, как я, бывало... Но едва я взял себе его беду, он покинул меня, не молвив ни слова на прощанье. Со вчерашнего вечера я брожу один по полям, по лесам, стучаюсь о деревья, спотыкаюсь о придорожные камни. И вот я почуял слабый запах телятины, а потом услышал вашу песенку и подумал: эти девочки, наверное, меня не прогонят...

— Конечно, нет! — воскликнули сестры. — Мы вам очень рады.

Пес вздохнул и добавил, обнюхивая корзинку:

— К тому же я безумно голоден... Это у вас, наверное, телятина?

— Да, это телячьи потроха, — подтвердила Дельфина. — Но, понимаете, мы купили их для родителей... Они не наши.

— Значит, нечего о них и думать. Ах, все равно потроха, должно быть, очень вкусные! А не пойти ли нам к родителям? Если они не возьмут меня в дом, так, может, хоть косточку дадут, нальют миску супа и пустят переночевать.

Девочки с радостью согласились, хотя не знали, как их встретят родители. Да и с котом надо было считаться — ведь он в доме важная персона, а пес ему вряд ли понравится.

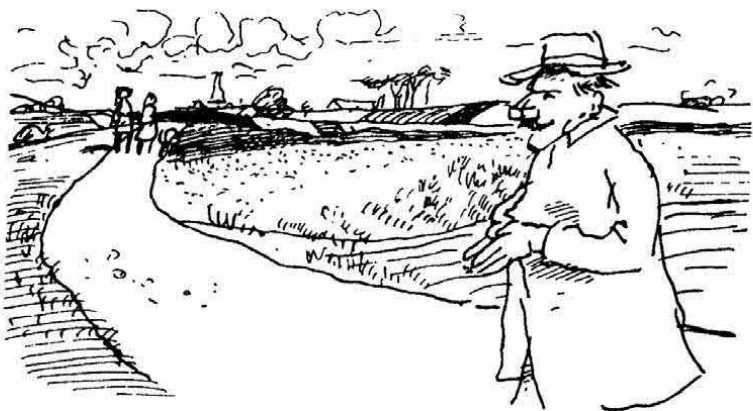
— Пойдемте, — храбро сказала Дельфина, — уж мы постараемся, чтобы вас взяли.

Все трое встали, и вдруг девочки увидели на дороге известного на всю округу разбойника. Он промышлял тем, что подстерегал детей и среди бела дня отбирал у них корзины.

— Разбойник! — ахнула Маринетта. — Пропали наши покупки...

— Не бойтесь, — сказал пес. — Я мигом отобью у него охоту безобразничать.

Злодей спешил к ним навстречу и уже потирал руки, воображая, какими яствами набита заветная корзина, но, поглядев на пса и услышав его свирепое рычание, решил не лезть на рожон. Он сошел на обочину и приподнял шляпу в знак приветствия. Девочки чуть не расхохотались ему в лицо.

— Не смотрите, что я слеп, — сказал пес, когда разбойник скрылся за поворотом, — я вам еще пригожусь.

Пес был очень доволен. Сестры по очереди вели его за веревку.

— Мы с вами чудесно заживем, — приговаривал он. — А как же вас зовут?

— Мою сестру, что держит веревку, зовут Маринеттой, она посветлей меня.

Пес остановился и обнюхал девочку.

— Прекрасно, — сказал он, — Маринетта. Теперь уж я не забуду.

— А это Дельфина, она постарше.

— Прекрасно, Дельфина, ее я ни с кем не спутаю. Путешествуя с прежним хозяином, я встречал множество девочек, но, должен признаться, никто из них не носил таких прелестных имен — Дельфина и Маринетта.

Сестры залились краской. Пес, конечно, этого не видел и продолжал расточать им комплименты. Он хвалил их также за нежные голоса — и за рассудительность характера: будь иначе, родители вряд ли поручили бы дочкам столь серьезное дело, как покупка телячьих потрохов.

— Не знаю, кто их выбирал, однако уверяю вас, пахнут они божественно...

О чем бы ни зашла речь, пес все сбивался на потроха и готов был превозносить их без конца. То и дело он тянулся к корзине — и, ничего не видя вокруг, только путался в ногах у Маринетты и один раз чуть не повалил ее.

— Послушайте, пес, — урезонивала его Дельфина, — полно мечтать о телячьих потрохах. Честное слово, я с радостью отдала бы их вам, да это попросту невозможно. Что скажут родители, если мы вернемся домой без них?

— Понятно, станут вас бранить...

— И нам придется сказать, что их съели вы; тогда они не пустят вас на ночлег и прогонят прочь.

— А может, и побьют, — вставила Маринетта...

— Вы правы, — в знак согласия кивнул пес, — не подумайте, будто я чревоугодник, я говорю о телячьих потрохах, потому что мне нравится беседовать с вами, а не затем, чтобы их заполучить. Потроха меня ничуть не интересуют. Спору нет, они восхитительны, но в них нет костей. Когда к столу подают телячьи потроха, хозяева наедаются вволю, а пес остается голодным.

Так, разговаривая, девочки и слепой пес дошли до дома. Первым их увидел кот. Он взъерился, выгнув спину дугой,

шерсть у него встала дыбом — и пыль взметнулась по полу от удара хвостом. Кот побежал на кухню и сообщил родителям:

— Представляете, девочки привели с собой пса!

— Пса? — удивились родители. — Вот еще не доставало! Они вышли во двор и убедились, что кот говорит правду.

— Что это за пес? — недовольно спросил отец. — Зачем вы привели его сюда?

— Он слепой, — отвечали дочки, — брел по дороге понуро, стучался головой обо все деревья подряд...

— И пусть его! Вам ведь не велено заводить разговоры с чужими.

Тут пес выступил вперед, поклонился и, обращаясь к родителям, с достоинством произнес:

— Похоже, в вашем доме не найдется места слепому псу. Что ж, не стану докучать хозяевам и пойду себе восвоюси. А на прощанье позвольте заметить: какое счастье иметь столь рассудительных и послушных дочерей! Шел я дорогой, конечно, их не видя, и вдруг до меня донесся чудесный аромат телячьих потрохов. Со вчерашнего дня я ничего не ел, и мне очень хотелось их попробовать. Но сестры и близко не подпустили меня к корзинке. Знаете, что они сказали? «Телячьи потроха мы купили для родителей, а раз для родителей, значит, они не для пса». Вот что они сказали. Кто как,

а я, стоит встретить таких благоразумных, послушных девочек, забываю о голоде и завидую их родителям...

Мать улыбнулась Дельфине с Маринеттой, да и отцу похвалы пса пришлось по душе.

— Не жалуемся, — ответил он, — дочери у нас хорошие. Я только хотел уберечь их от дурных знакомств, но вашему приходу весьма рад. Вас ждет миска супа, милости прошу на ночлег... Отчего же вы ослепли и отчего бродите по дорогам один-одинешенек?

Пес еще раз поведал, как взял себе беду хозяина, а тот вместо благодарности бросил его на произвол судьбы. Родители слушали внимательно, не скрывая волнения.

— Вы — лучший пес на свете! — воскликнул отец. — Увы, хозяин воспользовался вашей добротой. Но милосердие достойно награды, и я хочу вам помочь. Оставайтесь в доме. Я выстрою для вас отличную конуру, да и в супе нет недостатка, не говоря уже о костях. Вы много путешествовали на своем веку, и послушать рассказы о городах и весях, в которых вы побывали, нам будет полезно.

Девочки зарделись от удовольствия. Вся семья радовалась решению отца, растрогался и кот: шерсть у него на спине улеглась, он не шипел и поглядывал на пса приветливо, не то что раньше.

— Вот оно, счастье, — вздохнул пес. — Я не надеялся найти у людей радушный прием, особенно после того, как меня обманул хозяин.

— Ваш хозяин плохой человек, — сказал отец. — Злой, самовлюбленный и неблагодарный. Пускай обходит наш дом стороной, иначе неприятностей не оберется.

Пес покачал головой и печально произнес:

— Хозяин и так наказан. Не то чтобы его мучили угрызания совести из-за меня, нет. Но он трудиться не любит, а теперь он зрячий и должен сам зарабатывать на хлеб и наверняка жалеет о прекрасных днях, когда можно было бездельничать и жить милостыней. Признаюсь, меня тревожит его судьба, ведь он лентяй, каких поискать.

Кот фыркнул. Что за глупый пес, беспокоится о хозяине, который его бросил! Родители так прямо и сказали:

— Да, пес, видно, беда вас ничему не научила.

Пес смутился и приуныл. Но девочки обняли его за шею, и Маринетта крикнула, глядя коту в глаза:

— Просто он добрый! А ты, кот, лучше не фыркай, а сам попробуй быть добрым!

— И когда мы с тобой играем, — прибавила Дельфина, — не царапайся!

— Помнишь, вчера?

Коту стало стыдно. Он поплелся к дому, бормоча, что это несправедливо, ведь он царапается в шутку или вовсе нечаянно, и вообще неизвестно, кто из них добрее — он или пес.

Девочки очень полюбили пса. Собираясь за покупками, всегда звали его:

— Пойдешь с нами?

— Да, да, скорее несите ошейник!

Дельфина надевала псу ошейник, Маринетта бралась за веревку (или наоборот), и все трое отправлялись за покупками.

По дороге девочки описывали псу то, чего он не видел: вот пасется на лугу стадо коров, вот плывет по небу облако... Случалось, они путали что-нибудь, например, названия птиц, и пес переспрашивал:

— А какого цвета эти птицы?

— У самой большой спинка желтая, крылья черные, а хвост черный с желтым.

— Тогда это иволга. Слушайте, сейчас она запоет...

Иволга далеко не всегда была в настроении, но пес так хотел, чтобы девочки услышали ее пение, что запевал сам. Правда, у него получалась не песня иволги, а лай, и это было ужасно смешно — они даже останавливались, чтобы нахохотаться всласть.

А если на опушку выбегали лиса или заяц, тут уж пес, опустив голову и принявшись, говорил девочкам:

Смех не умолкал всю дорогу. Они придумали игру — кто быстрее допрыгает до ближайшего дерева, поджав ногу, — и каждый раз выигрывал пес, ведь он-то бежал на трех лапах.

— Нечестно, — доказывали девочки, — мы же прыгаем на одной ноге!

— Подумаешь, — отвечал пес. — С вашими ножищами это пара пустяков!

Коту не нравилось, что пса берут за покупками. Он с удовольствием полеживал бы целыми днями у приятеля между лапами да мурлыкал. Пока Дельфина с Маринеттой учились в школе уму-разуму, кот и пес ни на минуту не разлучались. В ненастные дни они сидели в конуре, болтали или просто дремали, прижавшись друг к другу. А в хорошую погоду псу никак не сиделось на месте.

— Эй, лежебока, вставай, — звал он, — побегаем, погуляем!

— Мур-р, мур-р... — сонно жмурился кот.

— Пойдем, пойдем! Будешь показывать мне дорогу.

— Мур-р, мур-р... — сонно жмурился кот — на самом деле он и не думал спать.

— Притворяешься? Я ведь знаю, ты не спишь. А, вот в чем дело... ну, иди!

Пес наклонялся, кот взбирался ему на спину, усаживался поудобнее, и они шли побродить по окрестностям.

— Прямо... — говорил кот. — Теперь налево... Ты не устал? Я могу спрыгнуть...

Пес уставал редко: ему совсем не тяжело было возить на себе кота. Гуляя по лугам и полям, они беседовали о домашних событиях, о сестрах, о родителях. Кот стал добрым, хотя ему случалось иногда царапнуть то Дельфину, то Мари-нетту. И он с неизменной заботой осведомлялся у пса, доволен ли тот своей жизнью, хорошо ли ел и спал.

— Тебе нравится у нас в доме, пес?

— О да! — вздыхал пес. — Жаловаться не приходится, все очень добры ко мне...

— Значит, да? А мне кажется, ты чего-то недоговариваешь.

— Нет, уверяю тебя! — возражал пес.

— Жалеешь хозяина?

— Нет, по правде говоря... сержусь на него... Я счастлив, меня окружают друзья, но все-таки приятнее своими собственными глазами глядеть на белый свет...

— Разумеется, — вздыхал и кот, — разумеется...

Прошло несколько дней, и девочки опять собрались за покупками. Услышав, что они зовут с собой пса, кот разворчался: могли бы пойти и одни, им забава, а каково слепому псу брести по дороге. Девочки засмеялись, и Маринетта предложила коту присоединиться к ним, но тот, смерив ее взглядом, надменно отвечал:

— Мне ли, коту, ходить за покупками!

— Я думала, тебе будет приятно... — сказала Маринетта. — Ну, если хочешь, оставайся!

Дельфина пожалела насупившегося кота и нагнулась было его погладить, но тот цапнул ее — и сильно, до крови. Маринетта вспылила и бросилась на выручку к сестре — дернула обидчика за усы:

— В жизни не видела такого злюки!

— Ах, вот как? — не растерялся кот. — Получай по заслугам!

— Ай, — вскрикнула Маринетта, — он и меня цапнул!

— Да, цапнул, а еще скажу родителям, что ты меня таскала за усы, пусть ставят тебя в угол!

И кот опрометью кинулся бежать к дому. Пес не видел случившегося — и, слушая жалобы девочек, едва верил своим ушам.

— Какой ты противный, кот, я и не подозревал! Наверное, девочки правы, ты и в самом деле злюка. Мне очень, очень жаль... Пойдемте, пусть злится, а нам пора за покупками.

От стыда кот потерял дар речи и не успел попросить прощения. Пес уже издалека обернулся и повторил:

— Мне очень, очень жаль.

Кот стоял посреди двора и предавался мрачным раздумьям. Теперь он понимал, что вел себя плохо: не надо было царапаться.

Но самое печальное — пес не хочет с ним дружить и считает его злокой. Огорченный кот забрался на чердак и просидел там целый день. «Я ведь добрый, — успокаивал себя кот, — и царапался так, для острастки. К тому же я раскаиваюсь, значит, я и вправду добрый. Но как доказать это псу?» Вечером, когда девочки вернулись домой, кот решил не напоминать о себе и остаться наверху. Выглянув из чердачного окошка, он заметил — пес ходит кругами по двору и принюхивается.

— Что-то я кота не слышу и не чую, — сказал сестрам пес. — Вы его не видели?

— Нет, — отвечала Маринетта, — и не хотим видеть. Злюка он, да и только!

— Правда, — вздохнул пес, — чистая правда, утром он вел себя из рук вон плохо.

Кот совсем приуныл. Высунуть бы голову в окошко и крикнуть: «Неправда! Я добрый!» Но он не посмел, к тому же пес вряд ли поверит... Ночью кот не сомкнул глаз, его терзали угрызения совести. Едва рассвело, он слез с чердака и с побитым видом — глаза заплаканные, усы жалко свисают книзу — поплелся к конуре. Присев рядышком, кот робко позвал:

— Пес, здравствуй... это я, кот...

— Здравствуй, здравствуй, — хмуро проворчал пес.

— Наверное, ты плохо спал ночью? Отчего ты грустишь?

— Нет, спал я хорошо... но каждое утро, стоит мне проснуться, я вспоминаю, что ничего не вижу, вот и грущу.

— Да-да! — встрепнулся кот. — Жалко мне тебя, пес. Отдай мне свою беду, возьму-ка я твою слепоту и помогу тебе, как ты помог хозяину.

От неожиданности и волнения пес не мог вымолвить ни слова, бедняга растрогался до слез.

— Кот, ты очень добрый... — залепетал он. — Не стоит... ты слишком добр...

Кот, слушая эти слова, просто таял от счастья. Он никогда не думал, что быть добрым так приятно.

— Что ж, — повторил он, — я забираю твою беду.

— Нет, нет, — упирался пес, — знаешь, мне стыдно...

Он отбивался, уверял, будто привык к своему горю, да и друзья не дают скучать. Но кот наседал:

— Тебе, пес, глаза нужны для дела. А мне они зачем? Сам посуди, ведь я ленив, дремлю себе на солнышке или у камелька. И глаза у меня все время закрыты. Я ослепну — и даже не замечу!

Он так настаивал, так просил пса уступить, что тот в конце концов сдался. Поменялись прямо в конуре, не откладывая. И пес тут же закричал на весь двор:

Девочки выбежали из дома и, узнав, в чем дело, со слезами на глазах бросились обнимать кота.

— Ах, какой ты добрый! — твердили они. — Какой ты добрый!

А кот умилялся своей добротой, забыв, что ослеп.

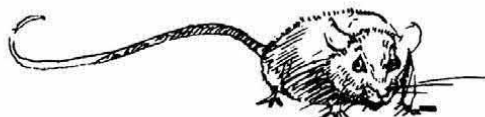
Пес теперь был всегда занят — глядел в оба, про отдых и думать забыл, в конуру заползал на часок после обеда, а потом только к ночи. Он стерег стадо, провожал хозяев на работу в лес и в поле, частенько его брали на прогулку... Нет, пес вовсе не жаловался, наоборот: впервые в жизни ему улыбнулось счастье. Вспоминая прежнего хозяина и горькие скитания по селам и проселкам, он благодарил судьбу за то, что попал на ферму. Жалел пес об одном — почти не оставалось времени побыть с котом, отплатить ему добром за добро. Правда, по утрам пес вставал спозаранку и гулял с другом по окрестным полям. Кот любил эти минуты больше всего на свете. Пес, бывало, перескажет ему домашние дела, вспомнит его доброту, пожалеет. Кот отвечает: ладно, мол, и говорить об этом не стоит, а сам тоскует — стать бы снова зрячим. С тех пор как он ослеп, девочки почти позабыли о нем. Иногда сажают на колени, гладят, но ведь гораздо веселее прыгать и скакать вместе с псом! А в какую игру принять бедного слепого кота?

Но кот ни на кого не держал зла. Его друг счастлив —

это главное. Кот ведь очень добрый. Днем перемолвиться словом не с кем, вот он и дремлет на солнышке или у камелька и мурлычет себе:

Однажды летним утром кот совсем разомлел от жары и улегся в теничке — на нижней ступеньке лестницы, поближе к погребу. Он лежал, по обыкновению мурлыча, и вдруг почувствовал, как возле него шевельнулось что-то мягкое и теп-

лое. И не видя, можно было догадаться — это мышь! Кот схватил ее, мышка замерла от страха и даже не пыталась спастись бегством.

— Отпустите меня, господин кот, — взмолилась она. — Я всего-навсего маленькая мышка, я просто заблудилась...

— Мышка? — протянул кот. — Ну что ж, я тебя съем.

— Господин кот, не ешьте меня, я исполню любое ваше желание.

— Нет, лучше я тебя съем. Хотя, пожалуй...

— Что, господин кот?

— А вот что: я слеп. Возьми-ка мою беду, мою слепоту,

тогда отпущу. Бегай по двору, сколько захочешь, я сам стану тебя кормить. В общем стоит согласиться — сейчас ты боишься моих когтей, а тут будешь жить да поживать в довольстве и покое.

Мышь призадумалась и попросила кота немножко подождать. Он добродушно отвечал:

— Разумеется, милая мышка, сначала как следует подумай. Я никуда не тороплюсь, что мне минута-другая? Решай сама, тебе выбирать.

— Но если я скажу «нет», вы меня съедите? — уточнила мышь.

— Без сомнения, милая мышка, без сомнения.

— Ах, лучше уж лишиться зрения, чем жизни!

Днем Дельфина с Маринеттой пришли из школы и очень удивились: кот лежал во дворе, и между его лапами преспокойно прогуливалась мышка.

Они удивились еще больше, когда узнали, что мышка ослепла, а кот прозрел.

— Это чудесное существо, — растроганно проговорил кот, — у нее доброе сердце. Заботьтесь о ней хорошенько.

— Не волнуйся, — отвечали сестры, — ей ни в чем не будет отказа. Мы вкусно накормим ее, а на ночь устроим ей постельку.

Пес тоже страшно обрадовался, что кот избавился от слепоты.

— Кот совершил доброе дело, — провозгласил он, — а добрые дела достойны награды!

— Да-да, — подхватили девочки, — он совершил доброе дело...

— Да-да, — замурлыкал кот, — доброе дело...

— А я? — пропищала мышка. — Как же я?..

Теплым воскресным вечером пес с котом дремали бок о бок в конуре, а Дельфина и Маринетта выгуливали мышку. Вдруг пес, принюхиваясь и рыча, привстал — видно, почуял на дороге чужого, потом вскочил и побежал к воротам. Мимо фермы,

еле волоча ноги, тащился худой бродяга в отрепьях. Он бросил взгляд на двор, заметил пса и вздрогнул от неожиданности. Собравшись с духом, бродяга подошел поближе и прошептал:

— Узнаю, — грустно склонил голову пес. — Вы мой прежний хозяин.

— Я дурно поступил с тобой... Если бы ты знал, как горько я раскаиваюсь, то, наверное, простил бы меня...

— Я вас прощаю, но лучше уходите.

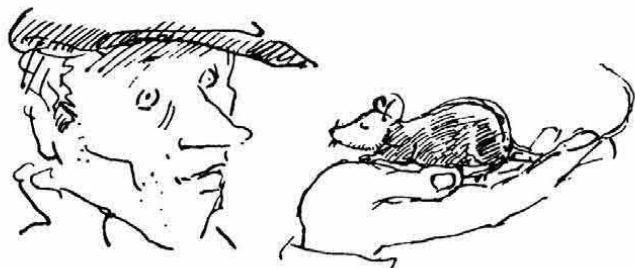
— Стоило мне стать зрячим, как горести посыпались на меня ворохом, — не унимался бродяга. — Я ленив, к работе не приучен — только раз в неделю и поем досыта. А вот прежде работы не знал: крестьяне кормили меня, поили, жалели... Помнишь? Мы с тобой были счастливы... Хочешь, пес, я возьму обратно злую беду, твою слепоту, и ты снова будешь водить меня по дорогам?..

— Может, вы и были счастливы, а я нет, — возразил пес. — За усердие и дружбу я получал лишь пинки да тычки. Вы дурной человек. Теперь я это понимаю: новые мои хозяева —

хорошие. Зла держать не привык, но поводырем вам служить не стану. И не беспокойтесь — я не слеп. Выручил меня из беды кот, добрый друг, а потом...

Бродяга, не дослушав, в сердцах ругнул пса и поспешил к нежившемуся на солнышке коту. Ласково погладив его по спинке, он вкрадчиво заговорил:

- Бедняжка, бедняжка, ах, какая жалость...
- Мур-р, — невозмутимо отвечал кот.

— Конечно, ты не прочь опять увидеть белый свет... Давай я возьму себе твою беду, твою слепоту, а за это ты будешь водить меня по дорогам.

Кот сверкнул глазами и без обиняков заявил:

— Был бы я слеп, может, еще подумал бы, но мою беду взяла мышка. Она очень добрая, расскажите ей, в чем дело, и она вам поможет. Да вот она, спит на камушке после прогулки с девочками.

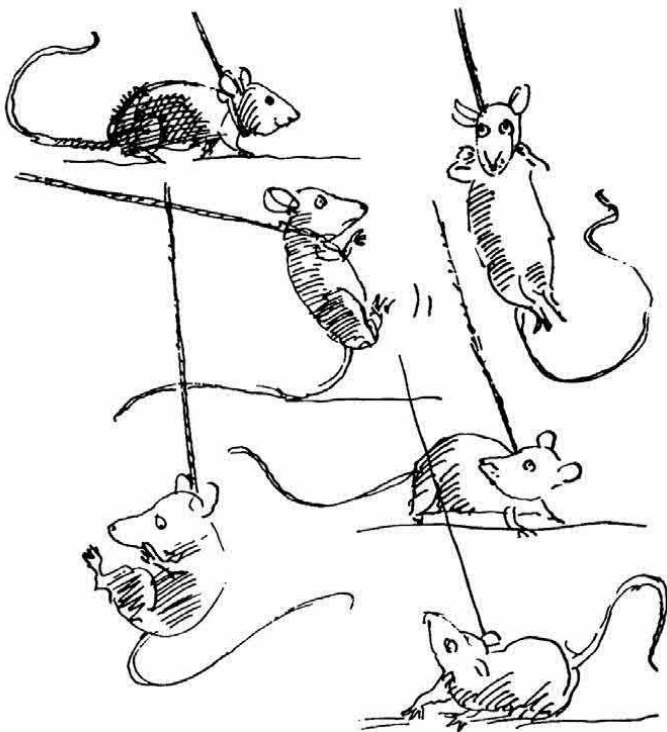
Бродяга колебался, однако работа ради куска хлеба ничуть его не влекла и лень одолела так крепко, что он не устоял. Наклонившись над камнем, бродяга тихонько заговорил:

- Мышка, мышка, плохо тебе живется...
- О да! — вздохнула мышь. — Девочки очень милые, пес тоже, но я хотела бы своими глазами видеть белый свет...
- Я могу взять себе твою беду.
- Что ж, я согласна.
- А ты за то мне послужи: привяжем тебе на шею вере-

вочку и будешь водить меня по дорогам.

— Дело нетрудное, — сказала мышь. — Куда скажете, туда и поведу.

Дельфина, Маринетта, кот и пес стояли у ворот и глядели на удалявшегося бродягу с мышью. Двигался он медленно, неверными шагами: ведь мышка была малюсенькая, веревка не натягивалась, и к тому же от малейшего рывка мышка вер-

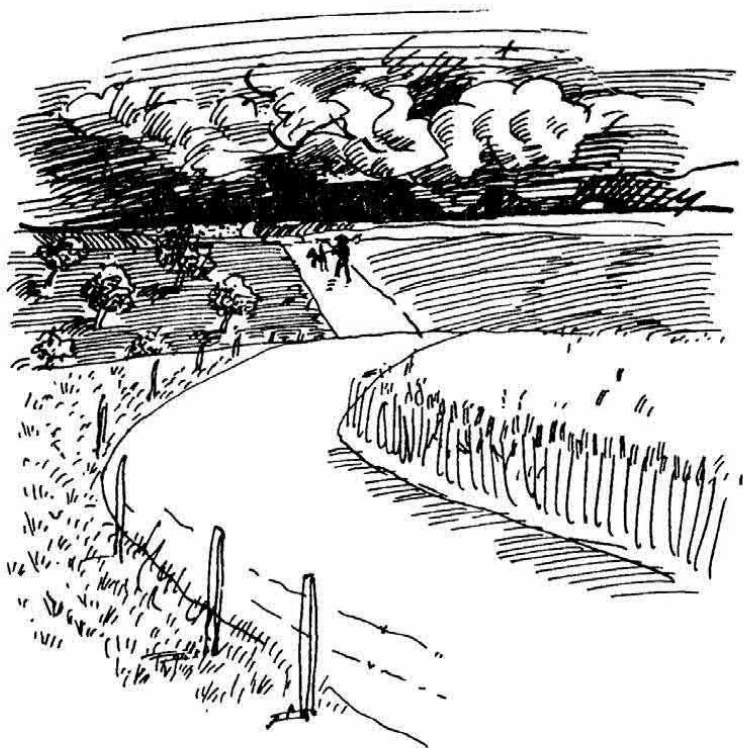
телась веретеном, а слепой ничегошеньки не замечал. Девочки с котом ахали от жалости и страха. Пес дрожал, словно в лихорадке, — слепой шатался, спотыкался на каждом шагу. Сестры держали пса за ошейник, гладили его по кудлатой

голове, но он вдруг вырвался и стремглав бросился к хозяину.

— Пес! — закричали Дельфина и Маринетта.

— Пес! — закричал кот.

Но пес летел, будто не слышал их. А когда слепой привязал к его ошейнику веревку, он привычно затрусил вперед и даже не обернулся, чтобы не видеть, как плачут девочки и его верный друг кот.

краски

Однажды утром в каникулы Дельфина и Маринетта сидели на лужайке за фермой, разложив коробки с красками.

Краски были совсем новенькие. Дядя Альфред подарил их накануне Маринетте за то, что ей исполнилось целых семь лет, и девочки спели ему в знак благодарности песенку о весне. Дядя Альфред, уходя, тоже распевал от счастья, но о родителях этого нельзя было сказать. Весь вечер они не переставали ворчать:

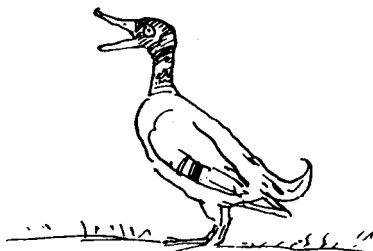
— Скажите на милость! Краски! Это нашим-то двум шалопайкам! Чтобы они заляпали всю кухню и перепачкали платья! Краски! Мы что, художники? Во всяком случае, завтра вы мазней заниматься не будете. Мы уйдем на работу в поле, а вы соберете бобы на огороде и нарежете клевер для кроликов.

Пришлось девочкам скрепя сердце пообещать, что они будут работать, а к краскам даже не притронутся. На следующее утро родители ушли, а девочки отправились в огород собирать бобы. По дороге они встретили селезня, который, конечно, сразу заметил их печальные лица. Это был очень отзывчивый селезень.

— Что с вами? — спросил он.

— Ничего, — ответили девочки, но Маринетта всхлинула, и Дельфина тоже. Селезень продолжал ласково распраши-

вать, и они рассказали ему все: и про новые краски, и про бобы, которые надо собрать, и про клевер, который надо нарезать. Тем временем пес и свинья, слонявшиеся неподалеку, тоже подошли послушать, и все трое пришли в негодование.

— Это возмутительно! — сказал селезень. — Что за несправедливость! Но вы ни о чем не тревожьтесь, идите спокойно рисовать. Я беру на себя бобы, пес мне поможет. Верно, пес?

— Разумеется, — отозвался тот.

— А с клевером справлюсь я, — сказала свинья. — Нарезу сколько угодно.

Девочки обрадовались. Уверенные, что родители ничего не узнают, они расцеловали своих друзей и отправились с красками на лужайку.

Они набирали в баночку воду, когда к ним подошел ослик.

— Доброе утро, девочки. Что это у вас за коробочки?

Маринетта ответила, что это краски и они собираются ими рисовать.

— Если хочешь, — добавила она, — я нарисую твой портрет.

— О, конечно, хочу, — сказал ослик. — Ведь у нас, животных, нет никакой возможности узнать, какие мы на самом деле.

Маринетта велела ослику повернуться в профиль и взялась за кисть. Дельфина же начала писать портрет кузнечика на травинке. Девочки усердно трудились, молча склонив головки и высунув язык.

Наконец ослик, долго стоявший не шевелясь, не выдержал и спросил:

— Можно посмотреть, что получается?

— Подожди, — ответила Маринетта, — дай я только уши дорисую.

— Конечно, конечно. Не спеши. Кстати, раз уж речь зашла об ушах, я хотел тебе сказать... Они у меня, конечно, длинные, но все-таки не настолько.

— Да не волнуйся, я делаю все, как надо.

Между тем Дельфину постигла неудача. Изобразив кузнечика и травинку, она обнаружила, что для большого листа бумаги рисунок мелковат, и решила прибавить фон — зеленую лужайку. К несчастью, кузнечик и лужайка оказались одного цвета, так что все слилось, и от кузнечика ничего не осталось. Это было очень досадно.

Закончив портрет ослика, Маринетта пригласила его посмотреть, и он с готовностью поспешил к ней. То, что он увидел, оказалось для него неожиданностью.

— Как мало мы себя знаем, — произнес он с грустью в голосе. — Никогда бы не подумал, что у меня бульдожья голова.

Маринетта покраснела, а ослик продолжал:

— Вот и уши тоже... Мне часто говорили, что они у меня

длинные, но я и предположить не мог, что такие уж здоровенные.

Маринетта совсем смутилась и покраснела еще больше. В самом деле, уши на портрете занимали примерно столько же места, сколько все туловище. Ослик продолжал уныло разглядывать свой портрет, и вдруг его перевернуло.

— Что это значит? — воскликнул он. — Ты нарисовала мне всего две ноги!

Тут Маринетте было что возразить, и она уверенно ответила:

— Как же иначе? Ведь я видела только две ноги! Не могу же я рисовать больше ног, чем вижу.

— Все это, конечно, прекрасно, но ног-то у меня все-таки не две, а четыре.

— Нет, — вмешалась Дельфина. — В профиль у тебя их только две.

Ослик не стал спорить. Он был уязвлен.

— Что ж, ладно, — пробормотал он удаляясь, — две, значит, две.

— Слушай, ну посуди сам...

— Нет, нет, у меня две ноги, и кончим этот разговор.

Дельфина рассмеялась, и Маринетта тоже, хотя совесть у нее была не совсем чиста. Потом они забыли про ослика и стали думать, кого бы еще нарисовать. Мимо как раз проходила пара волов с фермы — они шли через лужайку на водопой. Это были большие белые волы без единого пятнышка.

— Доброе утро, милые. Что это у вас за странные корбочки?

Дельфина и Маринетта сказали, что это краски, объяснили, для чего они нужны, и волю спросили, не согласятся ли девочки написать их портрет. Дельфина, наученная неудачей с кузнечиком, покачала головой.

— Это невозможно. Вы белые, значит, того же цвета, что и бумага. Белого на белом просто не будет видно. Получится, что вас как будто и не существует вовсе.

Волю посмотрели друг на друга, и один из них холодно сказал:

— Что ж, раз не существует, всего доброго!

Девочки растерялись. Но тут они услышали за спиной громкие голоса: к ним приближались лошадь и петух, переругиваясь на ходу.

— Да, да, — кипятился петух, — я полезнее вас и к тому же умнее. И пожалуйста, без этих усмешечек, а не то я задам вам хорошую трепку.

— Куда тебе, сморчок! — отозвалась лошадь.

— Сморчок? Да вы и сами-то не больно велики! Берусь доказать вам это хоть сейчас!

Девочки хотели вмешаться, но унять петуха было не так-то просто.

Все уладила Дельфина, предложив спорщикам их нарисовать. Она занялась лошадью, а Маринетта приступила к портрету петуха. Казалось, мир восстановлен. Петуху очень нравилось позировать: он высоко задрал голову, вскинул гребешок, надул зоб и распушил самые яркие перья. Но не разглагольствовать он не мог.

— Как, должно быть, приятно писать мой портрет! — заявил он Маринетте. — Ты правильно сделала, что выбрала именно меня. Не хочу хвастаться, но, право же, перья у меня изумительных оттенков.

Он долго расхваливал на все лады свое оперение, гребешок, хвост, а потом добавил, скосив глаза на лошадь:

— Каждому ясно, что я просто создан для того, чтобы с меня писать портреты, не то что некоторые убогие создания с унылой одноцветной шкурой.

— Только мелким тварям подобает быть такими пестрыми, — сказала лошадь. — Ведь иначе их вообще никто не заметит.

— Сами вы тварь, — вскричал петух, взъерошившись, и разразился проклятиями и угрозами, которые ничего, кроме усмешки, вызвать у лошади не могли.

Девочки между тем с жаром отдались работе. Вскоре оба натурщика были приглашены полюбоваться своими портретами. Лошадь в целом осталась довольна. Дельфина нарисовала ей прекрасную гриву, на диво длинную и всклокоченную, торчавшую в разные стороны, как колючки дикобраза, и густой хвост, где некоторые волоски не уступали по толщине и изяществу ру-

коятке заступа. К тому же, поскольку лошадь позировала в три четверти, ей повезло, и все четыре ноги у нее оказались на месте.

Петуху тоже не на что было жаловаться. Однако он не постеснялся заявить, будто хвост его на рисунке напоминает старую швабру. Но тут лошадь, созерцавшая в это время свой собственный портрет, перевела взгляд на портрет петуха и сделала открытие, наполнившее ее душу горечью.

— Как я погляжу, — сказала она, — петух у вас получился выше ростом, чем я?

И вправду, у Дельфины, по-видимому, сбитой с толку своим первым опытом с кузнечиком, лошадь занимала меньше половины листа, тогда как петух, написанный Маринеттой широкими мазками, занимал весь лист целиком.

— Петух больше меня! Нет! Это уж слишком!

— Конечно, я больше, любезная, — злорадствовал петух. — Как же иначе? Вы что, с луны свалились? Я лично это всегда знал, без всяких портретов.

— Пожалуй, так оно и есть, — сказала Дельфина, сравнив оба рисунка. — Ты получилась меньше петуха. Я и не заметила, но это не имеет никакого значения.

Девочка слишком поздно поняла, что лошадь обиделась. Она повернулась спиной и, когда Дельфина окликнула ее, сухо ответила, даже не оглянувшись:

— Ну, конечно, разумеется! Я меньше петуха, и это не имеет никакого значения.

Не слушая оправданий, она пошла прочь, а следом, на некотором расстоянии, шествовал петух, выкрикивая на каждом шагу: «Я больше! Я больше!»

В полдень, вернувшись с поля, родители нашли дочек на кухне и первым делом осмотрели их фартучки. По счастью, Дельфина и Маринетта были осторожны с красками и не посадили на одежду ни одного пятнышка. Родители спросили, чем они занимались все утро, и девочки ответили, что они нарезали целый ворох клевера для кроликов и собрали две полные корзины бобов. Родители проверили, не обманывают ли их дочери, и заулы-

бались от удовольствия. Правда, вздумай они взглянуть на бобы повнимательнее, то, к своему удивлению, обнаружили бы там клочья собачьей шерсти вперемешку с утиными перышками, но, по счастью, им это не пришло в голову. Девочки никогда еще не видели их в таком хорошем настроении, как в тот день за обедом.

— Мы вами очень довольны! — сказали они Дельфине и Маринетте. — Вы потрудились на славу — и бобов собрали много, и у кроликов теперь есть клевер по меньшей мере дня на три. Раз вы так хорошо поработали...

Тут под столом кто-то фыркнул. Наклонившись, родители обнаружили там пса, который, казалось, поперхнулся.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего, — ответил пес (он просто не мог удержаться от смеха, и девочки ужасно испугались). — Пустяки! Наверное, кусок не в то горло попал. Сами знаете, как это бывает. Думаешь, будто попало в то горло...

— Ладно, — сказали родители, — не нужно подробностей. Так о чем мы говорили? Ах да! Вы славно потрудились...

И опять кто-то фыркнул, но уже потише, со стороны входной двери, к которой они сидели спиной. Это селезень просунул голову в открытую дверь и, услышав слова родителей, тоже приснул со смеху. Не успели родители обернуться, как селезень исчез, но девочек бросило в жар.

— Это, наверное, дверь от сквозняка скрипнула, — сказала Дельфина.

— Возможно, — отозвались родители. — На чем же мы остановились? Да, на клевере и бобах. Мы гордимся вами. Это настоящее счастье — иметь таких послушных и трудолюбивых дочерей. Вы будете вознаграждены. Вы же понимаете, что мы вовсе не собирались отбирать у вас краски насовсем. Мы просто хотели проверить, действительно ли вы такие умненькие и старательные. И мы остались довольны. За это разрешаем вам рисовать весь вечер.

Девочки пролепетали «спасибо», но так тихо, что на другом конце стола их было едва слышно. Однако родители от радости не обратили на это внимания и до конца обеда пели, смеялись и загадывали загадки.

— Две сестрицы убегают, две сестрицы догоняют, по дороге кувырком, все бегом, бегом, бегом. Что это такое?

Девочки делали вид, будто думают, но воспоминания о минувшем утре и угрызения совести мешали им сосредоточиться.

— Не знаете? Но ведь это же так просто! Что, сдаетесь? Так вот, это колеса телеги: задние гонятся за передними. Ха-ха-ха!

Родители просто корчились от смеха. После обеда девочки остались мыть посуду, а родители пошли в хлев отвязывать ослика, чтобы отправиться в поле.

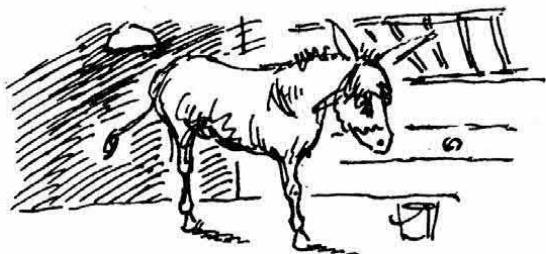
— Ну, ослик, пора на работу!

— Мне очень жаль, — ответил ослик, — но у вашего покорного слуги всего две ноги.

— Две ноги? Что ты плетешь?

— Увы, это так. Две ноги. Я буквально еле стою. Не понимаю, как это вы, люди, обходитесь двумя ногами.

Родители подошли к ослику и увидели, что у него и вправду две ноги: одна спереди, другая сзади.

— Что за странности? Ведь еще сегодня утром у тебя все четыре ноги были на месте. Гм! Ладно, пойдем проведаем волов.

В хлеву было темно, и поначалу они ничего не могли разглядеть.

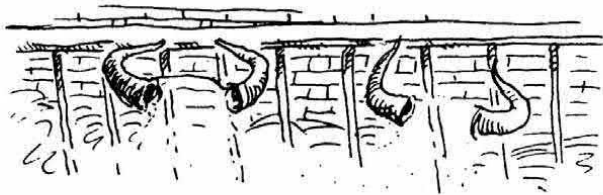
— Ну что, волю! — крикнули родители издали. — Придется, значит, вам отправляться с нами в поле.

— Это совершенно исключено, — ответили два голоса из темноты. — Нам очень неприятно вас огорчать, но мы не существуем.

— Не существуете?

— Посмотрите сами.

Подойдя поближе, родители увидели, что в стойле, где раньше стояли волю, теперь пусто. На ощупь тоже ничего обнаружить не удалось, кроме двух пар рогов, паривших в воздухе на уровне решетки для сена.

— Да что же это творится? С ума можно сойти. Пойдем-ка к лошади.

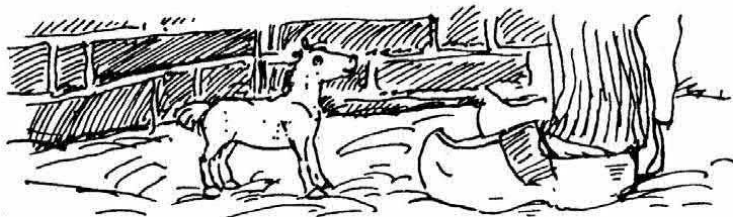
Лошадь жила в самом дальнем углу, где было темнее всего.

— Ну что, любезная лошадь, готова ли ты идти с нами в поле?

— Я к вашим услугам, — отозвалась лошадь, — но если вы собираетесь меня запрягать, то должна вас предупредить, что я совсем крошечная.

— Ну вот! Еще одна! Совсем крошечная!

Заглянув в угол, родители так и ахнули. В полумраке, на желтой соломенной подстилке они увидели малюсенькую лошадку, ростом вдвое меньше петуха.

— Я очень изящна, не правда ли? — сказала лошадь с некоторой язвительностью.

— Какое несчастье, — простили родители. — Такая была прекрасная скотина и так хорошо работала! Но как же это случилось?

— Не знаю, — ответила лошадь уклончиво, что сразу заставило родителей насторожиться. — Просто ума не приложу.

Родители спросили ослика и волон, и они ответили то же самое. Родители почувствовали, что от них что-то скрывают.

Они вернулись на кухню и подозрительно уставились на Дельфину и Маринетту. Когда на ферме творились вещи не совсем обычные, они первым делом накидывались на дочек.

— Ну-ка, отвечайте, — грозно прорычали родители. — Что здесь произошло, пока нас не было дома?

Девочки так перепугались, что не могли ничего выговорить и только замотали головами. В ярости колотя кулаками по столу, родители закричали:

— Будете вы отвечать или нет, скверные девчонки?!

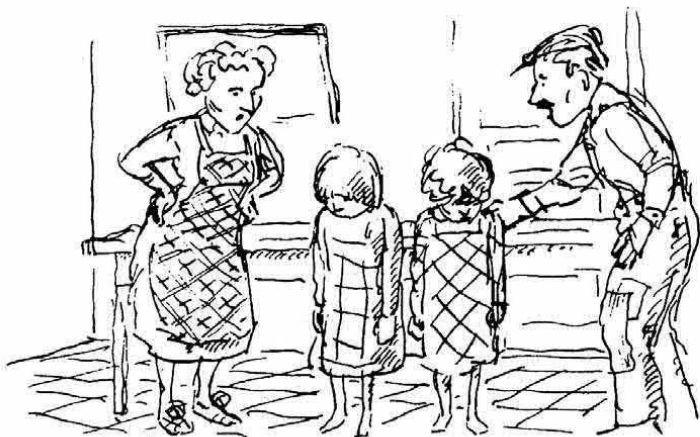
— Бобы, мы собирали бобы... — с трудом выдавила из себя Дельфина.

— Резали клевер... — прошептала Маринетта.

— А как случилось, что у осла осталось всего две ноги, волы исчезли, а наша прекрасная крупная лошадь стала величиной с крольчонка?

— Да, как это случилось? Сейчас же говорите правду!

Девочки еще не знали этих ужасных новостей и были поражены, но они-то сразу поняли, что произошло: они вложили в рисование столько пыла, что портреты повлияли на натурщиков, — с начинающими художниками такое не редкость. Ослик, волы и лошадь приняли все слишком близко к сердцу, вернулись в стойло обиженными и так долго пережевывали все

подробности случившегося, что и вправду стали такими, как их изобразили. И наконец, девочки понимали, что все обернулось так страшно из-за того, что они не послушались родителей. Они уже готовы были броситься на колени и во всем признаться, но тут заметили в приоткрытую дверь селезня, который энергично мотал головой и подмигивал им. Слегка приободрившись, они пробормотали, что во всем этом ровно ничего не понимают.

— Вы просто уперлись, — сказали родители. — Что ж, упорайтесь и дальше. А мы пошли за ветеринаром.

Девочки задрожали от страха. Ветеринар был человеком на редкость проникательным. Можно было не сомневаться, что, осмотрев у животных белки глаз и ощупав им ноги и брюхо, он непременно узнает правду. Девочки живо представили, как он говорит: «Так, так, по-моему, причина болезни — рисование. Сегодня здесь никто, случайно, не рисовал?» И все сразу становится ясно.

Родители ушли. Дельфина рассказала все селезню и объяснила, почему следует так опасаться ученого ветеринара. Селезень проявил редкостное присутствие духа.

— Не будем терять времени, — сказал он. — Берите краски и выводите животных на лужайку. Что рисование испортило, рисование же и исправит.

Сначала девочки вывели ослика, что было непросто: он с большим трудом ковылял на двух ногах, то и дело теряя равновесие, а на лужайке пришлось подставить ему под брюхо табурет, иначе он шлепнулся бы на землю. С волами все обстояло проще, они шли сами. Правда, какой-то прохожий, случайно оказавшийся поблизости, был удивлен, увидев, как две пары рогов, паря в воздухе, пересекли двор, но, здраво поразмыслив, счел, что у него просто плохо со зрением.

Когда вывели лошадь, она сначала испугалась, столкнувшись нос к носу с псом, который показался ей гигантским чудовищем, но тут же сама над собой посмеялась.

— Какие все большие вокруг меня, — сказала она, — и как забавно быть маленькой!

Но вскоре ей пришлось изменить свое мнение, потому что петух, заметив издали бедную маленькую лошадку, налетел на нее, яростно хлопая крыльями, и закричал прямо в ухо:

— Ага! Вот мы с вами и встретились. Надеюсь, вы не забыли, что я обещал задать вам трепку.

Лошадь задрожала всем телом. Селезень попытался вмешаться, но тщетно, и девочкам повезло ничуть не больше.

— Отойдите все, — зарычал пес, — я его сейчас просто съем!

Он оскалил зубы и двинулся на петуха, который поспешно убрался прочь. Бедняга убежал так далеко, что вернулся только через три дня и в довольно жалком виде.

Селезень собрал всех на лужайке, откашлялся и обратился к лошади, ослику и волам с такой речью:

— Друзья мои, дорогие старые друзья! Мне очень больно видеть вас в таком положении. Как горько сознавать, что эти великолепные белые вола, которые радовали наш взор, теперь — пустое место, что ослик, некогда столь грациозный в движе-

ниях, ковыляет, как калека, на двух ногах, а наша прекрасная рослая лошадь превратилась в жалкую сморщенную малявку! Поверьте, сердце сжимается у меня в груди, тем более что вся эта нелепая история — просто недоразумение. Да, да, недоразумение. У девочек и в мыслях не было кого-то оскорбить. Напротив! Они не меньше меня сокрушаются о том, что с вами произошло. Да и вам теперь несладко живется. Так не упрямитесь же! Послушайте меня и позвольте вернуть вам прежний облик.

Животные обиженно молчали. Ослик с неприступным видом устоял на свое единственное переднее копыто, не желая даже поднять глаза. Лошадь, хотя сердце ее все еще колотилось от страха, тоже не выглядела расположенной внять доводам рассудка. Волы, поскольку их не было видно, никак не выглядели, и только рога — единственное, что было доступно глазу, — хранили многозначительную неподвижность. Первым заговорил ослик.

— У меня теперь две ноги, — сказал он сухо. — Что ж, две так две. И говорить тут не о чем.

— Мы не существуем, — сказали волы, — и ничего не можем с этим поделать.

— Да, я совсем маленькая, — сказала лошадь. — Значит, так тому и быть.

Уладить ссору явно не удавалось, воцарилось тягостное молчание. Пес, возмущенный такой несговорчивостью, рыча, повернулся к Дельфине и Маринетте:

— Вы слишком добры к этим грубым скотам! Предоставьте действовать мне. Сейчас я их поучу зубами.

— Нас зубами? — переспросил ослик. — Превосходно! Вот как к нам здесь относятся!

Он захихикал, и волы и лошадь захихикали вместе с ним.

— Ну полно, полно, это же не всерьез, — поспешил вмешаться селезень. — Пес просто пошутил. Но вы еще не все знаете! Выслушайте меня. Родители отправились за ветеринаром. Меньше чем через час он будет здесь, осмотрит вас и сразу поймет, в чем дело. Ведь родители запретили девочкам рисо-

вать сегодня утром. Ну что ж, ничего не поделаешь. Раз вам так хочется, то их отругают и накажут, может быть, даже побьют.

Ослик посмотрел на Маринетту, лошадь на Дельфину, а рога переместились в пространстве, как бы повернувшись вполоборота к девочкам.

— Вообще-то, — пробормотал ослик, — на четырех ногах передвигаться удобнее, чем на двух. Это намного практичнее.

— Быть в глазах всех лишь парой рогов — это, конечно, маловато, — признали волы.

— Смотреть на мир чуть свысока все-таки очень приятно, — вздохнула лошадь.

Увидев, что животные смягчились, девочки открыли коробки с красками и принялись за дело. Маринетта изобразила ослика и уж на этот раз позаботилась о том, чтобы все четыре ноги у него были на месте. Дельфина нарисовала лошадь, а у ее ног петуха — как оно и было на самом деле. Работа шла быстро. Селезень ликовал. Портреты были закончены, лошадь и ослик заявили, что они полностью удовлетворены... Однако недостающие ноги у ослика не выросли, и лошадь тоже выше ростом не стала. Для всех это было неприятной неожиданностью, и селезень забеспокоился. Он спросил у осла, не чувствует ли он зуда в том месте, где должны быть ноги, а у лошади — не тесно ли ей в своей шкуре. Но нет, они ничего такого не испытывали.

— Тут нужно время, — сказал селезень Дельфине и Маринетте. — Пока вы будете рисовать волон, все устроится, я уверен.

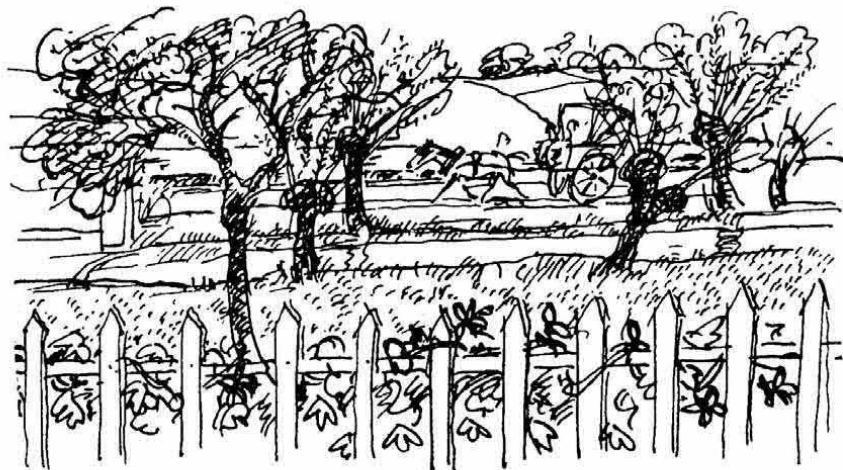
Дельфина и Маринетта принялись рисовать каждая по волу, начиная с рогов, а остальное дорисовали по памяти, и она их в общем не подвела. Бумагу девочки выбрали серую, где белый цвет — цвет шкуры невидимых волон — отчетливо выделялся. Волы тоже остались довольны своими портретами, усмотрев в них большое сходство. Тем не менее увидеть их по-прежнему было невозможно, если не считать рогов. Лошадь и ослик тоже не чувствовали ничего, что предвещало бы возвращение их преж-

него облика. Селезень с трудом скрывал тревогу, и самые яркие его перья от огорчения поблекли.

— Подождем, — говорил он. — Подождем.

Прошло еще минут пятнадцать, но ничего не изменилось. Селезень заметил неподалеку голубя, искавшего пропитания на лужайке, подошел и что-то тихо сказал ему. Голубь вспорхнул и улетел, но вскоре вернулся и сел на рога одному из волов.

— Я видел на повороте, возле большого тополя, бричку, — сообщил он. — В ней едут родители и еще какой-то человек.

— Ветеринар! — закричали девочки.

Несомненно, это мог быть только он, и бричка вот-вот покажется на дороге. В их распоряжении оставались считанные минуты. Видя, как напуганы девочки, и представив себе гнев родителей, животные очень опечалились.

— Ну, постарайтесь же, — сказал селезень, — сделайте еще одно усилие! Ведь во всем виноваты вы сами, ваша злопамятность.

Ослик завертелся и заерзал, надеясь, что от этого вырастут недостающие ноги, волы изо всех сил напряглись, а лошадь набрала побольше воздуха, чтобы раздуться, но ничего не по-

могло. Бедные животные не знали, куда деваться от стыда. Вскоре послышался стук колес на дороге, и девочки потеряли последнюю надежду.

Дельфина и Маринетта, бледные как полотно, дрожали от страха в ожидании ученого ветеринара. Ослику было так тяжело это видеть, что он доковылял кое-как до Маринетты и стал лизать ей руки. Он хотел попросить прощения и сказать что-нибудь ласковое, но от волнения не мог выговорить ни слова, глаза его наполнились слезами, и слезы закапали на портрет.

Это были слезы дружбы. Едва они коснулись бумаги, как у ослика страшно закололо в правом боку, и через миг он уже твердо стоял на своих четырех ногах. Все сразу приободрились, и у девочек вновь зародилась надежда. Времени почти не оставалось: бричка была примерно в сотне метров от фермы, но селезень уже сообразил, что надо делать. Он схватил в клюв портрет лошади, быстро сунул ей под нос. Ура! На бумагу сразу упала слеза. Долго ждать не пришлось, лошадь стала расти на глазах, и не успели девочки сосчитать до десяти, как она обрела свои обычные размеры. Бричка была уже метрах в тридцати от ворот.

Волы, никогда не отличавшиеся особой чувствительностью, стояли над своими портретами и силились настроиться на печальный лад. Один из них как-то сумел прослезиться и стал видимым в тот самый момент, когда бричка въезжала во двор фермы. Девочки чуть не захлопали в ладоши, но селезень по-прежнему выглядел озабоченным. Ведь второй вол все еще

не существовал. Он был преисполнен доброй воли, но слезы были не в его характере, никогда в жизни его не видели плачущим. Как он ни старался, как ни усердствовал, ему не удавалось выдать из себя даже крохотной слезинки.

Надо было спешить, родители уже вылезали из брочки. По приказу селезня пес побежал им навстречу, чтобы задержать их, и, приветствуя ветеринара, так бросился ему под ноги, что тот растянулся в пыли.

Родители забегали по двору в поисках дубинки, клянясь обломать ее о спину пса. Потом спохватились, что надо позаботиться о ветеринаре, и кинулись поднимать его и отряхивать. Все это заняло минут пять.

В это время на лужайке все с тревогой смотрели на рога невидимого вола. Он напрягался всем существом, но заплакать было выше его сил.

— Простите меня, — сказал он девочкам, — но я чувствую, что у меня ничего не выйдет.

Всех охватило уныние. Даже селезень пал духом. Только вол, уже обретший плоть и кровь, сохранял остатки хладнокровия. У него возникла мысль спеть своему товарищу песенку, которую они пели с ним вместе в те времена, когда были еще телятами. Песенка начиналась так:

Одинокий юный вол
Молочка попить пошел,
Му-му-му, му-му-му.
И на траве под елочкой
Познакомился с телочкой,
Му-му-му, му-му-му.

Мотив был грустный и навевал меланхолию. Первый же куплет песенки оказал долгожданное действие. Рога слегка дрогнули. Несколько раз тяжело вздохнув, бедное животное выжало из одного глаза слезинку, но такую маленькую, что она даже не могла капнуть. К счастью, Дельфина заметила, как она блеснула, осторожно подцепила ее кисточкой и размазала по портрету. Вол сейчас же стал видимым и осязаемым. И как раз вовремя.

Родители, а с ними ветеринар уже появились на лужайке. При виде волов, осла на четырех ногах и лошади, красовавшейся в полный рост, все трое онемели от удивления. Ветеринар, который и так был не в духе от того, что упал, ехидно спросил:

— Так это и есть волы, которых не видно, осел без двух ног и лошадь размером с кролика? Как я погляжу, они не очень страдают от этих недугов.

— Уму непостижимо, — забормотали родители. — Только что в стойле...

— Вам это приснилось, или от слишком плотного обеда у вас помутилось в глазах. По-моему, медицинская помощь требуется не животным, а вам самим. Я лично не потерплю, чтобы меня беспокоили попусту. Да, да! Не потерплю!

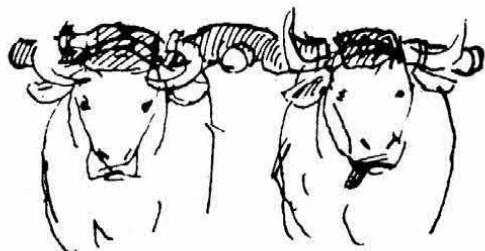
Бедные родители, опустив голову, стали рассыпаться в извинениях, и ветеринар смягчился. Он сказал, глядя на Дельфину и Маринетту:

— На этот раз я вас прощаю, но только потому, что у вас такие хорошенькие дочки. На них достаточно один раз взглянуть и сразу видно, что они очень умненькие и послушные. Правда, девочки?

Дельфина и Маринетта покраснели до ушей и стояли, не смея слова вымолвить, а селезень, не растерявшись, ответил:

ВОЛЫ

Дельфина получила похвальный лист, а Маринетта почетную грамоту. Учитель расцеловал обеих сестер, стараясь не измять их нарядные платица, а супрефект* в мундире, расшитом серебром, специально прибывший из города, произнес речь.

— Дорогие мои дети, — сказал он, — образование — вещь хорошая, и те, кто его не имеют, достойны сожаления. По счастью, к вам это не относится. Вот, например, здесь две девочки в розовых платьях, на их белокурых головках я вижу золотые короны. Это значит, что они хорошо поработали. Сегодня девочки вознаграждены за свои труды. И посмотрите на их родителей, они горды не меньше детей. Да, да... Вот еще что: взять, к примеру, меня, не хочу хвалиться, но если бы в свое время я не делал как следует уроки, то никогда не был бы супрефектом и не носил бы этого мундира. Вот почему надо прилежно учиться, а невеждам и лентяям внушать, что без образования не обойтись.

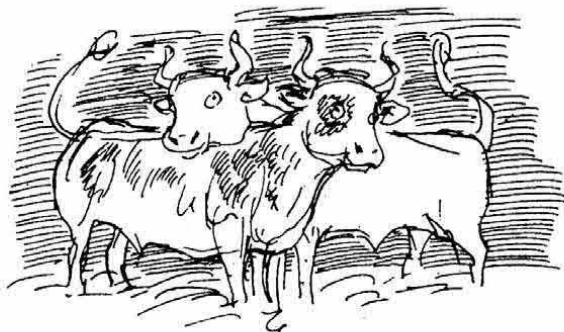
Супрефект поклонился, ученики спели песенку, и все разошлись. Вернувшись домой, Дельфина и Маринетта сменили свои выходные платица на будничные. Но вместо того чтобы играть в лапту, в чехарду, в кошки-мышки или в дочки-матери,

* Супрефект — представитель правительства в округе.

в классики или в прятки, они принялись обсуждать речь супрефекта. Им очень понравилась эта речь. Они даже расстроились, что под рукой нет ни одного невежды, которому можно было бы внушить, какие блага несет образование. Дельфина вздохнула.

— Только подумай! У нас два месяца каникул, два месяца, которые мы могли бы провести с большой пользой. Но что поделаешь? Никого нет...

В хлеву на их ферме было два вола одного роста и возраста, один белый, другой в рыжих пятнах. Воны — как туфли: их всегда бывает пара, потому и говорят — пара волов. Маринетта подошла сначала к Рыжему, погладила его и спросила:

— Послушай, вол, а ты не хочешь научиться читать?

Большой рыжий вол и отвечать не стал. Он решил, что это просто шутка.

— Образование — вещь хорошая! — поддержала сестренку Дельфина. — Нет ничего приятнее, сам увидишь, когда научишься читать...

Рыжий еще некоторое время двигал челюстями, пережевывая эту мысль, хотя у него уже было свое мнение на сей счет.

— Зачем мне учиться читать? Повозка моя, что ли, от этого станет легче? Что, мне еды больше дадут? Разумеется, нет.

Стало быть, я буду надрываться попусту? Благодарю покорно, не такая уж я глупая скотина, как вы считаете, милые. Нет, учиться читать ни за что не буду, боже упаси!

— Подожди, — возразила Дельфина, — ты, Рыжий, рассуждаешь неразумно и даже не представляешь себе, сколько теряешь! Подумай только!..

— Все обдуманно, красавицы, я отказываюсь. Вот если бы вы предложили мне учиться играть, тогда дело другое.

Маринетта, которая была не только посветлее, чем сестра, но и умом поживее, заявила, что тем хуже для него, пусть прозябает в невежестве и на всю жизнь останется дурным волом.

— Неправда, — сказал Рыжий, — я не дурной вол. Я всегда хорошо делал свое дело, и упрекнуть меня не в чем. Ну и смешны же вы мне со своим образованием. Будто без него не проживешь! Заметьте, я не против образования вообще, я просто говорю, что оно не для волов, вот и все. Вам нужны доказательства? Да кто когда видел образованного вола?

— Это вовсе не доказательство, — быстро нашлась Маринетта. — Волы ничего не знают только потому, что никогда ничему не учились.

— Уж я-то, во всяком случае, учиться не буду, можете быть спокойны.

Дельфина опять попыталась заставить его внять голосу разума, но тщетно: он не желал ничего понимать. Девочки отвернулись от него, удрученные его постыдной нерадивостью и равнодушием. Когда они обратились к белому волу, тот, казалось, был тронут их вниманием. Белому нравились девочки, и он очень не хотел огорчать их своим отказом.

К тому же его самолюбию льстила мысль, что со временем он сможет выделиться среди своих жвачных собратьев. Это был славный вол, даже очень славный, ласковый, кроткий, работящий, но немного заносчивый и честолюбивый.

Его надменность проявлялась даже в том, как он поводил ушами, когда хозяин в поле делал ему замечание. Но у всех волов свои слабости, идеальных нет, а у Белого, несмотря на

некоторые недостатки, был очень хороший характер.

— Послушайте, — сказал он, — в общем, я бы ответил, как Рыжий: зачем мне читать? Но мне хочется сделать вам приятное. И в конце концов, если образование волу не приносит пользы, то и вреда от него не будет, а иной раз оно, может, и развлечет. Если это не очень хлопотно, я согласен попробовать.

Девочки очень радовались, что удалось найти вола-добровольца, и хвалили его за благоразумие.

— Мы уверены, что ты будешь хорошо учиться и добьешься блестящих успехов.

Он гордо втягивал голову, слушая эти комплименты, отчего шея его собиралась в складки, словно мехи аккордеона, ну почти как у нас с вами, когда мы пыжимся, важничая.

— В самом деле, — бормотал он, — пожалуй, у меня есть способности.

Дельфина и Маринетта пошли уже было за букварем, когда Рыжий остановил их вопросом:

— Скажите, девочки, а вы не хотите научиться пережевывать жвачку? — спросил он серьезно.

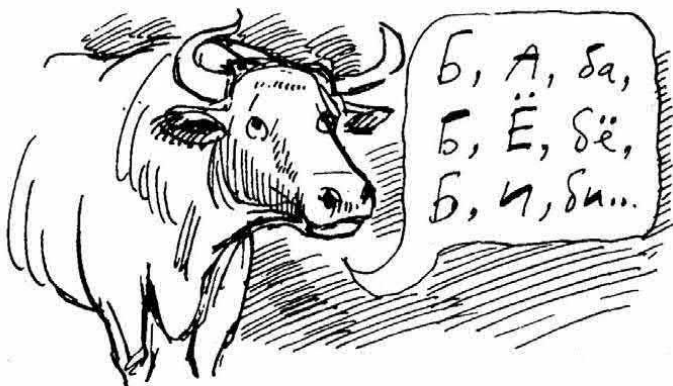
— Пережевывать жвачку? — прыснули они. — А зачем?

— Вот то-то и оно, — сказал Рыжий. — Зачем?

Дельфина и Маринетта решили хранить в тайне занятия с белым волем, чтобы устроить родителям сюрприз. Зато потом, когда вол станет ученым, то-то отец удивится!

Девочки и не мечтали, что первые шаги окажутся такими легкими. Вол и в самом деле проявлял незаурядные способности, а кроме того, был страшно самолюбив.

Из-за насмешек Рыжего он притворялся, что ему доставляет несказанное удовольствие повторять буквы. Меньше чем за полмесяца он стал узнавать их и даже выучил алфавит. По воскресеньям, в дождливые дни и почти каждый вечер после возвращения волов с поля Дельфина и Маринетта тайком от родителей занимались с Белым. У бедняги из-за этого ужасно болела голова, а иногда он просыпался посреди ночи и громко повторял:

— Б, а — ба; б, ё — бё; б, и — би...

— Ну и надоел же ты своим «б, а — ба», — ворчал рыжий вол. — С тех пор как из-за этих девчонок у тебя мания величия, и поспать спокойно нельзя. Добро бы еще знать, что потом об этом не пожалеешь.

— Да ты и представить себе не можешь, — возражал белый вол, — какое блаженство знать гласные и согласные, читать слоги. Это украшает жизнь, и теперь я понимаю, почему так расхваливают образование. Я себя чувствую совсем другим волем, не то что три недели назад. Какое счастье учиться! Ну да ничего не поделаешь, это ведь не каждому дано. Нужны способности.

Видя, как счастлив Белый, рыжий вол порой сомневался, разумно ли с его стороны так упорствовать в своем невежестве. Но в тот год у корма был чудесный вкус лесного орешника, солому подстилали неколкую, и он легко обошелся без духовной пищи.

На первых порах Дельфина и Маринетта могли гордиться своей затеей. Их ученик делал поразительные успехи. К концу месяца он начал считать, читал довольно бегло и даже выучил маленькое стихотворение. Белый вол столь усердно занимался, что в кормушке перед ним всегда стояла раскрытая книга, страницы ее он переворачивал языком. То это была «Арифме-

тика», то «Грамматика», то «История» или «География», а иногда даже и сборник стихов. Любознательность Белого была под стать его прилежанию: всякое печатное слово казалось ему интересным.

— Как только я мог жить, не ведая об этих прекрасных вещах! — бормотал он каждую минуту.

В поле или на пастбище, просто на дороге — везде и всюду не переставал он размышлять о прочитанном. Надо сказать, что ему было шесть лет, а волю в этом возрасте столь же разумны, сколь иные люди бывают лет в двадцать пять, а то и в тридцать.

Только, к несчастью, учеба его очень утомляла: во-первых, он был чересчур старательным; во-вторых, эти новые занятия не избавляли его от работы в поле, а, наоборот, добавлялись к ней.

Ужаснее всего было то, что, постоянно погруженный в свои мысли, он сплошь и рядом забывал попить и поесть. Девочки,

заметив, как он отошел и осунулся, как запали и потускнели его желтые глаза, не на шутку всполошились.

— Мы очень довольны твоими успехами, — сказали они. — Ты теперь знаешь почти столько же, сколько мы сами, а может, еще больше, если это возможно... Так что ты заслужил отдых, да и для здоровья твоего он необходим.

— Плевать я хотел на свое здоровье. Я думаю только о духовной красоте.

— Но послушай, будь благоразумным. Если бы ты ходил, как мы, в школу, то увидел бы, что так много заниматься нельзя, всему свое время. Недаром же есть перемены, чтобы передохнуть, и, наконец, каникулы.

— Ах, каникулы? Что ж, давайте поговорим о каникулах, я вовсе не прочь о них поговорить!

Девчушки, не вполне понимая, к чему он клонит, исподтишка толкали друг друга локтями и словно спрашивали: «Что это с ним? Какая муха его укусила?»

— Я вас насквозь вижу, — сказал вол. — Нечего друг друга в бок пихать. Я вовсе не спятил и отдаю себе отчет в том, что говорю. Вы тут про каникулы толкуете, про то, про се, дескать, мне нужно отдохнуть. Могу ответить, что и я того же мнения. Каникулы — это прекрасно, но тогда уж настоящие каникулы, чтобы можно было заниматься тем, чем хочешь, сообразно своим вкусам и склонностям. О, иметь возможность посвятить свой досуг поэзии, познакомиться с трудами ученых... вот это настоящая жизнь!

— Но поиграть когда-то ведь тоже нужно, — сказала Маринетта.

— С вами невозможно разговаривать, — вздохнул вол, — вы же дети.

И он вновь погрузился в учебник географии, помахивая хвостом, чтобы дать понять девочкам, что их присутствие его раздражает. Дальше разговаривать не имело смысла: вол уперся на своем.

— Раз уж ты отказываешься от каникул, — сказала Маринетта, — по крайней мере постарайся, чтобы тебя не застигли

за учебой. Когда я думаю, что ты не рассташься с книгой и что наши родители могут застать тебя врасплох...

Нетрудно догадаться: давая такой совет, наши беляночки теперь вовсе не были уверены, что их затея так уж хороша. Во всяком случае, своими успехами они не хвастались.

Разумеется, хозяин не мог не заметить перемен в поведении белого вола. Однажды под вечер он ахнул, увидев его сидящим на пороге хлева. Было похоже, что вол созерцает природу.

— Вот еще новости, — сказал хозяин, — что это ты здесь делаешь? И почему это ты сидишь?

Вол, раскачивая головой и полуприкрыв веки, отвечал нараспев:

Присев у двери, как всегда,
Любуюсь я, как луч заката
Святит последний день труда...

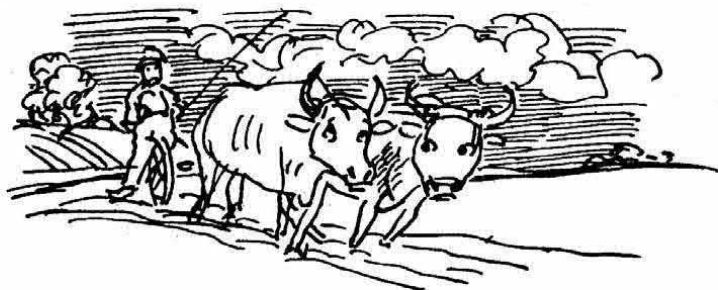
Хозяин не знал или забыл, что это стихи Виктора Гюго*, и сначала только удивился:

* Перевод В. Брюсова.

— Складно этот вол говорит, — но заподозрил, что за такой красивой речью что-то таится, и добавил: — Гм, не знаю, в чем тут дело, но в последнее время он какой-то странный, очень странный.

Он не видел, как смутились и покраснели Дельфина и Маринетта, присутствовавшие при этой неприятной сцене. Но когда отец закричал: «Ну-ка, пошел в стойло! Не хватало еще, чтобы вол ломался!» — они совсем залились краской и чуть не заплакали.

Вол поднялся, бросив на хозяина взгляд, полный грусти и гнева, и встал на свое место рядом с рыжим собратом. Вскоре ученые бдения Белого сказались и на работе в поле. Голова его была настолько забита стихами, историческими датами и афоризмами, что он весьма рассеянно слушал приказания хозяина. Иногда и вовсе их не слушал, и плуг заносило к самой меже, а то и прямо на нее.

— Будь внимательней, — шептал ему на ухо Рыжий, толкая его плечом, — нам же влетит из-за тебя.

Белый гордо встряхивал ушами и, едва выровнявшись, тут же снова тащил упряжку вбок.

Как-то утром посреди борозды он вдруг остановился, хотя хозяин ничего такого не приказывал, и принялся рассуждать вслух. Вот что он говорил:

— Цилиндрический резервуар высотой семьдесят пять сан-

тиметров наполняется из двух кранов со скоростью двадцать пять кубических дециметров в минуту. Зная, что один из кранов наполнил бы емкость за тридцать минут, тогда как другой сделал бы это втрое быстрее, чем если бы оба крана были открыты одновременно, определите объем резервуара, его диаметр и время заполнения. Интересно... Очень интересно...

— Что это он там лопочет? — спросил хозяин.

— Ну-ка, ну-ка, допустим, что оба крана закрыты. Что же тогда происходит?

— Да разъясни ты мне наконец, о чем ты?

Но вол так глубоко ушел в поиски решения, что ничего не услышал и продолжал, не сдвигаясь с места, бормотать цифры. Во все времена волы славились кротостью, не в пример мулам и ослам. Видано ли, чтобы вол не сходил со своего места? Хозяин был на редкость удивлен подобным капризом. «Должно быть, животное заболело», — подумал он. Оставив ручку плуга, он подошел к упряжке и очень дружелюбно спросил:

— Тебе, кажется, нехорошо. Скажи мне честно, что с тобой творится?

Но вол, топнув копытом, злобно ответил:

— Что, право, за несчастье, нет никакой возможности хоть минутку спокойно подумать! Сам себе не принадлежишь! Будто на их плуге у меня свет клином сошелся. Да мне это ярмо поперек горла!

Хозяин застыл в оцепенении, решая, не рехнулся ли вол. Рыжий очень расстроился из-за этого случая, однако виду не подал. Он-то знал, чем вызвана эта вспышка, но был хорошим товарищем и не хотел выдавать друга, выслуживаясь перед хозяином. Наконец белый вол опомнился и уныло извинился:

— Ладно, я был рассеян. Не будем больше об этом, вернемся к работе.

В тот день за обедом девочки всерьез испугались, услышав слова отца.

— Наш белый вол совсем спятил, — говорил он, — сегодня я опять чуть из себя не вышел из-за его выходок. Он и в упряжке плохо идет, и отвечает, как последний нахал. Я, видите ли, и замечания ему сделать не могу. Как вам это нравится, а? Если он не перестанет валять дурака, продам его мяснику...

— Мяснику? — переспросила Дельфина. — Зачем это?

— Что за вопрос? Да чтобы его просто-напросто съели! Дельфина зарыдала, а Маринетта запротестовала:

— Съесть белого вола? Но я не согласна.

— И я, — заявила Дельфина. — Не есть же его за то, что у него плохое настроение, или за то, что ему грустно...

— Может, его надо было утешить?

— Конечно! Во всяком случае, есть его никто не имеет права!

— И его не съедят!

Поняв наконец, в какую опасную историю они втравили своего друга, девчонки разбушевались: стали топтать ногами, кричать и подняли такой рев, что отец сердито заорал на них:

— Тише вы, болтушки! Такие дела девчонок не касаются. Упрямый вол годится только на мясо. Если наш не исправится, его съедят, как он того и заслуживает!

Но едва девочки вышли, отец сказал матери, смеясь и уже совсем беззлобно:

— Послушать их, так пусть вся скотина поддыхает от ста-

рости... А что до белого вола, так его еще долго не продашь: он сейчас такой тощий, что за него много не возьмешь. Кстати, не мешало бы узнать, с чего это он все худеет. Тут что-то не так.

Тем временем Дельфина и Маринетта побежали в хлев предупредить несчастного о том, что ему грозит.

Белый вол как раз зубрил грамматику. Увидев их, он закрыл глаза и без единой ошибочки выпалил очень трудное правило образования причастий.

Но Маринетта отобрала у него учебник, а Дельфина бухнулась перед ним в солому на колени:

— Миленький, похоже на то, что, если ты не перестанешь борозду кривить и папе дерзить, тебя продадут.

— Какая разница, девочка? На этот счет я совершенно согласен с Лафонтеном: «Хозяин — вечный враг наш».

Малышки нашли, что это неблагородно с его стороны. Уж с ними-то ему должно быть грустно расставаться.

— Видите, какой он стал, — заметил Рыжий. — Что ему теперь родственники, что друзья!

— Какая мне разница? — снова заговорил Белый. — Может, на новом месте меня даже будут больше ценить.

— Бедный, — сказала ему Дельфина, — тебя же продадут мяснику.

— И съедят, — добавила Маринетта, обиженная его неблагодарностью. — Тебя съедят, а мы будем виноваты, потому

что дали тебе образование, а оно — тут никуда не денешься — тебя испортило. Если не хочешь, чтобы тебя съели, немедленно забудь все, что выучил.

— Я же говорил, что волам это ни к чему, — вздохнул рыжий вол, — но меня и слушать не стали.

Белый посмотрел на своего напарника сверху вниз и сухо ответил ему:

— Да, я презрел ваши советы, как презираю их и сегодня. Знайте, что я ни о чем не жалею и забывать что бы то ни было отказываюсь. Мое единственное желание, единственное стремление — учиться еще и учиться всегда. Погибну, но не отступлю.

Рыжий вол вовсе не рассердился на него, а дружески сказал:

— Если ты умрешь, знаешь, мне будет очень грустно.

— Да, да... Все так говорят, а на самом деле...

— Не говоря уже о том, — продолжал Рыжий, — что и тебе несладко придется... Однажды в городе я проходил мимо мясной лавки и видел там быка со вспоротым брюхом, подвешенного за ноги. А голова его лежала отдельно на блюде. С него содрали шкуру, и мясник ножом отрезал куски мяса от его окровавленной туши. Вот до чего и тебя может довести образование, если вовремя не спохватиться.

Белому совсем расхотелось умирать, и он уже был вполне согласен с девочками, хотя для виду все еще артачился.

— Понимаешь, — говорили они ему, — супрефект не имел в виду волон. Если бы мы как следует подумали, то научили бы тебя играть в разные игры: в горелки, в кошки-мышки, в салочки, в куклы, в прятки...

— Ну, знаете!.. — возмутился белый вол. — Игры — это для детей.

— А по-моему, — сказал Рыжий, громко смеясь, — мне понравится играть. Например, в салочки или в прятки; не знаю, что это такое, но наверняка что-нибудь очень веселое.

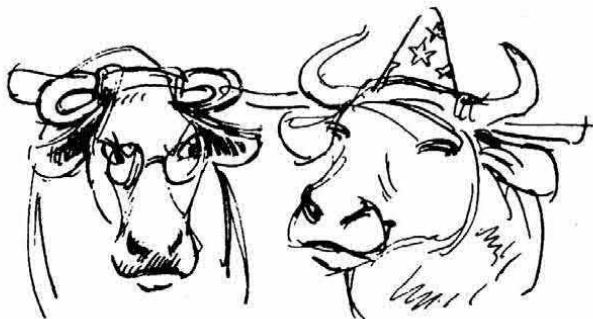
Девочки пообещали научить его разным играм, а Белый поклялся, что отныне будет прилежно работать в поле и в присутствии хозяина не позволит себе отвлекаться.

За целую неделю вол не прочел ни строчки, но был так несчастен, что похудел за это время на двенадцать килограммов и двести граммов, а это даже для вола не пустяк. Дельфина и Маринетта сами поняли, что так он долго не протянет, и принесли ему несколько книжек, выбрав, по их мнению, самые скучные: научный труд о производстве зонтов и очень старый трактат о лечении ревматизма. Волу обе книги показались такими замечательными, что он не только перечитал их несколько раз, но и выучил обе наизусть.

— Дайте еще, — попросил он девочек, когда покончил с этими двумя, и им пришлось уступить.

С тех пор его вновь захватила пагубная страсть к учению, и ничто не могло ее истребить: ни опасность угодить в мясную лавку, ни хозяйский гнев, ни дружеские предостережения Рыжего, который тоже сильно изменился в последнее время.

Дельфина и Маринетта в надежде, что ученый вол не устоит против соблазна сыграть в салочки, в прятки или в жмурки, научили всем этим играм Рыжего. Тот очень увлекся ими, даже чуть-чуть больше, чем пристало взрослому волу; он стал

легкомысленным и смешливым. Так что теперь напарники оказались вовсе не парой и ссорились на каждом шагу.

— Не понимаю, — строгим голосом говорил белый вол, печально поглядывая на товарища, — не понимаю...

— погоди, дай отсмеяться, — перебивал его Рыжий. — Ой, как смешно! Сил моих нет!..

— Не понимаю, как можно быть настолько несерьезным и совсем потерять достоинство. Когда знаешь, что площадь прямоугольника равна произведению его сторон, что Рейн берет свое начало в горах Сен-Готарда, что Карл Мартелл разбил арабов в семьсот тридцать втором году, тебя охватывает отчаяние при виде взрослого шестилетнего вола, который целиком отдался каким-то идиотским играм и сознательно отказался приобщиться к чудесам...

— Ха-ха-ха! — веселился Рыжий.

— Дурак! Если бы ты хоть тихо играл и не мешал моим занятиям. Замолчи ты!

— Послушай, старина, отложи-ка ты свои книжонки и давай-ка сыграем во что-нибудь!

— Он совсем с ума сошел! Будто у меня на это есть время...

— В «колечко, колечко, выйди на крылечко», ну хоть полчаса, ну пять минуток!

Иногда белый вол поддавался на уговоры, вырвав у Рыжего обещание, что тот даст ему потом спокойно позаниматься. Но, вечно поглощенный своими мыслями, он играл пло-

хо и, как правило, сдавался. Случалось даже, что это выводило Рыжего из себя, и он очень злился, говоря, что Белый нарочно проигрывает.

— Всякий раз ты сбиваешься, и с первого же раза. Ты что, не знаешь, что такое крыльцо, ты, такой ученый? А если знаешь, почему говоришь: «Крылечко, крылечко, выйди на колечко»? Не очень-то ты хорошо соображаешь, как я погляжу.

— Не хуже твоего, — отвечал Белый, — только я не способен принимать всерьез всякие глупости и этим горжусь.

Игры их по большей части заканчивались взаимными оскорблениями, если не пинками.

— Ну и манеры! — сказала им Маринетта, застав их однажды вечером в разгар ссоры. — Вы не можете разговаривать повежливее?

— Это он виноват, вынудил меня играть с ним в «колечко, колечко, выйди на крылечко».

— Да нет, это все он! С ним и пошутить нельзя!

Дошло до того, что они не могли больше выносить друг друга, и упряжка стала из рук вон. Белый вол, день ото дня все более рассеянный, пятился, когда надо было идти вперед, тянул направо, когда надо было налево, а Рыжий на каждом шагу останавливался и хохотал во все горло или оборачивался к хозяину, предлагая разгадать какую-нибудь загадку.

— Две ноги на трех ногах, а четвертая в зубах. Что это такое?

— Пошли, пошли, мы здесь не для того, чтобы глупости болтать. Н-но!

— Да, — хохотал рыжий вол, — вы так говорите, потому что не знаете ответа.

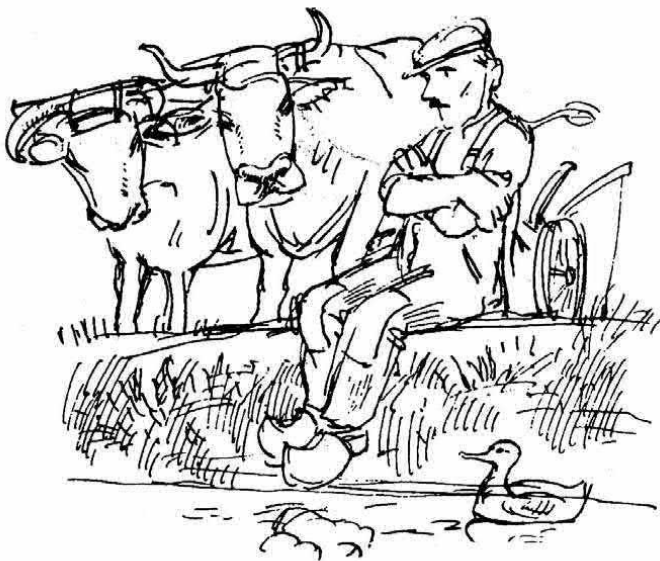
— И знать не хочу. За работу!

— Две ноги на трех ногах — это совсем нетрудно.

Хозяину приходилось бить его кнутом, чтобы заставить работать, но тогда останавливался другой вол, раздумывая, верно ли, что прямая линия есть наикратчайшее расстояние между двумя точками, а Наполеон — величайший полководец всех времен (случались дни, когда он решал этот вопрос в пользу Цезаря).

Фермер огорчился, что его волы теперь совсем не работники, и грустно глядел, как один тянет вкось, а другой — вкось. Иногда целое утро они прокладывали одну борозду, а после обеда вновь принимались за нее.

— Эти волы с ума меня сведут, — говорил он, приходя домой. — Ах, если б можно было их продать, но ведь о продаже

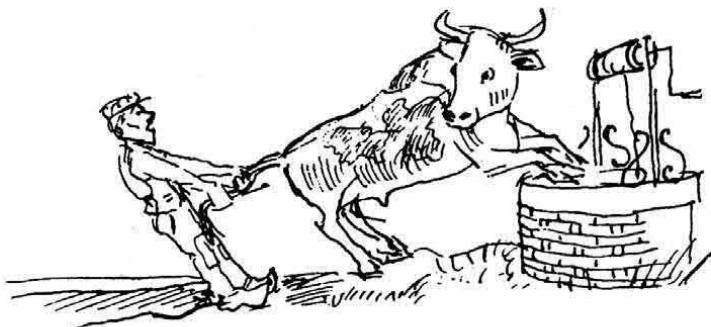
Белого нечего и мечтать, он все худеет и худеет. Ну а если я избавлюсь от Рыжего, который тоже стал никудышным, что мне делать с одним-единственным волом?

Дельфина и Маринетта испытывали угрызения совести, слушая все это, но очень радовались, что ни одного из волов мяснику не продадут.

Они и не знали, что Белый, не умеющий держать язык за зубами, все испортит.

Однажды вечером, вернувшись с поля, Рыжий играл с девочками в «выше ноги от земли» во дворе фермы. Вообще-то он не взбирался ни на дно перевернутой кадки, ни на верхнюю ступеньку лестницы во дворе, ни на бельевой бак. Для этого он был слишком большим. Но его — по уговору — уже нельзя было осалить, если он успевал поставить копыто хотя бы на краешек. Хозяин неодобрительно глядел на эти забавы.

Когда большой рыжий вол коснулся копытом края колодца, изображая, что забрался на него, хозяин резко потянул его за хвост и сердито сказал:

— Кончил валять дурака? Нет, вы только посмотрите, как этот болван развлекается!

— Ну и что, — сказал вол, — уж и поиграть нельзя?

— Я разрешу тебе играть, когда работать будешь как следует. Иди в хлев.

Потом он увидел белого вола, ставившего опыт по физике в чане, из которого только что пил.

— И тебе тоже советую быть поприлежнее, — сказал хозяин. — Уж я найду средство заставить тебя работать! А пока и ты иди в хлев! Ну на что это похоже — возиться в воде? Проваливай отсюда!

Белый вол, раздраженный тем, что прервали его опыты, а еще более того оскорбленный хозяйским тоном, решил дать отпор:

— Я еще допускаю, что вы могли так грубо разговаривать с волом невежественным, вроде моего коллеги, — эти существа другого языка и не понимают. Однако с таким волом, как я, с ученым волом, следовало бы обращаться иначе.

Подошедшие поближе девочки делали знаки, чтобы он прикусил язык, но Белый продолжал:

— Так вот, говорю я, с волом, сведущим в науках, изящной словесности и философии...

— Как? Вот уж не знал, что ты такой образованный...

— Тем не менее это так. Я прочел больше книг, чем вы прочтете за всю свою жизнь, и знаю гораздо больше, чем все вы, вместе взятые. Неужели вы считаете, что столь выдающемуся волю к лицу заниматься полевыми работами? И полагаете, что место философии — у плуга? Вы ругаете меня за плохую работу в поле, но ведь я создан для дел более важных!

Хозяин слушал внимательно, время от времени качая головой. Девочки думали, что он очень сердит и, конечно, когда Белый расскажет все, рассердится еще больше, и им было очень не по себе, но вдруг они услышали, как отец сказал:

— Что же ты раньше мне ничего не говорил? Если бы я знал, то уж, будь уверен, не заставил бы тебя заниматься такой тяжелой работой: я слишком уважаю науку и философию.

— И изящную словесность, — добавил вол. — Вы, похоже, забыли про изящную словесность.

— Разумеется, и изящную словесность тоже. Конечно, пусть будет так: отныне ты остаешься дома для завершения образования в полном покое. Я больше не хочу, чтобы ты открывал от сна часы для чтения и раздумий.

— Вы замечательный хозяин. Чем отблагодарить вас за великодушие?

— Заботой о своем здоровье. Наука, философия и изящная словесность хороши, когда они пышут здоровьем. Теперь твое дело — учиться, есть и спать. А Рыжий будет работать за двоих.

Вол не уставал восхищаться таким хозяином и нахваливал его за ум, а девочки гордились отцом.

Только рыжему волу радости не было.

Впрочем, он тоже приновился к новым порядкам, и, хотя работал он не безупречно, ему все-таки легче было тянуть лямку, чем прежде, когда его собрат по рассеянности или просто назло портил ему всю работу.

Что до белого вола, то он, можно сказать, зажил совершенно счастливо.

Решительным образом он сосредоточился на философии, и так как свободного времени у него было хоть отбавляй, а корм был преотличный, мысли его текли безмятежно. Он нагуливал все больше жира и выглядел отменно. Как раз к тому времени, когда вол создал очень стройную философскую систему, хозяин заметил, что он прибавил семьдесят пять килограммов, и решил продать его мяснику вместе с рыжим волом. По счастью, в тот день, когда он отвел волов в город, большой цирк разбил шатер на центральной площади. Владелец цирка, проходя мимо, услышал, как белый вол разглагольствовал о науке и поэзии. Подумав, что ученый вол пригодится ему в цирке, он предложил за него хорошую цену. Вот тут-то рыжий вол и пожалел, что не стал учиться.

— Возьмите и меня, — сказал он, — я, правда, не ученый, но знаю забавные игры и смогу смешить публику.

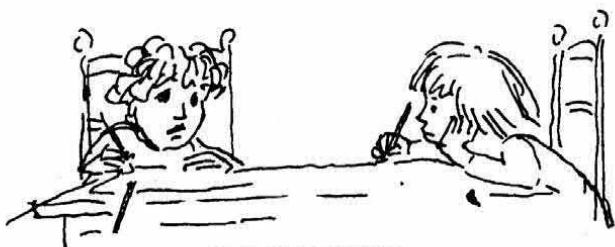
— Возьмите его, — попросил белый вол, — это мой друг, я не могу с ним разлучиться.

После некоторых колебаний владелец цирка согласился купить и Рыжего, и жалеть об этом ему не пришлось, потому что волы имели большой успех.

Назавтра девочки пришли в цирк и хлопали своим друзьям, показавшим замечательный номер. Им было чуть-чуть грустно думать, что они видят волов в последний раз, и даже Белый, который раньше только и мечтал о путешествиях для расширения кругозора, едва удержался от слез.

Родители купили другую пару волов, но девочки уже не собирались учить их читать: теперь они знали, что волам грамота ни к чему (разве что посчастливится устроиться в цирк!) и что самые прекрасные книги сулят им самые ужасные беды.

задача

Родители прислонили мотыги к стене, открыли дверь в кухню и остановились на пороге. Сидя рядышком спиной к ним, Дельфина и Маринетта корпели над своими черновиками. Они грызли ручки и болтали под столом ногами.

— Ну как? — спросили родители. — Решили задачу?

Девочки густо покраснели и вынули ручки изо рта.

— Нет еще, она трудная, — ответила Дельфина, стараясь разжалобить родителей. — Учительница предупреждала нас.

— Раз учительница задала, значит, вы можете ее решить. Но с вами всегда одно и то же. Играть — вы тут как тут, а вот работать не заставишь, да и головы у вас плохо варят. Хватит, дальше так не пойдет. Тупицы несчастные, в десять лет задачу не могут решить!

— Мы над ней уже два часа сидим, — сказала Маринетта.

— А что толку? И будете сидеть! Хотя весь четверг* просидите, но чтоб к вечеру задача была решена! А если не решите, ну, если не решите! Даже думать не хочется, что с вами тогда будет!

Одна мысль о таком безобразии привела родителей в ярость, и они с угрожающим видом вошли в кухню и подошли к столу. А заглянув через головы девочек в их тетрадки, прямо-таки оне-

* Раньше по четвергам у французских школьников был выходной день.

мели от негодования. Дельфина во весь лист своего черновика нарисовала куклу, а Маринетта — дом с трубой, из которой шел дым, пруд с уточкой и длинную дорогу, по которой на велосипеде ехал почтальон. Девочки съезжились на стульях, им стало не по себе. Родители раскричались: что же это такое, и за что только им достались такие плохие дочери. Они то бегали

взад-вперед по кухне, воздевая руки, то останавливались и в ярости топтали ногами. Они подняли такой шум, что пес, лежавший в ногах у девочек, наконец не выдержал, вылез из-под стола и встал перед родителями. Это была лохматая бриарская овчарка, которая их очень любила, но еще больше она любила Дельфину и Маринетту.

— Послушайте-ка, родители, вы ведете себя неразумно. Кричать и топтать ногами — так мы задачу не решим. А главное, чего ради сидеть здесь и решать задачи, когда на улице так хорошо? Лучше бы бедные девочки поиграли.

— Это точно. А потом, когда им стукнет по двадцать и они выйдут замуж, мужья над их глупостью будут просто смеяться.

— Зато они научат своих мужей играть в лапту и чехарду. Правда, девочки?

— Конечно, еще бы! — сказали Дельфина и Маринетта.

— А ну-ка, помолчите! — прикрикнули на них родители. —

И быстро за работу. Вам должно быть стыдно. Здоровенные ду-
рехи, а задачки решить не могут!

— И что вы так шумите, — сказал пес. — Ну, не могут они
решить задачку, так не могут! Ну, чего вы от них хотите, не
получается она у них. Отнеситесь к этому спокойно, вот как я...

— Вместо того чтобы терять время на мазню... Ну, ладно.
Не хватало еще, чтобы пес нам советы давал. Мы пошли. А вы
давайте без баловства. Если задачка к вечеру решена не будет,
тем хуже для вас.

С этими словами родители вышли из кухни, взяли свои мо-
тыги и отправились в поле пропалывать картошку. Склонившись
над черновиками, Дельфина и Маринетта плакали навзрыд. Пес
устроился между ними и, положив передние лапы на стол, слизы-
вал слезы с их щек.

— Она что, правда такая трудная, эта задачка?

— Еще какая! — вздохнула Маринетта. — Просто-напросто
ничего не понятно!

— Если бы я знал, о чем там речь, может, я бы что-нибудь сообразил, — сказал пес.

— Я прочту тебе условия, — предложила Дельфина. — «Общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров. Зная, что на площади в один ар растет по три дуба, два бука и одной березе, подсчитайте, сколько деревьев каждой породы растет в общинном лесу».

— Да, и правда, задачка не из легких. Но прежде всего скажите, что такое гектар?

— Как бы тебе это объяснить, — ответила Дельфина, старшая из сестер и потому более ученая. — Гектар — это почти то же самое, что ар, но сказать, что из них больше, я не могу. Гектар, кажется.

— Да нет же, — возразила Маринетта. — Ар больше.

— Не ссорьтесь, — сказал пес. — Меньше ар или больше, это неважно. Давайте лучше займемся задачкой. Итак: «Общинный лес...»

Выучив наизусть условия задачи, пес очень долго думал. Иногда он шевелил ушами, и девочки уже начинали на что-то надеяться, но в конце концов ему пришлось признать, что все его усилия ни к чему не привели.

— Не отчаивайтесь. Как бы ни трудна была задачка, мы с ней справимся. Я соберу всех животных фермы. Вместе мы непременно найдем решение.

И пес выскочил в окно. Сначала он побегал на луг к лошади и сказал ей:

— Общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров.

— Вполне возможно, — ответила лошадь, — но я не понимаю, почему это должно меня интересовать.

Когда же пес объяснил ей, в каком трудном положении оказались сестрички, лошадь страшно разволновалась и согласилась, что нужно попробовать решить эту задачку сообща всем животным на ферме. Лошадь вошла во двор, там трижды заржала и принялась отбивать чечетку всеми четырьмя копытами на перевернутой телеге, так что получилось, будто она бьет в барабан. На ее зов отовсюду сбежались куры, коровы, волы, гуси, свинья, овца, селезень, кошки, петух, телята; собравшись вместе, они уселись перед домом тройным полукругом. Дельфина и Маринетта стояли в кухне перед открытым окном, а

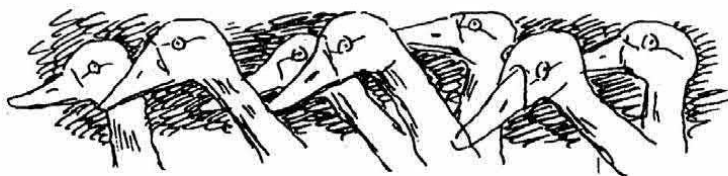
пес сидел на подоконнике. Объяснив всем, что от них требуется, он изложил условия задачи:

— Общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров.

Все молча думали. Пес ободряюще подмигивал девочкам. Но вскоре животные недоуменно зашептались. Даже селезень,

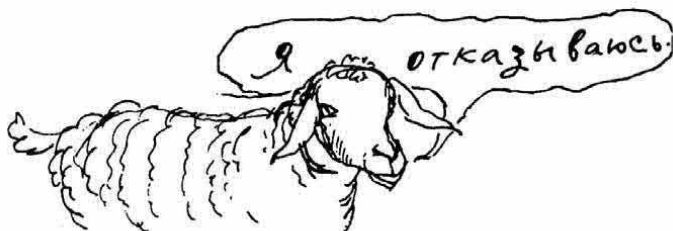

на которого рассчитывали больше всего, ничего не надумал, а гуси стали жаловаться на головную боль.

— Это слишком трудно, — говорили животные. — Не для нас эта задачка. В ней ничего нельзя понять.

— Я отказываюсь, — заявила овца.

— Это несерьезно, — возмутился пес. — Вы же не бросите девочек в беде. Подумайте еще.

— И что тут ломать голову, — проворчала свинья, — все равно это без толку.

— Ну, конечно, — сказала лошадь, — ты не хочешь помочь девочкам. Ты заодно с родителями!

— Неправда! Я за девочек. Но думаю, что такую задачку...
— Тихо!

Животные снова принялись решать задачку про лес, но у них опять ничего не получалось. У гусей все сильнее болели головы. Коровы начинали дремать. А лошадь, как ни старалась сосредоточиться, без конца отвлекалась и все вертела головой, поглядывая на луг. Вдруг она увидела, что по двору идет белая курочка.

— Вы, однако, не торопитесь, — сказала ей лошадь. — Как

же это так? Вы что, не слышали сигнала к общему сбору?

— Мне нужно было снести яйцо, — сухо ответила курочка. — Надеюсь, это не запрещено?

Она заняла место в первом ряду среди других кур и спросила, по какому поводу объявлен общий сбор. Пес, приуныв, даже не счел нужным ответить ей. Где уж одной курочке сделать то, чего не смогли все вместе! Но, посоветовавшись с Дельфиной и Маринеттой, которые решили, что ее надо ввести в курс дела хотя бы из вежливости, пес рассказал о задачке и еще раз повторил условия:

— Общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров...

— Ну и что тут такого! Не понимаю, почему вы застряли на этом, — сказала белая курочка, когда пес замолчал. — Все, на мой взгляд, очень просто.

Девочки разволновались, порозовели и смотрели на нее с надеждой. А вот животные обменивались не слишком лестными для курочки замечаниями.

— Ничего она не решила. Просто строит из себя бог знает что. А знает не больше нашего. Подумаешь тоже, ничтожная курица, а туда же.

— Послушайте, дайте же ей сказать, — попросил пес. — Тихо, свинья, и вы, коровы, тоже помолчите. Ну, что ты надумала?

— Повторяю вам, это очень просто, — ответила белая курочка, — и я очень удивлена, что это никому не пришло в голову. Общинный лес здесь совсем рядом. Единственный способ

узнать, сколько там дубов, буков и берез, — это пойти и пересчитать их. Я уверена, что все вместе мы управимся не больше чем за час.

— Вот это да! — воскликнул пес.

— Вот это да! — воскликнула лошадь.

А Дельфина и Маринетта были в таком восторге от курочки, что даже не нашли слов. Выпрыгнув из окошка, они присели на корточки возле нее и гладили ее по спинке и по грудке. Она скромно протестовала, говоря, что не сделала ничего особенного. Все животные окружили ее и наперебой поздравляли. Даже свинья, которая была довольно ревнивой, не могла скрыть своего восхищения. «Я и представить себе не могла, что эта пигалица так талантлива», — сказала она.

Лошадь и пес положили конец восторгам, и Дельфина с Маринеттой, а за ними и все животные фермы отправились через дорогу в лес. Там каждому прежде всего надо было научиться распознавать дубы, буки и березы. Общинный лес был поделен на столько участков, сколько было животных, то есть на сорок два (не считая цыплят, гусят, котят и поросят, которым поручили считать стебельки ландышей и кусты земляники). Свинья была

недовольна, жаловалась, что ей достался плохой участок с какими-то ерундовыми деревьями. И ворчала, что ей должны были поручить тот участок, который выделили белой курочке.

— Бедная вы, бедная, — сказала курочка свинье, — уж не знаю, что завидного в моем участке, но зато теперь знаю, что значит «свинская натура».

— Сама хороша! Раздувает перышки, оттого что решила задачу, — а тут и делать было нечего, каждый мог сообразить!

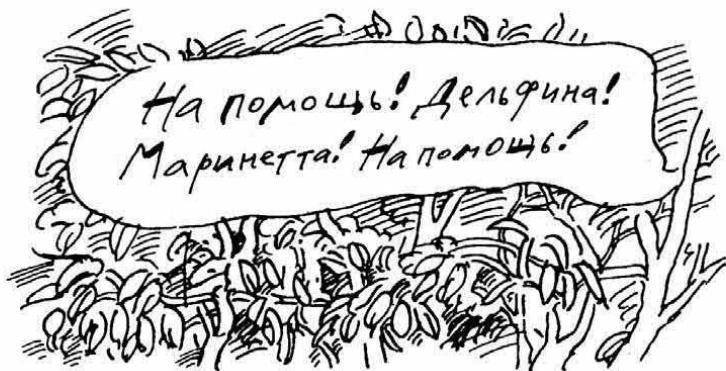
— А я что говорю? Маринетта, отдайте, пожалуйста, ей мой участок, а мне подберите другой, подальше от этой грубиянки.

Маринетта сделала так, как они хотели, и все принялись за работу. Животные считали деревья в лесу, а девочки записывали цифры, которые они называли, в тетрадки.

— Двадцать три дуба, три бука, четырнадцать берез, — подсчитал гусь.

— Тридцать два дуба, одиннадцать буков, четырнадцать берез, — сказала лошадь.

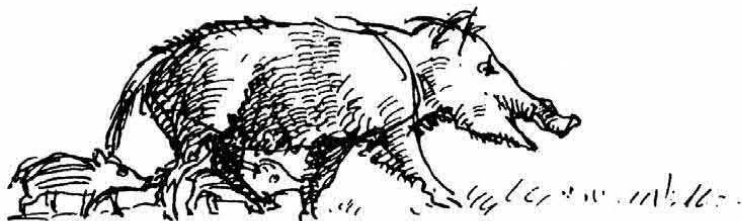
И они считали дальше, снова начиная с одного. Работа продвигалась очень быстро, и казалось, что все пройдет гладко. Три четверти деревьев уже были пересчитаны, селезень, лошадь и белая курочка подсчет вообще закончили, как вдруг из глубины леса раздался истошный визг свиньи:

Девочки бросились на крик и прибежали к свиные одновременно с лошадей. На подкашивающихся ногах свиная стояла перед огромным кабаном, а тот злобно сверкал глазами и раздраженно вопрошал:

— Эй, идиотка, может, хватит визжать? С чего это вы будите добрых людей среди бела дня? Я вас научу вести себя пристойно. С такой рожей вообще нечего показываться в лесу, спрятались бы где-нибудь, да там и сидели. А вы, дети, марш обратно в логово.

Последние слова его относились к дюжине кабанят, резвившихся вокруг свиной. Спинки у них были полосатенькие, глазки — смешливые, а сами они были размером с котят. Может, именно им свиная и была обязана тем, что кабан ее не тронул, побоявшись, что, напав на нее, может ненароком раздавить одного, а то и двоих.

— А это еще кто такие? — проворчал кабан, увидев лошадь и двух девочек. — Ей-богу, можно подумать, что мы на проезжей дороге. Не хватает еще автомобилей! Мне это начинает надоедать.

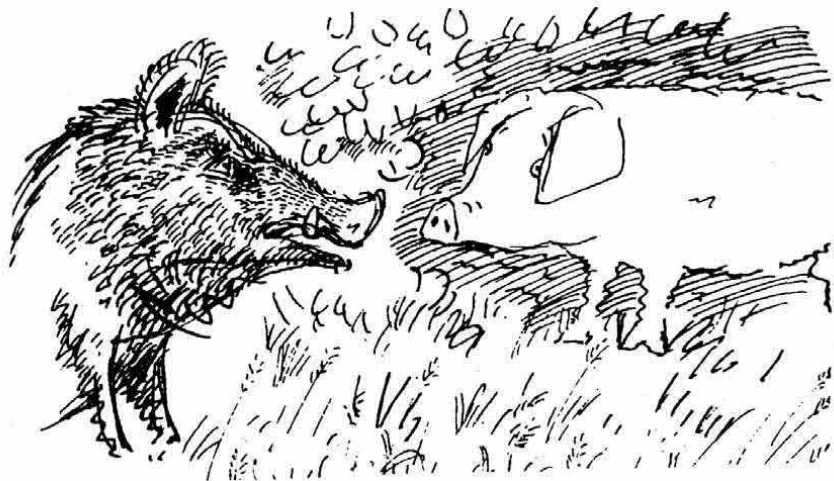
У него был такой свирепый вид, что девочки страшно испугались. Они словно приросли к земле и шепотом пробормотали извинения, но тут заметили кабанят и, сразу же забыв о кабане, заверещали, заахали, что в жизни своей не видели таких прелестных малышек. И принялись играть с ними, гладить и целовать их. Обрадованные, что нашлось с кем порезвиться, кабанята радостно и дружелюбно хрюкали.

— Какие хорошенькие, — повторяли Дельфина и Маринетта. — И какие крохотные! Какие милые!

Кабан оказался совсем не злым. И глаза у него стали такими же смешливыми, как у кабанят, и взгляд смягчился.

— Да, это довольно удачное потомство, — согласился он с девочками. — Они, конечно, еще несмышлениши, с ними куча хлопот, но что поделаешь, дети есть дети. Их мать считает, что они очень красивые, и, по чести сказать, я рад, что вы такого же мнения. А вот об этой свинье, которая на меня так тупо

смотрит, я бы этого не сказал. Ну и несуразное животное! Можно ли быть такой уродиной? У меня это просто в голове не укладывается.

Свинья, которая все еще дрожала от пережитого испуга, не осмелилась возражать, хотя и считала себя гораздо красивее кабана и таращила глаза от возмущения.

— А что вас, девочки, привело в наш лес?

— Мы пришли со своими друзьями с фермы, чтобы сосчитать, сколько здесь деревьев. Лошадь вам сейчас все объяснит. А нам нужно идти доделывать задачку.

Перецеловав еще раз кабанят, Дельфина и Маринетта ушли, пообещав скоро вернуться.

— Представляете, — сказала лошадь, — учительница задала девочкам страшно трудную задачку.

— Я не совсем вас понимаю. Это, в общем, простительно, я ведь живу очень уединенно. Выхожу только по ночам и деревенской жизни почти не знаю.

Снова поглядев на свинью, кабан запнулся и добавил:

— Ну до чего ж она уродлива! Никак не могу с этим свыкнуться. И розовая шкура ее просто тошнотворного вида. Ну да бог с ней. Так я вам говорил, что веду ночной образ жизни и очень многого не знаю. Что такое, например, «учительница»? И что такое «задача»?

Лошадь рассказала, кто такая учительница и что такое задача. Кабан очень заинтересовался школой и пожалел, что не может послать туда своих кабанят. Но он просто отказывался понимать, как это родители могут быть такими жестокими.

— Только представьте себе, что я не позволю своим малышам играть после обеда, а заставлю их решать какую-то задачу! Да они меня нипочем не послушаются. К тому же их мать, конечно же, будет против. Но в чем там дело, в этой пресловутой задачке?

— Условия такие: «Общинный лес занимает площадь...»

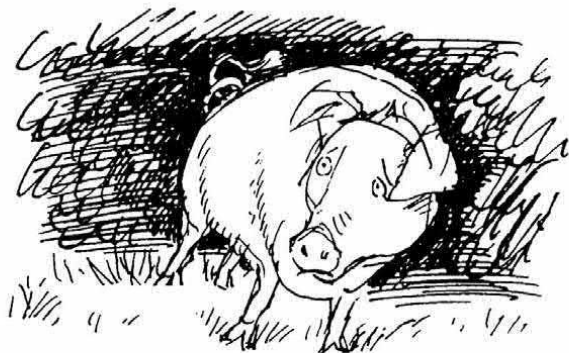
Когда лошадь все рассказала, кабан окликнул белочку, только что соскочившую на нижнюю ветку ближайшего бука.

— Давай-ка быстро разузнай, сколько в общинном лесу дубов, буков и берез, — сказал он. — Жду тебя здесь.

Белочка мгновенно скрылась в листве. Она отправилась собирать подружек; не пройдет и четверти часа, заявил кабан, как она вернется с ответом. И тогда можно будет проверить, правильно ли сосчитали деревья Дельфина и Маринетта. Свинья, по-прежнему стоявшая как вкопанная среди кабанят, вдруг поняла, что она своей части работы не закончила, но так как она совсем не помнила, на чем остановилась, ей надо было все начинать сначала. Пока она в нерешительности раздумывала, как быть дальше, появились селезень и белая курочка.

— Надеюсь, вы не очень переутомились, — сказала свиные курочка. — Нечего было так бахвалиться и капризничать, чтобы потом бросить работу на середине. Нам с селезнем пришлось все сделать за вас.

Свинья была очень смущена и не знала, что и сказать. А белая курочка сухо добавила:

— Не надо извиняться. И благодарить тоже не надо. Ни к чему это.

— Да уж, действительно, — сказал кабан, — кругом хороша. И уродина, и кожа у нее голая, розовая, да еще и лентяйка.

Тем временем кабанята окружили новых гостей и хотели поиграть с ними, но белая курочка, не любившая фамильярнос-

тей, попросила их оставить ее в покое. Однако они продолжали приставать к ней с играми, толкали ее в бок рыльцами и все норовили вскочить ей на спину, так что курочке пришлось забраться на ветку орешника. Тут вместе со всеми остальными животными пришли Дельфина и Маринетта, им надо было узнать, сколько деревьев насчитала свинья. За нее ответили селезень и белая курочка. Оставалось только сложить все вместе и через несколько секунд Дельфина объявила:

— В общинном лесу три тысячи девятьсот восемнадцать дубов, тысяча двести четырнадцать буков и тысяча триста две березы.

— Так я и думала, — сказала свинья.

Дельфина поблагодарила всех животных за то, что они так хорошо поработали, а особенно белую курочку, которая поняла задачку и нашла решение. Кабанята, вначале растерявшиеся от такого наплыва гостей, расхрабрились и подошли к гусям. Добродушные гуси были не прочь играть в их игры. Тут же к ним присоединились и другие малыши, а вслед за ними и взрослые животные, даже сам кабан и то хохотал во всю глотку. Никогда еще в лесу так не веселились.

— Не хочу прерывать вашего веселья, — спустя некоторое время сказал пес, — но солнце уже клонится к закату. Скоро родители вернутся домой и не очень-то обрадуются, если никого не застанут на ферме.

Когда все уже собрались уходить, на нижней ветке бука появились белочки. Одна из них сказала кабану:

— В общинном лесу три тысячи девятьсот восемнадцать дубов, тысяча двести четырнадцать буков и тысяча триста две березы.

Цифры у белочки были точно такие же, как и у сестричек, и кабан очень обрадовался.

— Значит, вы не ошиблись. Завтра учительница поставит вам хорошие отметки. Вот бы посмотреть, как она будет вас хвалить! И вообще, мне бы очень хотелось увидеть школу.

— Так приходите завтра утром, — предложили девочки. — Учительница совсем не злая. Она разрешит вам войти в класс.

— Вам так кажется? Что ж, может, и приду. Надо еще подумать.

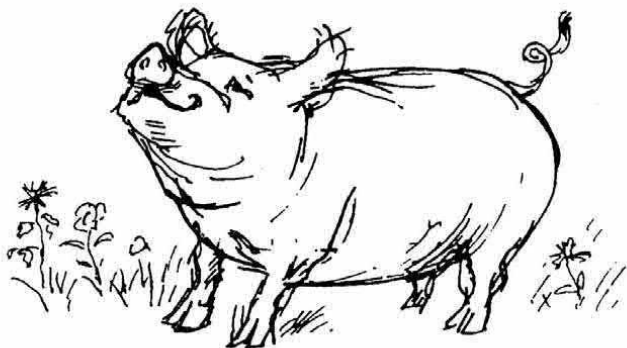
Расставаясь с девочками, кабан почти решил пойти завтра в школу. Лошадь и пес тоже пообещали прийти туда, чтобы он не был единственным посторонним, которого увидит учительница.

Вернувшись с поля, родители застали Дельфину и Маринетту за игрой во дворе и прямо с дороги закричали им:

— Вы задачку свою решили?

— Да, — ответили девочки и пошли навстречу родителям, — но это было очень трудно!

— Да уж, работка была не из легких, — подтвердила свинья, — не хочу хвастать, но в лесу...

Маринетта быстро наступила ей на ногу, и та, к счастью, умолкла. Родители косо посмотрели на свинью и проворчали, что она день ото дня становится все глупее и глупее. А потом сказали, обращаясь к дочкам:

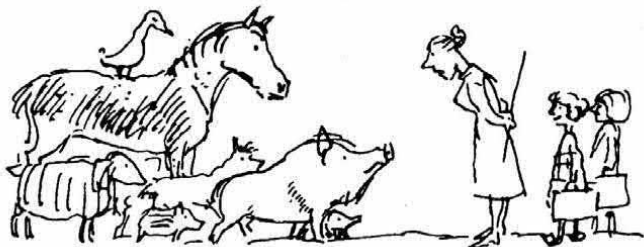
— Решить задачку — это еще не все. Надо ведь, чтобы решение оказалось правильным. Но это мы узнаем завтра. Посмотрим еще, какую отметку поставит вам учительница. И если вы не справились со своей задачкой, вам это так не пройдет. А то все у вас слишком легко получается. Тяп-ляп, и готово.

— Нет, не тят-ляп, — завершила их Маринетта, — можете быть уверены, что у нас все верно.

— И у белочки тот же ответ, — заявила свинья.

— У какой такой белочки? Эта свинья, кажется, совсем сходит с ума. И взгляд у нее какой-то странный. Все, хватит, заткнись и иди в свой свинарник.

Когда наутро учительница подошла к дверям школы, чтобы впустить учеников, она не очень удивилась, увидев лошадь, пса, свинью и белую курочку. Не такая уж это была редкость, животные с соседней фермы время от времени сюда забредали. Но что ее изумило, даже немного испугало, так это внезапное появление дикого кабана, прятавшегося до ее прихода за изгородью. Она, верно, даже закричала бы и стала звать на помощь, если бы Дельфина и Маринетта тут же не успокоили ее.

— Не пугайтесь, пожалуйста. Мы его знаем. Это очень милый кабан.

— Простите меня, — сказал, приблизившись, кабан. — Не хотелось беспокоить вас, но я слышал столько хорошего о вашей школе и о вас, что у меня возникло горячее желание послушать хоть один из ваших уроков. Я уверен, что много почерпну из него.

Польщенная сказанным, учительница все же не решалась впустить кабана в класс. А тут и остальные животные обступили ее и тоже стали проситься на урок.

— Само собой разумеется, — добавил кабан, — мы обещаем быть послушными и не мешать вам вести урок.

— Ладно, — сказала учительница, — в конце концов я не вижу ничего страшного в том, чтобы вы вошли в класс. Стройтесь.

Животные построились парами вслед за ученицами перед входом в школу. Кабан встал рядом со свиньей, белая курочка рядом с лошадей, а замыкал строй пес. Когда учительница хлопнула в ладоши, новоявленные школьники без шума и сутолоки вошли в класс. Пока пес, кабан и свинья рассаживались за парты среди девочек, курочка взлетела на спинку одного из сидений, а лошадь, слишком большая для того, чтобы уместиться за партой, осталась стоять в глубине классной комнаты, у стены.

Занятия начались с урока письма, потом была история. Учительница рассказывала о XV веке, о Людовике XI, очень жестоком короле, имевшем обыкновение заточать своих врагов в железные клетки. «К счастью, — сказала она, — времена переменялись, и теперь уже никого не сажают в железные клетки». Не успела учительница проговорить эти слова, как белая курочка, вытянувшись на своем насесте, попросила слова.

— Совершенно очевидно, — сказала она, — что вы не в курсе того, что происходит в стране. На самом деле, с XV века ровно ничего не изменилось. Я, например, свидетельствую, что не раз видела несчастных кур, заточенных в клетки, и от этой привычки никто и не думает отказываться.

— Невероятно, — воскликнул кабан.

Учительница покраснела до ушей, потому что тут же вспомнила о двух цыплятах, которых держала в клетке, чтобы они быстрее набирали вес. И немедленно решила, что выпустит их на свободу, как только вернется с занятий домой.

— Будь я королевой, — заявила свинья, — я бы родителей заперла в клетку.

— Но вы никогда не станете королевой, — сказал ей кабан, — вы слишком уродливы.

— А я знаю людей, которые с вами не согласятся. Вот только вчера вечером родители, глядя на меня, приговаривали: «Свинья уже чудо как хороша, надо будет ею заняться».

Я не вру. Девочки там были и слышали, как они это говорили. Правда, девочки?

Дельфина и Маринетта, смутившись, вынуждены были подтвердить, что родители действительно произнесли эту хвалебную речь. Свинья торжествовала.

— Тем не менее животного уродливее вас я в жизни не видел, — сказал кабан.

— Вы, очевидно просто сами на себя ни разу не смотрели. С этими вашими клыками, торчащими из пасти, рожа у вас ужасная.

— Что? Вы осмеливаетесь говорить о моем лице в таком оскорбительном тоне? Ну подождите, грубиянка, я вас научу уважать добрых людей!

Увидев, что кабан соскочил со своего места, свинья, громко визжа, бросилась бегом через класс, причем от испуга так толкнула учительницу, что та едва не упала. «Спасите! Убивают!» — орала свинья и носилась между партами. На пол полетели книжки, тетрадки, ручки и чернильницы. Кабан преследовал ее, тоже опрокидывая все подряд, грозясь этой гадкой свинье все брюхо выпотрошить. Пытаясь проскочить под стулом, на котором сидела учительница, он поднял ее вместе со стулом да так и по-

тащил дальше на себе. Но из-за этого произошла заминка, и Дельфина с Маринеттой воспользовались случаем и попробовали утихомирить буяна, напомнив ему о том, что он обещал не мешать вести урок. Призвав на помощь пса и лошадь, они в конце концов заставили его опомниться.

— Простите меня, — сказал он учительнице. — Я немного погорячился, но эта особа так безобразна, что ее просто невозможно терпеть.

— Вас обоих надо было бы выставить за дверь, но на этот раз я всего лишь поставлю вам нули по поведению.

И учительница написала на доске.

Кабан и свинья были очень огорчены, но как ни упрашивали они учительницу стереть их нули, она была неумолима.

— Каждому по заслугам. Белой курочке — десять. Псу — десять. Лошади — десять. А сейчас у нас будет урок арифметики.

Посмотрим, как вы справились с задачей про общинный лес. Кто из вас решил ее?

Кроме Дельфины и Маринетты, рук никто не поднял. Заглянув в их тетрадки, учительница поджала губы, и девочки слегка забеспокоились. Похоже, она сомневалась, что их решение правильное.

— Итак, — подойдя к доске, сказала учительница, — давайте вспомним условия задачи. Общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров...

Объяснив ученикам, как надо было решать задачу, она сделала все вычисления на доске и объявила:

— Таким образом, в общинном лесу растет четыре тысячи восемьсот дубов, три тысячи двести буков и тысяча шестьсот берез. Следовательно, Дельфина и Маринетта решили задачу неверно. У них будут плохие отметки.

— Позвольте, — сказала белая курочка. — Весьма сожалею, но это ваше решение неверное. В общинном лесу три тысячи девятьсот восемнадцать дубов, тысяча двести четырнадцать буков и тысяча триста две березы. Так и у девочек.

— Но это же нелепость, — возразила учительница. — Берез не может быть больше, чем буков. Объясню еще раз...

— Да что тут объяснять! В общинном лесу на самом деле растет тысяча триста две березы. Вчера мы весь вечер их считали. Правда ведь, друзья?

— Правда, — подтвердили пес, лошадь и свинья.

— И я там был, — сказал кабан. — Все деревья были пересчитаны дважды.

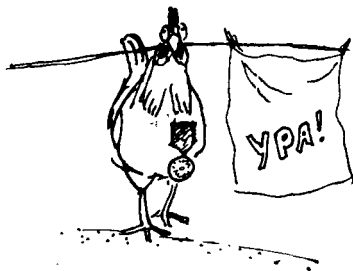
Учительница попыталась объяснить животным, что общинный лес, о котором идет речь в задачке, не имеет отношения ни к какому конкретному лесу, но белая курочка только рассердилась, да и остальные тоже были недовольны. «Если уж условия задачи неправильные, — говорили они, — какой тогда вообще смысл в этой задачке?» Учительница заявила, что все они очень глупы. Побагровев от злости, она уже собиралась поставить сестрам самые плохие отметки, как вдруг в класс вошел инспектор округа. Сначала он удивился, увидев в классе лошадь, собаку, курицу, свинью, а главное, кабана, но потом сказал:

— Впрочем, почему бы и нет. Итак, о чем вы тут говорили?

— Господин инспектор, — обратилась к нему белая курочка, — позавчера учительница дала ученикам задачку вот с таким условием: общинный лес занимает площадь в шестнадцать гектаров...

Когда инспектора ввели в курс дела, он, не колеблясь, согласился с белой курочкой. Для начала он велел учительнице поставить девочкам самые хорошие отметки в их тетрадях и стереть нули по поведению свинье и кабану. «Общинный лес — это общинный лес, — заявил он, — и мудрить тут нечего». Он был так доволен всеми животными, что велел каждому поставить по хорошей отметке, а белую курочку, которая так хорошо все решила, представить к ордену.

Дельфина и Маринетта вернулись домой с легким сердцем. Родители были горды и счастливы, что девочки заслужили отличные отметки (к тому же они считали, что хорошие отметки, которые получили пес, лошадь, белая курочка и свинья, тоже были поставлены Дельфине и Маринетте). И в награду купили им по новому пеналу.

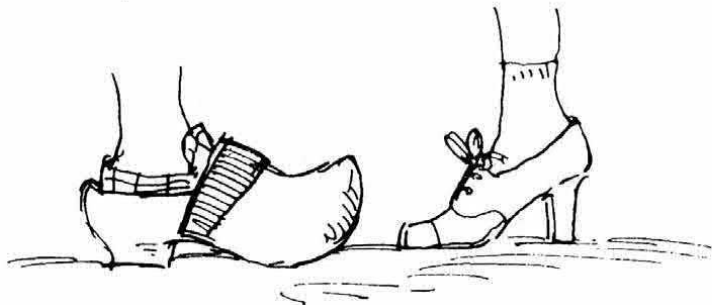

ПАВЛИН

Как-то раз Дельфина и Маринетта сказали родителям, что не желают больше носить сабо. А началось все вот с чего. Недавно у них на ферме целую неделю гостила Флора, их взрослая кузина из города. Флоре скоро должно было исполниться четырнадцать лет. Месяц назад она сдала выпускные экзамены, и папа с мамой купили ей часы, серебряное колечко и туфли на высоком каблуке. У нее была куча платьев, одних только нарядных — целых три. Розовое с золотым пояском, зеленое с шелковыми оборками и белое — кружевное. Флора никогда не выходила без перчаток. Она то и дело смотрела на свои часы, изящно оттопыривая локоток, и все время болтала о нарядах, шляпках и прическах.

Так вот, как-то раз, когда Флора уже уехала, девочки и завели этот разговор, подталкивая друг друга в бок для храбрости. Начала Дельфина.

— Ходить в сабо не слишком удобно, — сказала она. — Во-первых, все пятки отобьешь, во-вторых, вода заливается. Туфли куда надежнее. Да и красивее все-таки.

— А платья? — сказала Маринетта. — Чем ходить каждый день в старье да надевать фартуки, не лучше ли почаще доставать из шкафа наши нарядные платья?

— А прически? — сказала Дельфина. — Гораздо удобнее, когда волосы не болтаются, а зачесаны наверх. Да и красивее.

Родители ахнули, сердито посмотрели на дочек и сказали страшными голосами:

— Это еще что за разговоры! Сабо им не годятся, нарядные платья им понадобятся! С ума вы, что ли, сошли? Ишь выдумали — подавай им каждый день туфли и хорошие платья! Да на вас все горит, этак не останется ничего приличного и не в чем будет пойти к дяде Альфреду. Ну, а высокие прически — это еще почище! В вашем-то возрасте! Попробуйте только заикнуться о прическах...

Что ж, больше девочки не смели заговаривать о прическах, платьях и туфлях. Но как только они оставались одни — например, шли в школу или из школы, пасли коров на лугу, собирали землянику в лесу, — они тут же подкладывали под пятку камешек, будто ходили на каблуках, надевали платья наизнанку и воображали, что они новые, или стягивали волосы на затылке веревочкой. И то и дело спрашивали друг друга: «А талия

у меня тонкая?», «А походка у меня изящная?», «А нос, как по-твоему, не вытянулся в последнее время? А какой у меня рот? А зубы?», «Как ты думаешь, что мне больше к лицу, розовое или голубое?»

Дома они без конца смотрелись в зеркало, мечтая об одном: быть красивыми и носить красивые платья. Порой они даже, краснея, ловили себя на мысли о том, какой чудесный воротник выйдет из шкурки их любимца, белого кролика, когда его съедят.

Однажды Дельфина и Маринетта сидели перед домом в тени плетня и подрубали платочки. А рядом стояла большая белая гусыня и глядела, как они работают. Это была степенная птица, любительница обстоятельных бесед и здоровых развлечений. Она спрашивала, для чего подрубают платочки и как это делается.

— Мне бы, наверное, понравилось шить, — сказала она задумчиво, — особенно подрубить платочки.

— Нет уж, спасибо, — сказала Маринетта, — по-моему, куда лучше шить платья. Ах, будь у меня, скажем, метра три сиреневого шелку, я бы сшила платье с круглым вырезом, приспособленное по бокам.

— А я, — сказала Дельфина, — сделала бы такое красное, вырез мысочком и белые пуговицы в три ряда до самого пояса.

Слушая их, гусыня качала головой и приговаривала про себя: «Вы как хотите, а по мне лучше всего подрубить платочки».

В это время по двору трусила толстенная свинья. Родители — они как раз вышли из дому и собрались идти в поле — остановились перед ней и сказали:

— Она жиреет с каждым днем. Красота да и только!

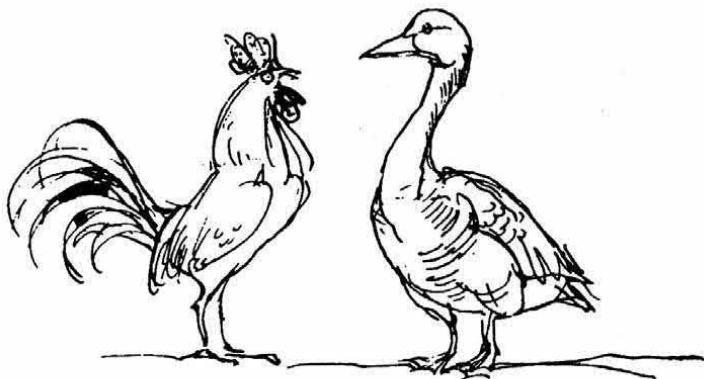
— Правда? — спросила свинья. — Я так рада, что вы считаете меня красивой. Я и сама так думаю...

Родители слегка смутились, но промолчали и пошли своей дорогой. Проходя мимо дочек, они похвалили их за усердие. Дельфина и Маринетта склонились над лоскутами и с головой ушли в работу, они шили молча, словно забыв обо всем на свете. Но как только родители отошли подальше, они снова принялись болтать о платьях, шляпках, лакированных туфлях, прическах,

золотых часиках, и иголки то и дело замирали у них в пальцах. Они стали играть в гости, и Маринетта, поджав губки, как настоящая дама, спрашивала Дельфину:

— Ах, милочка, где вышили этот прелестный костюм?

Гусыня ничего не могла взять в толк. От их трескотни она совсем одурела и уже было задремала, но тут прямо перед ней остановился праздно разгуливавший по двору петух и сказал:

— Не в обиду тебе будь сказано, но до чего же у тебя дурацкая шея!

— Дурацкая шея? — удивилась гусыня. — Почему это дурацкая?

— Она еще спрашивает! Да потому что слишком длинная! Вот посмотри на мою...

Гусыня оглядела его и ответила, качая головой:

— Что ж, у тебя и в самом деле шея коротковата. И ничего красивого в этом, на мой взгляд, нет.

— Коротковата? — закричал петух. — Выходит, это моя шея плоха? Ну уж, во всяком случае, покрасивее твоей будет.

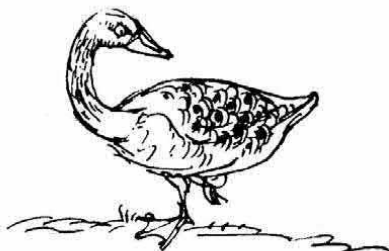
— Не думаю, — возразила гусыня. — Впрочем, что тут спорить? У тебя слишком короткая шея, это всякому ясно.

Если бы девочки не были так увлечены нарядами и прическами, они бы заметили, что петух страшно обиделся, и

постарались все уладить. Петух же усмехнулся и язвительно сказал:

— Ладно, не будем спорить. Да и не в шее дело, я все равно красивее тебя. Взглянуть хотя бы на мои перья: синие, черные, даже желтые есть. А главное, у меня на голове роскошный султан, а у тебя и посмотреть не на что.

— Сколько я на тебя ни гляжу, — отвечала гусыня, — вижу только какой-то пучок растрепанных перьев и больше ничего. А уж что до этого красного гребня у тебя на голове, так любому, у кого есть хоть капля вкуса, на него и смотреть-то противно. Впрочем, тебе этого не понять.

Тут петух расшумелся. Он подскочил к гусыне и заорал во все горло:

— Старая дура! Я красивее тебя! Ясно? Красивее тебя!

— Врешь! Фитюлька несчастная! Это я красивее!

Наконец шум отвлек девочек от беседы о платьях, и они уж было собрались вмешаться, как вдруг свинья, услышавшая этот спор, примчалась с другого конца двора к гусыне с петухом и сказала, отдуваясь:

— Да вы что? В своем уме? Самая красивая — я!

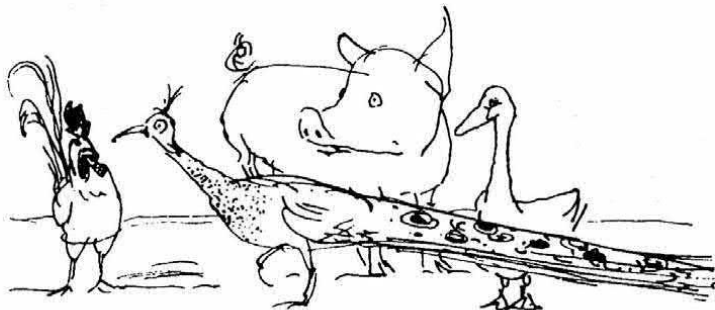
Девочки и даже петух и гусыня покатались со смеху.

— Не понимаю, что тут смешного, — сказала свинья. — Но неужели вы сами не видите, кто красивее всех.

— Ты шутишь, — сказала гусыня.

— Бедная свинья, — сказал петух, — если бы ты только могла видеть, как ты безобразна!

Свинья сокрушенно взглянула на них и сказала со вздохом:

— Мне все понятно, да-да, все понятно. Вы оба просто завидуете. Нет никого красивее меня. Вот и родители так говорят. Ну не притворяйтесь. Признайтесь, что я красивее всех.

Спор был в самом разгаре, когда в воротах появился павлин, и при виде его все замолчали. Его крылья отливали медью, сам он был синий, а длинный зеленый шлейф весь усыпан синими пятнышками с золотыми ободками. Он гордо вышагивал, высоко держа увенчанную хохолком голову. Павлин мелодично рассмехался и, повернувшись боком, чтобы предстать во всей своей красе, сказал, обращаясь к девочкам:

— Я слышал их спор из-за плетня, и, не скрою, он меня безумно рассмешил. Просто безумно... — Он снова сдержанно рассмеялся и продолжал: — Да, вот вопрос так вопрос: кто из этой троицы самый красивый. Взять хотя бы свинью: как хороша ее гладкая розовая кожа! Недурен и петух со своим огрызком на голове и с перьями, которые торчат во все стороны, как иголки у дикобраза. А с какой непринужденной грацией движется наша почтенная гусыня, с каким достоинством держит голову!.. Ох, сил нет, как смешно! Но шутки в сторону. Скажите-ка, барышни, не кажется ли вам, что тем, кто так далек от совершенства, следовало бы поменьше говорить о своей красоте?

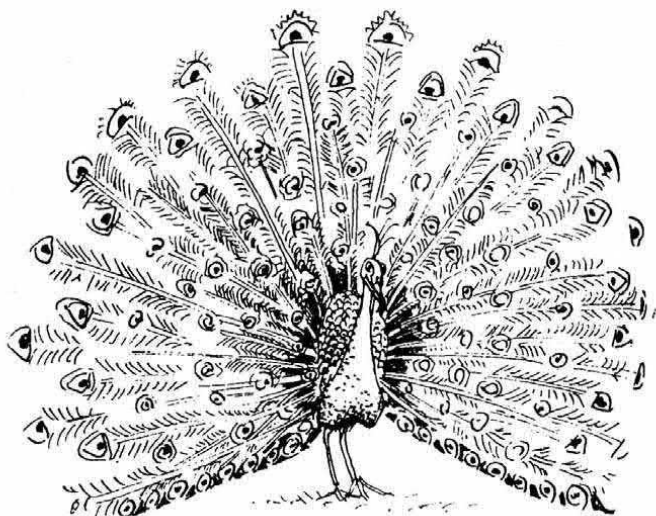
Девочки покраснели от стыда за свинью, петуха и гусыню, да, пожалуй, и за себя. Но упрекать павлина в бестактности они не решились, к тому же им было так приятно, что он назвал их барышнями.

— Впрочем, — продолжал павлин, — их можно простить, ведь они не имеют представления о настоящей красоте.

И он стал медленно поворачиваться на месте, принимая разные позы, чтобы каждый мог вдоволь на него насмотреться. Свинья и петух, онемев от восхищения, глядели на него во все глаза. Гусыня же, казалось, не слишком удивилась. Она спокойно окинула павлина взглядом и сказала:

— Что ж, вы, конечно, недурны, но мы видали красавцев не хуже вас. Вот, к примеру, я сама знала одного селезня с таким же красивым опереньем. И он не важничал. Правда, у него не было ни хохолка, ни этого длиннющего хвоста, которым вы сгребаете всю пыль с дороги. Но к чему, скажите на милость, порядочной птице такие украшения? Только представьте себе меня с кисточкой на голове и с метровым хвостом! Нет-нет. Вздор!

Пока она говорила, павлин еле сдерживал зевоту, а когда кончила, даже не дал себе труда ответить. Тут и петух снова расхрабрился и уже открыл было рот, чтобы сравнить свои перья с павлиньими, но в ту же минуту у него захватило дух: павлин распустил длинные перья своего хвоста и раскрыл его ог-

ромным веером. Даже гусыня была ослеплена этим зрелищем и невольно вскрикнула от восторга. А изумленная свинья шагнула вперед, чтобы получше рассмотреть перья, но павлин отскочил от нее.

— Пожалуйста, не подходите ко мне, — высокомерно сказал он. — Я птица особенная, я не привык якшаться с кем попало.

— Простите, — пробормотала свинья.

— Нет, это вы меня простите за то, что я высказался столь резко. Видите ли, для того чтобы быть таким красивым, как я, приходится прикладывать немало усилий. Сохранять красоту почти так же трудно, как и приобрести ее.

— Как? — удивилась свинья. — Разве вы не всегда были красивы?

— Конечно, нет. Когда я родился, мою кожу покрывал только жалкий пушок, и ничто не обещало, что когда-нибудь все будет по-другому. Лишь постепенно я изменился и стал таким, как сейчас, и это стоило мне большого труда. Я шагу не мог ступить без того, чтобы мать не напомнила мне: «Не ешь червяков, хохолок будет плохо расти. Не прыгай на одной ножке: хвост покривится. Не объедайся. Не пей за едой. Не ходи по лужам». И так без конца. Мне не разрешали водиться с цыплятами и с другими животными в замке. Я ведь живу в замке, вон там — видите? Да, было не очень-то весело. Только иногда хозяйка замка брала с собой на прогулку меня да еще борзую, а все остальное время я был один. А стоило матушке лишь заподозрить, что я развлекаюсь или думаю о чем-нибудь веселом, как она принималась в отчаянии кричать: «Ты с ума сошел! Смеешься, развлекаешься, посмотри на себя: ведь у тебя уже и в походке, и в хохолке, и в хвосте появилось что-то вульгарное!» Так и говорила. Ох и туго мне приходилось! И даже теперь, поверите ли, я все еще соблюдаю режим. Чтобы не потолстеть и не утратить яркость оперения, я должен придерживаться строгой диеты, делать зарядку, заниматься спортом... Не говоря уж о том, сколько часов отнимает туалет.

По просьбе свиньи павлин стал подробно перечислять все,

что нужно делать, чтобы быть красивым, и, проговорив полчаса, не рассказал еще и половины. Между тем с каждой минутой подходили все новые животные, и все толпились вокруг павлина. Сначала пришли волы, потом овцы, за ними коровы, кот, куры, осел, лошадь, утка, теленок — все, включая даже мышку, которая проскользнула между лошадиных копыт. Все напирало друг на друга, чтобы лучше видеть и слышать.

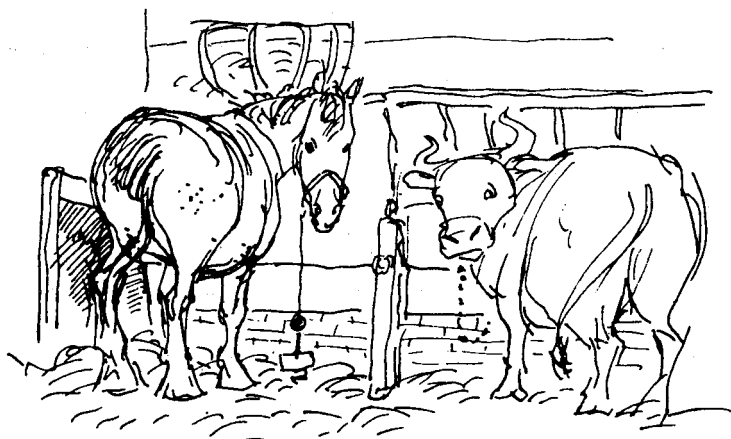
— Не толкайтесь! — кричал то теленок, то осел, то баран, то еще кто-нибудь. — Не толкайтесь! Тише! Да не наступайте же мне на ноги... Кто повыше, станьте сзади... Подвиньтесь-ка... Тише, вам говорят... Вы у меня дождетесь...

— Успокойтесь, — говорил павлин. — Повторяю еще раз: утром, как встанете, съест семечко райского яблочка и выпить глоток воды. Поняли? Тогда повторите.

— Семечко райского яблока и глоток воды, — хором сказали животные.

И хотя Дельфина и Маринетта постеснялись повторять вместе с ними, но ни один школьный урок не слушали они так внимательно, как преподанный павлином.

Следующее утро принесло родителям одни неожиданности. Началось это в хлеву, когда они принялись, как обычно, наполнять ясли и чаны. Лошадь и волы вдруг недовольно заявили:

— Не надо, не надо, зря стараетесь! Если уж хотите угодить, дайте нам семечко райского яблочка и глоток воды.

— Что, что? Семечко? Какое еще семечко?

— Ну да, семечко райского яблочка. Ничего другого мы в рот не возьмем до самого обеда, и так будет каждый день.

— Ждите, как же! — сказали родители. — Так вам и станут подавать семечко райского яблочка! Нечего сказать, сытная пища! Самая подходящая для рабочего скота! Ну, хватит. Вот сено, вот овес и ботва. Извольте есть. И не морочьте нам голову.

Из хлева родители пошли во двор задать корму курам и прочим птицам. Корм был отличный, но никто к нему даже не притронулся.

— Мы хотим, — сказал родителям петух, — семечко райского яблочка. Ничего другого нам не надо.

— Опять это семечко! Что это вам всем вдруг приспичило питаться яблочными семечками? Послушай, петух, в чем дело?

— Скажите-ка, родители, — отвечал петух, — хотите видеть меня с хохолком на голове и с пышным веером длинных разноцветных перьев?

— Нет, — мрачно ответили родители.

Петух отвернулся и громко сказал птицам:

— С ними вежливо разговариваешь, а они вон как отвечают!

Родители пошли кормить свинью. Но, едва учуяв запах мятой картошки, она закричала из своего закута:

— Уберите сейчас же это месиво! Я хочу только семечко райского яблочка и глоток воды!

— И ты туда же! — сказали родители. — Да что случилось?

— Просто я хочу быть красивой — такой стройной, такой ослепительной, чтобы каждый встречный останавливался и говорил мне вслед: «Посмотрите, как хороша! Как бы я хотел быть такой бесподобной свиньей!»

— Бог с тобой, свинья, — сказали родители, — понятно, что ты заботишься о своей красоте, но только зачем же отказываться как раз от самого главного? Разве ты не понимаешь, что быть красивой — это значит быть жирной?

— Расскажите это кому-нибудь другому! — сказала свинья. — Ну так как же? Дадите вы мне семечко райского яблочка и глоток воды?

— Ладно. Мы подумаем об этом и, может, когда-нибудь...

— Не когда-нибудь, а сейчас же. И это еще не все. Каждое утро меня надо выводить на прогулку. И еще следить, чтобы я занималась спортом, следить за моим рационом, сном, за моими знакомствами, за моей походкой... в общем... за всем...

— Ладно. Вот наберешь еще килограммов десять — и начнем. А пока ешь что дают.

Наполнив чан свиньи, родители вернулись в кухню и увидели, что Дельфина и Маринетта уже собрались идти в школу.

— Уже уходите? Но... но ведь вы еще не завтракали?

Девочки вспыхнули, и Дельфина, запинаясь, пробормотала:

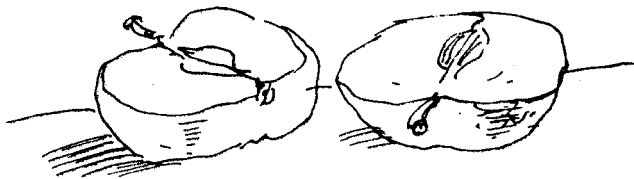
— Что-то не хочется. Наверное, объелись вчера вечером.

— Нам лучше выйти на воздух, — прибавила Маринетта.

— Ну и ну! — сказали родители. — Такого еще не бывало!

Что ж, как хотите...

А когда девочки были уже на полдороге к школе, родители заметили в кухне на столе разрезанное пополам райское яблочко, в котором не хватало двух семечек.

Обитатели хлева недолго соблюдали предписанную павлином диету. Яблочное семечко в желудке вола или лошади — это все равно что ничего. И, отказавшись от погони за красотой, они на следующее же утро вернулись к своей обычной пище. Долше продержались обитатели птичьего двора, и какое-то время казалось, что такая жизнь им очень подходит. Несколько дней кокетство превозмогало колики в животе. Куры, цыплята, петух, утка, даже гусыня только и говорили, что о посадке головы да цвете перьев, а кое-кто из молодежи, возмнив о себе бог весть что, стал сетовать на ужасные условия, в которых приходится жить птицам такой необыкновенной красоты. Услышав эти бредни, гусыня сразу опомнилась и заявила, что скудная пища, которой довольствуются птицы, уже довела некоторых из них до умопомрачения, а скоро спятит и весь птичник. Что же до обещанной красоты, то она, гусыня, видит пока только запавшие глаза, поникшие перья да тощие шеи. Одни птицы, поразумнее, тут же согласились с гусыней. Другие сдались не сразу. Самым стойким сторонником павлиньей диеты остался петух да с ним кучка его обожателей — цыплят. Они крепились до тех пор, пока однажды петух не свалился от голода посреди двора и не услышал, как родители сказали: «Надо его поскорее, пока не поздно,

зарезать». Перепуганный петух вскочил и бросился поедать зерно и кашу, да так объедался, бедняга, несколько дней подряд, что у него расстроился желудок. Та же участь постигла цыплят.

Через две недели от павлиньей диеты отказались все, кроме свиньи. Тем, что она съедала за день, не насытился бы и крохотный цыпленок, а она к тому же совершала долгие прогулки, делала зарядку и занималась разными видами спорта. За неделю она похудела на тридцать фунтов. Остальные животные уговаривали ее поскорее вернуться к сытной пище, но она как будто и не слышала и только спрашивала:

— Ну, как я выгляжу?

И животные грустно отвечали:

— Ты совсем отощала, бедная свинья. Кожа на тебе так сморщилась и обвисла, что просто смотреть жалко.

— Вот и хорошо, — говорила свинья. — Вы еще не так удивитесь! — И она хитро подмигивала и продолжала, понизив голос: — Да, кстати! Сделайте одолжение, взгляните мне на макушку...

— Там что-то растет, что-то наподобие хохолка.

— Да ничего там нет.

— Странно, — говорила свинья. — Ну а шлейф? Его-то вы видите?

— Ты имеешь в виду свой хвостик? Хорош шлейф! Он у тебя еще больше стал похож на штопор.

— Странно. Может, я мало занимаюсь спортом?.. Или все еще слишком много ем... Ну ничего, я подтянусь.

Глядя, как свинья все худеет с каждым днем, Дельфина и Маринетта потеряли охоту быть красивыми. И уж во всяком случае решили не голодать. Павлинья диета, которую они пытались соблюдать тайком от родителей, уже не соблазняла их. Тут помогли и советы гусыни. Когда девочки при ней обсуждали, какие у них талии да сколько граммов им надо сбросить, она твердила:

— Поглядите, до чего дошла несчастная свинья из-за того, что не ест досыта. Вы что, хотите, чтобы и ваша кожа повисла складками, а ваши славные ножки превратились в прутики? Нет, поверьте мне, все это глупости. Уж я-то, кажется, недурна собой, и перья у меня отличные, так вот что я вам скажу: красота не самое главное в жизни, куда важнее подрубить платочки, чем щеголять пестрым хвостом.

— Конечно, — отвечали девочки, — вы совершенно правы.

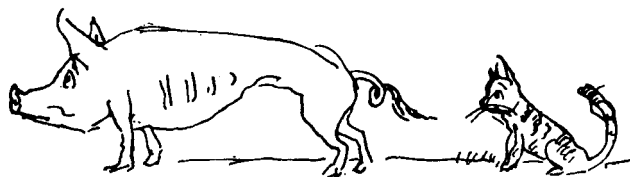
Однажды свинья отдыхала после гимнастических упражнений у колодца; рядом, на краю сруба, лежал и мурлыкал кот. И вот, когда свинья стала спрашивать его, не видно ли еще ее хохолка, коту стало жаль ее, и, притворившись, будто что-то пристально разглядывает, он ответил:

— В самом деле, кажется, что-то заметно. Чуть-чуть, но заметно.

— Наконец-то! — вскричала свинья. — Растет! Уже заметно! Вот счастье... А шлейф... Ну-ка, котик, шлейф тоже виден?

— Еще и шлейф! Ох ты, Господи... Нет, мне очень жаль, но...

— Не может быть! Не может быть!

Свинья пришла в такое отчаяние, что кот не выдержал.

— Честно говоря, — сказал он, — до шлейфа еще далеко, но уже пробивается этакий хорошенький маленький венчик.

— Ну да, он еще должен вырасти, — согласилась свинья.

— Вот именно, — подхватил кот. — Но чтобы он вырос, тебе надо побольше есть. Это и к хохолку относится. Павлинья диета была очень хороша для начала, но теперь, когда хохолок и хвост уже прорезались, им необходимо питание.

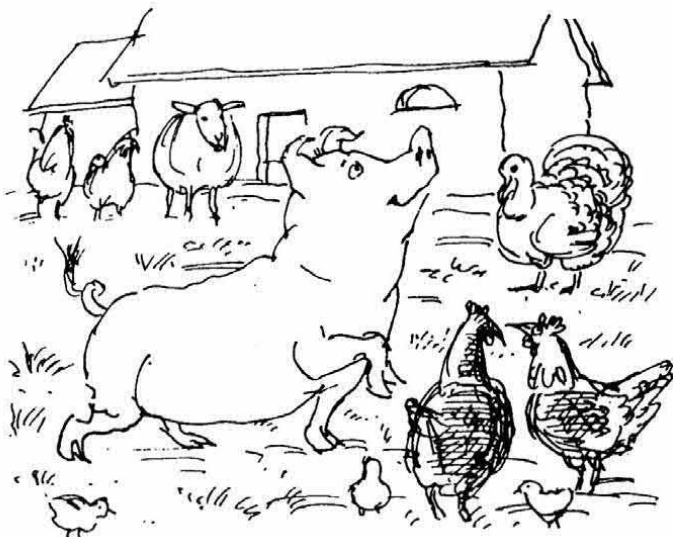
— А ведь верно, — сказала свинья. — Об этом я и не подумала.

И она тотчас же понеслась к своему чану, съела все, что в нем было, и побежала к родителям за добавкой.

Наконец, наевшись, она принялась скакать по двору и горланить:

— У меня хвост и хохолок! У меня хвост и хохолок!

Животные пытались образумить ее, но она говорила, что все они ей завидуют и что у них глаза не на месте. На другой день она долго спорила с петухом, пока, измученный ее упрямством, он не отступился, сказав со вздохом:

— Да она ненормальная... просто ненормальная...

Свидетели спора, а их было немало, громко расхохотались, и от этого смеха свинье стало не по себе. Целый час за ней по пятам ходила орава цыплят и пищала:

— Ненормальная пошла! Ненормальная! Держите ее! Держите!

Да и другие птицы не могли устоять, чтобы не захихикать и не отпустить ей вслед какое-нибудь обидное словечко. С тех пор свинья ни с кем не говорила о своем хохолке и шлейфе. Но ходила по двору, высоко задрав голову и выпятив грудь, будто аршин проглотила, а если кто-нибудь проходил у нее за спиной, пусть даже на некотором расстоянии, она сейчас же отпрыгивала, словно боялась, как бы ей не наступили на хвост. В таких случаях гусыня указывала на нее девочкам и говорила:

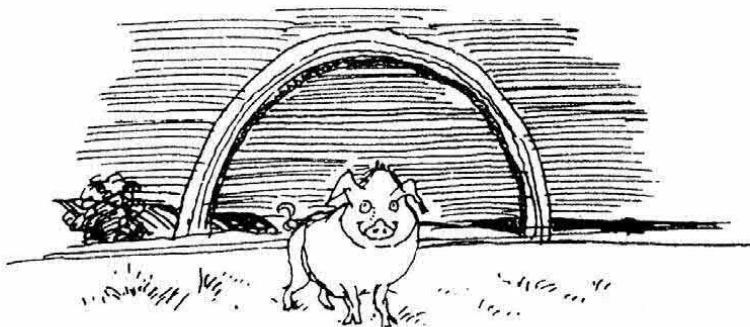
— Вот что бывает с теми, кто слишком занят своей красотой. Они сходят с ума, как наша свинья.

А девочки при этих словах жалели бедную кузину Флору — уж она-то, верно, давно свихнулась. И все-таки младшенькая, Маринетта, в глубине души восхищалась свиньей.

Однажды погожим утром свинья пошла гулять и забрела довольно далеко. На обратном пути сгустились тучи, и прямо над головой у свиньи засверкали молнии; ее это ничуть не удивило — она решила, что это трепещет на ветру и поблескивает ее хохолок. И только отметила, как он вырос: таким большим стал, что лучше и не надо. Между тем дождь все усиливался, и свинья укрылась под деревом, пригнув голову, чтобы не повредить хохолок.

Скоро дождь и ветер поутихли, и она пошла дальше. А когда она подходила к ферме, падали уже последние капли, и сквозь тучи пробивалось солнце. Дельфина и Маринетта вместе с родителями вышли из кухни, птицы выбрались из сарая, где пережидали дождь. И в тот самый миг, когда свинья показалась в воротах, девочки закричали, указывая пальцем в ее сторону:

— Радуга! Какая красивая!

Свинья обернулась и тоже вскрикнула. Она увидела у себя за спиной развернутый громадным веером хвост.

— Глядите! — сказала она. — Я распустила хвост!

Дельфина и Маринетта печально переглянулись, а животные зашептались и закачали головами.

— Ну, довольно кривляться, — сказали родители. — Ступай на место, в свой закут. Уже поздно.

— На место? — сказала свинья. — Но вы же видите, что я не могу. Мой хвост так широк, что и во двор-то не влезет. Никак не пройдет между этими деревьями.

Родителям это надоело, и они уже поговаривали, не взять ли палку, но тут девочки подошли к свинье и ласково сказали ей:

— Да ты сложи хвост. И он легко пройдет.

— В самом деле, — сказала свинья. — А я и не догадалась. Знаете, с непривычки...

Она напрягла спину, так что хрустнули кости. И в тот же миг радуга исчезла с неба и заиграла на ее коже такими нежными и яркими красками, рядом с которыми померкли бы даже павлиньи перья.

голубая
КНИГА СКАЗОК
КОТА
Мурлыки

Marcel AYMÉ

**Les contes bleus
du chat perché**

ВОЛК

Волк спрятался за изгородью и терпеливо наблюдал за домом. Увидев, что родители выходят из кухни, он обрадовался. Стоя на пороге, отец с матерью давали последние наставления дочкам.

— Помните, — говорили они, — вы никому не должны открывать, как бы вас ни просили и как бы ни угрожали. Мы вернемся только поздно вечером.

Когда волк убедился, что родители отошли достаточно далеко и скрылись за последним поворотом тропинки, он, хромя на одну лапу, обошел вокруг дома, но двери повсюду были накрепко закрыты. В коровнике и свинарнике надеяться было не на что. У этих особ воображение не настолько развито, чтобы они поддались на уговоры и позволили себя съесть. И волк остановился перед окном кухни, оперся лапами на карниз и заглянул внутрь.

Возле плиты Дельфина и Маринетта играли в бабки. Младшая, Маринетта, та, что посветлее, говорила своей сестричке Дельфине:

- Вдвоем не очень-то разыграешься. Хоровода не получится.
- Да, ни тебе хоровода, ни лапты!
- Ни в веревочку не поиграешь, ни в пятнашки.
- Ни в барыню, ни в мячик.
- А что может быть веселее хоровода или лапты?

— Вот если бы нас было трое...

Девочки сидели спиной к волку, и он постучал носом в оконное стекло, чтобы его заметили. Сестры бросили игру и, держась за руки, подошли к окну.

— Здравствуйте, — сказал волк. — На улице, между прочим, не жарко. Мороз, знаете ли, пощипывает нос.

Маринетта рассмеялась, таким смешным показался ей остроухий зверь с хохолком на макушке. Но Дельфина сразу поняла, кто перед ней. Сжав руку сестренки, она прошептала:

— Это волк.

— Волк? — сказала Маринетта. — Значит, нам страшно?

— Конечно, нам страшно.

Девочки задрожали и крепко обнялись, две светлые головки прилепились друг к другу — не поймешь, где чьи локоны, где чей

испуганный шепот. Волк, немало побегавший на своем веку по лугам и лесам, такой красоты в жизни не видал. Он был совершенно растроган.

«Но что это со мной? — подумал он. — Ноги словно ватные».

Поразмыслив, он понял, что вдруг подобрел. Таким стал добрым и хорошим, что никогда больше не сможет есть детей.

Волк склонил голову набок — все добрые так делают — и заговорил снова, ласково-ласково.

— Мне холодно, — сказал он, — и у меня болит лапа. Но главное, я добрый. Если бы вы открыли мне дверь, я бы обогрелся у плиты и мы целый день провели бы вместе.

Девочки изумленно поглядели друг на друга. Они и не подозревали, что волк может говорить таким нежным голосом. Успокоившись, младшая сестричка, та, что посветлее, уже дружелюбно кивала волку, но Дельфина, которая так легко головы не теряла, вовремя спохватилась.

— Убирайтесь вон, — сказала она, — вы — волк.

— Не подумайте, что мы выгоняем вас, — добавила с улыбкой Маринетта, — но родители запретили нам открывать дверь, как бы нас ни упрашивали и как бы нам ни угрожали.

Волк тяжело вздохнул, уши его поникли. Видно было, что он очень опечален.

— Знаете, — сказал он, — про волка много чего рассказывают, но нельзя верить всему, что говорят. На самом деле я совсем не злой.

Он еще раз тяжело вздохнул, и у Маринетты глаза наполнились слезами.

Девочкам было жаль волка: ему холодно, и лапа у него болит. Младшая прошептала что-то на ухо сестре, подмигнув волку, чтобы он понял, что она на его стороне. Дельфина еще раздумывала — она сгоряча ничего не решала.

— На вид он очень мил, но я ему не верю, — сказала она. — Ну-ка вспомни «Волка и ягненка»... Ягненок ведь ничего плохого ему не сделал.

И когда волк стал снова уверять их, что у него и в мыслях нет ничего дурного, она бросила ему в лицо:

— А как же тогда вышло с ягненком?.. Да-да, с тем ягненком, которого вы съели?

Волк нисколько не смутился.

— С ягненком, которого я съел? — спросил он. — С каким именно?

Он говорил об этом, как о чем-то совершенно естественном, само собой разумеющемся, — просто и спокойно, так что страшно было слушать.

— Как? Вы, стало быть, много их съели! — воскликнула Дельфина. — Ничего себе! Вот это здорово!

— Конечно, много. Ну и что же в этом дурного... Вы и сами их всегда едите!

Возразить было нечего. На обед они как раз ели жаркое из баранины.

— Так вот, — снова заговорил волк, — вы сами видите, что я совсем не злой. Откройте мне дверь, мы сядем в кружок возле плиты, и я расскажу вам массу историй. Вы и представить себе не можете, сколько я их знаю, и презабавных: недаром же я столько по лесам и полям бегаю... Да одним рассказом о

приключениях трех зайцев на опушке я вас знаете как рассмешу!

Девочки шепотом зашпорили. Та, что была посветлее, считала, что волку нужно открыть, и немедленно. Нельзя оставлять его продрогшего, да еще с больной лапой, на морозе. Но Дельфина все еще не доверяла ему.

— Ну пойми же наконец, — говорила Маринетта, — несправедливо теперь упрекать его за то, что он ел ягнят! Что ему было, умирать с голоду, что ли!

— Он должен есть одну картошку, — ответила Дельфина.

Но Маринетта так настаивала, так горячо защищала волка и так горько плакала, что старшая сестра наконец сдалась. И вот Дельфина уже пошла было к двери, но, вдруг рассмеявшись, передумала и, пожав плечами, сказала обескураженной Маринетте:

— Нет, это все-таки было бы слишком глупо!

И Дельфина посмотрела волку прямо в глаза:

— А вот что вы на это скажете, волк? Я ведь забыла о Красной Шапочке. А ну-ка поговорим о Красной Шапочке, как, вы не против?

Волк сокрушенно опустил голову. Такого он не ожидал. Слышно было, как он там, за окном, всхлипывает.

— Это правда, — признал он, — я ее съел, эту Красную Шапочку. Но уверяю вас, я раскаялся, меня уже давно мучают угрызения совести. И теперь я бы ни за что...

— Да, да, все так говорят.

Волк ударил себя в грудь и торжественно произнес:

— Даю вам честное слово, если бы это случилось сейчас, я бы скорее умер с голоду!

— И тем не менее, — вздохнула Маринетта, — Красную Шапочку вы съели.

— Я и не спорю, — согласился волк. — Я ее, понятное дело, съел. Но это был грех молодости. Это было так давно... А каждому греху — прощение, разве нет... И потом, если бы вы только знали, сколько шума поднялось из-за этой девчонки! Послушайте, ведь до того дошло, что меня обвинили в том, будто я сначала съел бабушку, так вот, это вообще вранье!..

Тут волк захихикал, видно, просто не мог удержаться, и даже, кажется, не понимал, что делает.

— Нет, вы только подумайте! Есть бабушку, когда у меня на обед такая свеженькая девчушка! Не такой я дурак...

При этом воспоминании волк не смог удержаться и несколько раз облизнулся, проведя своим длиннющим языком по отвислым

губам и обнажив страшные острые зубы. Зрелище это вряд ли могло успокоить девочек.

— Волк! — закричала Дельфина. — Вы обманщик! Если бы вас и вправду мучили угрызения совести, вы бы так не облизывались!

Волку стало стыдно, что он позволил себе облизнуться при воспоминании о пухленькой девчонке, так и таявшей тогда во рту. Он ведь чувствовал себя таким добрым, таким порядочным и вовсе не желал в этом сомневаться.

— Простите, — сказал он, — это у меня дурная семейная привычка, наследственное, но это ничего не значит...

— Тем хуже для вас, раз вы так дурно воспитаны, — заявила Дельфина.

— Не надо так говорить, — вздохнул волк, — я весьма сожалею...

— Есть маленьких девочек! Это тоже семейная привычка? Поймите, вам обещать не есть больше маленьких девочек — это все равно что Маринетте обещать никогда больше не есть сладкого.

Маринетта покраснела, а волк попробовал возразить:

— Но клянусь вам...

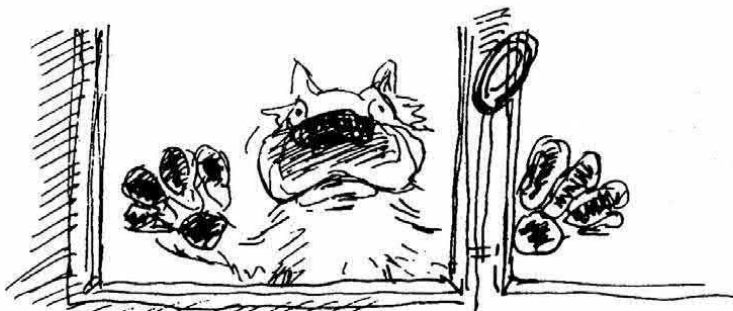
— Не надо, хватит, и идите-ка своей дорогой. На бегу и согреетесь.

Тут волк ужасно рассердился: как это они не верят, что он добрый.

— Да что же это такое? — закричал он. — Правды знать никто не хочет! Вы отбиваете всякую охоту быть честным! Никто — слышите — никто не имеет права отвергать благие намерения, а вы это сейчас делаете. И знайте: если я когда-нибудь еще раз съем ребенка, виноваты будете вы!

Эти слова волка сестричек, конечно, напугали: легко ли брать на себя такую ответственность, да и потом, не ровен час угрызения совести замучают. Но острые волчьи уши так подрагивали, глаза поблескивали так свирепо, а клыки так страшно торчали из приоткрытой пасти, что они в ужасе боялись даже пошевелиться.

Волк быстро понял, что запугиваньем ничего не добьется, попросил прощения за свое поведение и попробовал упросить девочек. И пока он говорил, взгляд его мало-помалу затуманился нежностью, уши улеглись, а нос он прижал к оконному

стеклу, и теперь его физиономия была похожа на мягкую коровью морду.

— Видишь, он не злой, — сказала младшая сестричка.

— Может быть, — ответила ей Дельфина, — может быть...

Голос волка стал таким умоляющим, что Маринетта не выдержала и пошла к двери. Дельфина, испугавшись, схватила ее

за волосы. Та дала ей оплеуху. Дельфина в ответ — тоже. Волк за окном отчаянно разволновался и сказал, что уж лучше он уйдет, чем позволит поссориться самым очаровательным белокурым девочкам на свете. Он и в самом деле отошел от окна и побрел прочь, содрогаясь от рыданий.

«Как это ужасно, — думал он, — я такой добрый, такой хороший, а они не хотят дружить со мной. А я бы стал еще лучше, я бы даже ягнят есть перестал».

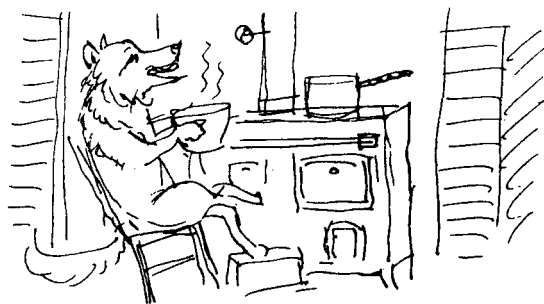
Тем временем Дельфина смотрела, как волк, хромя на одну лапу, уходил, дрожа от холода и слез. Ей стало стыдно, и она закричала в окно:

— Волк! Мы вас больше не боимся... Идите скорее сюда, в тепло!

А младшая уже открыла дверь и бежала навстречу волку.

— Боже мой! — вздыхал волк. — Как уютно у очага. Дом, семья — что может быть лучше? Я так и думал.

Сквозь слезы умиления смотрел он на девочек, все еще опасно державшихся поодаль. Вылизав большую лапу и обогревшись у огня, он стал рассказывать обещанные истории. Девочки

подсели поближе и, не отрываясь, слушали рассказы волка о приключениях лисицы, белочки, крота и трех зайцев с лесной опушки. А некоторые истории оказались такими забавными, что волку пришлось повторять их по два, а то и по три раза.

Маринетта уже обняла своего нового друга за шею и шаловливо дергала его за острые уши, гладила то по шерстке, то против. Дельфина привыкала к нему дольше сестры и, когда, балуясь, первый раз положила ему в пасть свою маленькую ручку, не удержалась и сказала:

— Ой! Какие у вас большие зубы...

Волк так смутился, что Маринетта тут же ласково обняла его.

У волка от голода урчало в животе, но из деликатности он и не заикнулся об этом.

«Каким же добрым я могу быть, — думал он, умиляясь сам себе. — Это просто невероятно».

После того как волк рассказал им множество историй, девочки предложили ему поиграть.

— Поиграть? — спросил волк. — Но я ведь не знаю ни одной игры.

Но девочки мигом научили его водить хоровод, играть в пятнашки, в лапту и в салочки. Он выучил и красивым басом пел «Пройдоху Гийери» и «Берегись, Ла Тур». В кухне стоял гвалт, все было раскидано, стулья перевернуты, все трое кричали и громко хохотали. Они больше не смущались и вообще перешли на «ты», будто были знакомы всю жизнь.

— Волк, ты проиграл!

— Нет, это ты! Ты пошевелилась! Она пошевелилась!

— Фант за волком!

Волк еще никогда так не смеялся, от хохота у него даже заболела челюсть.

— Никогда не думал, что можно так весело играть, — говорил он. — Какая жалость, что это бывает не каждый день!

— Но, волк, ты же еще придешь к нам, — отвечали девочки. — Родители каждый четверг после обеда уходят. Дождись, пока они уйдут, и постучи к нам в окно, как сегодня.

Напоследок они сыграли в лошадки. Это была прекрасная игра. Лошадкой был волк, Маринетта садилась на него верхом, а Дельфина держала его за хвост и гнала упряжку во весь опор через стулья. Волк, разинув пасть до ушей и высунув язык, еле дышал от бега и от смеха, а хохотал он так, что бока тряслись, — и время от времени просил передышки.

— Чур-чур! — прерывающимся голосом говорил он. — Дайте отсмеяться... я больше не могу... Ой, нет, ну дайте отсмеяться!

Только тогда Маринетта слезала с лошадки, Дельфина отпускала хвост, и, плюхнувшись прямо на пол, они долго взахлеб смеялись.

К вечеру веселью пришел конец — они вспомнили, что волку пора уходить. Девочки чуть не плакали, а младшая стала умолять:

— Ну, волк, останься с нами, давай еще поиграем. Вот увидишь, родители ничего не скажут...

— Э, нет! — ответил волк. — Родители всегда слишком осторожны. Им не понять, что волк может стать добрым. Знаю я родителей.

— Да, — согласилась Дельфина, — лучше, пожалуй, тебе не задерживаться. А то еще нарвешься, чего доброго, на неприятности.

И трое друзей договорились встретиться в следующий четверг. Они горячо попрощались и пообещали не забывать друг друга. Напоследок младшая повязала на шею волку голубой бант, и он ушел через поля далеко в лес.

Лапа у волка все еще ныла, но при мысли о будущем четверге, когда он снова увидит подружек, волк, не обращая внимания на злобное карканье потревоженных им ворон, дремавших на верхушках деревьев, беззаботно напевал:

Вернувшись домой, родители остановились на пороге кухни и стали принюхиваться.

— Похоже на волчий дух, — сказали они.

И девочкам пришлось притвориться, что они страшно удивлены; тут уж ничего не поделаешь: если тайком от родителей пускаешь в дом волка — без вранья не обойтись.

— Откуда здесь быть волчьему духу? — возразила Дельфина. — Если бы к нам в кухню зашел волк, он бы нас обеих съел.

— Да, верно, — согласился отец, — об этом я и не подумал. Волк бы вас съел.

Но Маринетта, которая была младше и два раза подряд соврать не могла, очень обиделась, что родители так несправедливы к волку.

— Это неправда, — сказала она, топнув ножкой, — волк детей не ест, неправда, он не злой. Какие могут быть тут сомнения, если...

К счастью, Дельфина толкнула ее ногой, а то бы она все тут же и выложила.

Родители произнесли длинную речь, в основном пугая девочек волчьей прозорливостью. Мать воспользовалась случаем и еще раз напомнила им о том, что случилось с Красной

Шапочкой, но при первых же словах Маринетта ее остановила.

— Знаешь, мама, все было совсем не так, как ты думаешь. Бабушку волк есть и не собирался. Сама посуди, зачем ему было перегружать желудок, когда на обед его ждала свеженькая девочка.

— И вообще, — добавила Дельфина, — нельзя же на него за это вечно сердиться...

— История эта давняя.

— Грех молодости...

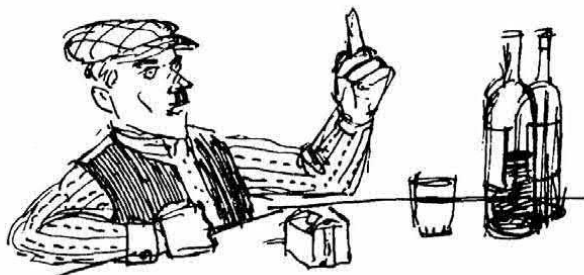
— А каждому греху — прощение.

— И волк теперь совсем не такой, каким был раньше.

— Никто не имеет права отвергать благие намерения.

Родители ушам своим не верили.

Отец резко оборвал эту возмутительную речь в защиту волка и отругал дочек, назвав их пустомелями. Затем он постарался привести самые убедительные примеры и доказать им, что волк всегда останется волком и надеяться, что он может измениться к лучшему — противно здравому смыслу, а если он вдруг и прикинется добродушным, то станет лишь еще опаснее, чем всегда.

Пока он все это говорил, девочки вспоминали, как они прекрасно играли сегодня в лошадки и в лапу, как радостно и до упаду смеялся волк, широко разевая пасть.

— Так что сразу видно, — заключил свою речь отец, — что вы просто никогда не имели дела с волком...

Тут младшая толкнула в бок старшую сестренку, и обе расхо-

хотались прямо в глаза отцу. В наказание за наглость их уложили спать без ужина, но даже после того, как их заточили в кровати, они еще долго смеялись над родительской наивностью.

Все дни до следующего четверга девочки не могли дождаться, когда же они наконец увидятся со своим другом, и, сгорая от нетерпения, что ни день играли в волка, а мать сердилась, чувствуя, что ее дразнят. Маринетта монотонно напевала:

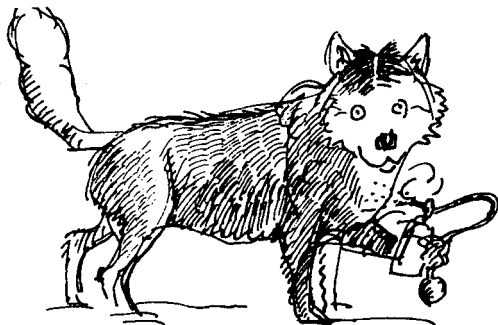
— «Прогуляемся вдоль леса, пока волка не видать. Волк, ты здесь? Ты меня слышишь? А что делаешь сейчас?»

И Дельфина, спрятавшись в кухне под столом, отвечала: «Надеваю рубашку». Маринетта задавала свой вопрос столько раз, сколько надо было, чтобы волк нацепил на себя все, что полагается, от носков до большой сабли.

Весь смысл игры заключался в том, что волк должен был появляться внезапно и совсем необязательно ему было быть полностью одетым. И частенько он набрасывался на свою жертву без пиджака или даже в одной шляпе — больше на нем ничего не было.

Родителям игра не очень-то нравилась. Да и слушать без конца одно и то же им осточертело. На третий день они запретили дочкам играть в волка, сказав, что у них уже уши вянут. Разумеется, ни во что другое девочки играть не желали, и до самого четверга в доме стояла тишина.

Все утро волк умывался, старался как мог почистить да распушить шерстку. Он стал так хорош собой, что все лесные

обитатели, его знакомые, проходили мимо, не сразу узнавая его. На поляне две вороны, позевывавшие по своему обыкновению после завтрака на полуденном солнышке, спросили его, что это он нынче такой красивый.

— Я иду к своим подружкам, — гордо ответил волк. — Они ждут меня сегодня к себе в гости.

— Должно быть, они очень хорошенькие, раз ты так старался.

— Еще бы! Таких беляночек нигде больше не найдете.

Вороны снова разинули рты, теперь уже от восхищения, но старая болтунья-сорока только ухмылялась:

— Слушай, волк, я твоих подружек не знаю, но или я сильно ошибаюсь, или ты выбрал самых пухленьких и мягоньких...

— Замолчите вы, язык у вас без костей! — в гневе закричал волк. — Так вот всегда и бывает — послушают, что старая сорока наболтала, и прости-прощай доброе имя! Но совесть у меня, по счастью, совершенно чиста!

Когда волк подошел к дому, ему не пришлось стучать в окно: обе девочки уже ждали его у порога. Они долго целовались и обнимались, еще дольше, чем при прощании, потому что за неделю ожидания страшно соскучились.

— Ах, волк, — сказала та, что была посветлее, — в доме было так грустно всю неделю. Мы все время говорили о тебе.

— И знаешь, волк, ты был прав: родители не хотят верить, что ты можешь быть добрым.

— Это меня несколько не удивляет. Если бы вы знали, что мне сейчас одна старая сорока...

— Но мы все-таки тебя очень защищали, волк, а родители за это отправили нас спать без ужина.

— И в воскресенье запретили нам играть в волка.

Троим друзьям так много надо было сказать друг другу, что, и не думая пока об играх, они сели у огня. Волк не успевал отвечать на вопросы девочек. Они хотели знать, что он делал всю неделю, не мерз ли, зажила ли его больная лапа, виделся ли он с лисой, с бекасом и кабаном.

— Знаешь что, волк, — говорила Маринетта, — когда настанет весна, ты поведешь нас далеко-далеко, в дремучий лес, туда, где живут все звери, ладно? И нам с тобой не будет страшно.

— Весной, мои дорогие, вам в лесу бояться будет нечего. До весны я всех в лесу так перевоспитаю, что самые свирепые звери будут нежнее барышень. Вот послушайте, позавчера я встретил лисицу, которая только что передушила целый курятник. Я сказал ей, что так дальше продолжаться не может, что этот образ жизни ей пора менять. Ну уж я ее так отчитал! И она, обычно такая злющая, знаете, что мне сказала: «Ах, волк, я только и мечтаю последовать твоему примеру. Давай поговорим об этом чуть позже, я поразмышляю на досуге о твоих добрых советах и тут же исправлюсь». Вот как ответила, хоть она и лиса.

— Ты такой добрый, — прошептала Дельфина.

— Да, я и правда добрый, тут и спору нет, но родители-то все равно в это никогда не поверят. А мне так обидно!

Чтобы отвлечь волка от тягостных размышлений, навеявших на него такую тоску, Маринетта предложила сыграть в лошадки. Волк был еще азартнее, чем в прошлый четверг. Когда эта игра закончилась, Дельфина предложила:

— Волк, а что, если мы сыграем в волка?

Игра была для него в новинку, ему объяснили правила, и уж, естественно, волком должен был быть он. Он спрятался под стол, а девочки ходили мимо него взад и вперед и пели:

— «Прогуляемся вдоль леса, пока волка не видать. Волк, ты здесь? Ты меня слышишь? А что делаешь сейчас?»

Волк отвечал, держась за бока и умирая от смеха:

— Надеваю кальсоны.

Продолжая хохотать, он говорил, что надевает брюки, подтяжки, пристежной воротничок, жилет. Когда дело дошло до ботинок, он посерьезнел.

— Я пристегиваю портупею, — сказал волк и как-то странно хихикнул. Ему стало не по себе, тревога теснила грудь, и он принялся царапать когтями пол в кухне.

Перед его сверкающими глазами мелькали ноги девочек. По спине пробежал холодок, челюсти судорожно сжались.

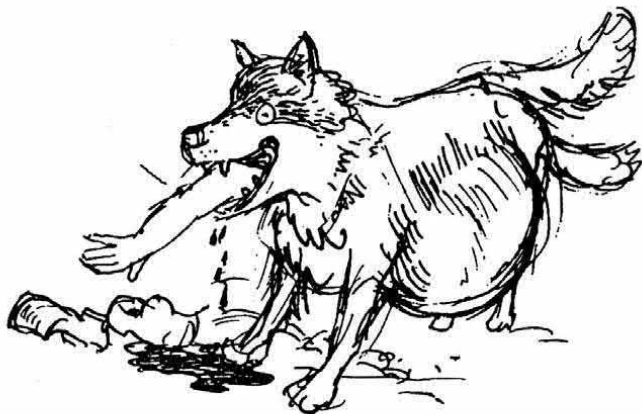
— Волк, ты здесь? Ты меня слышишь? Что ты делаешь сейчас?

— Беру свою большую саблю! — сказал он глухим голосом, и мысли у него в голове спутались окончательно. Он уже не видел ног девочек, только чуял их.

— ...Волк, ты здесь? Ты меня слышишь? Что ты делаешь сейчас?

— Сажусь на лошадь и выезжаю из леса!

И волк, страшно зарывчав, одним прыжком выскочил из-под стола, оскалив зубы и выставив когти. Девочки даже не успели испугаться, как были проглочены. По счастью, волк не умел открывать двери и поэтому оказался заточенным в кухне.

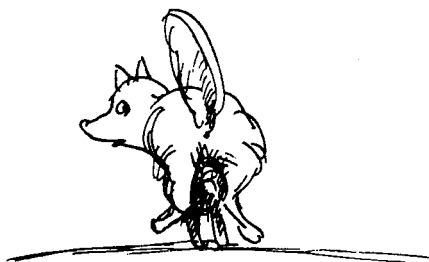
Когда родители вернулись, они просто-напросто вскрыли ему брюхо и освободили дочек. Но это, по правде говоря, в игру уже не входило.

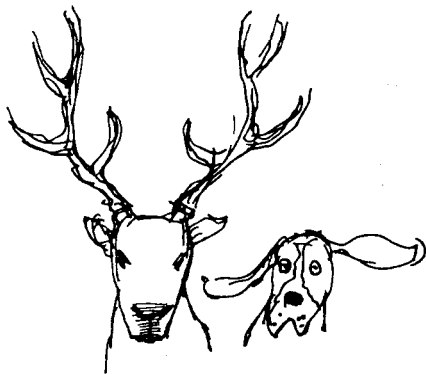
Дельфина и Маринетта немножко рассердились на волка за то, что он ни с того ни с сего взял да и съел их, но они так хорошо играли вместе, что упростили родителей отпустить его на волю. Навошив два метра крепкой веревки, родители основательно зашили волчье брюхо огромной иглой для стежки матрасов. Девоч-

ки плакали, потому что волку было больно, но он, сдерживая слезы, говорил:

— Ничего-ничего, девочки, так мне и надо, я не заслужил вашей жалости. Клянусь вам, никогда больше я соблазну не поддамся. И вообще теперь я, как только увижу детей, сразу буду убегать от греха подальше.

Похоже, волк свое слово сдержал. Во всяком случае, с тех пор, как приключилась эта история с Дельфиной и Маринеттой, никто больше не слышал, чтобы он съел какую-нибудь маленькую девочку.

олень и пес

Дельфина гладила кота, а Маринетта пела песенку желтому цыпленку, сидевшему у нее на коленях.

— Смотри-ка, — сказал цыпленок, поглядев на дорогу, — к нам бежит вол.

Подняв голову, Маринетта увидела оленя, мчавшегося через луг к ферме. Огромного, с роскошными рогами. Он перепрыгнул через ров, тянувшийся вдоль дороги, и, влетев во двор, остановился перед девочками. Он тяжело дышал, тонкие ноги его подрагивали, он совсем обессилел и сначала даже не мог говорить — только смотрел на Дельфину и Маринетту своими нежными и влажными глазами. Наконец он упал на колени и умоляюще попросил:

— Спрячьте меня. За мной гонятся собаки. Они хотят меня съесть. Защитите меня.

Девочки обняли его за шею, прижались к нему щеками, но кот охаживал их хвостом по ногам, ворчливо приговаривая:

— Самое время обниматься! То-то будет хорошо, когда собаки на него набросятся! Я уже слышу их лай на опушке, отведите-ка лучше его в дом и спрячьте в своей комнате.

Говоря это, он все охаживал девочек хвостом по ногам, пока они наконец не поняли, что только теряют время. Дельфина быстро открыла дверь, а Маринетта побежала, чтобы показать оленю дорогу в их комнату.

— Вот, — сказала она, — отдыхайте и ничего не бойтесь. Хотите, я постелю вам на полу?

— О, нет! — ответил олень. — Не стоит беспокоиться. Вы слишком добры.

— Вы, должно быть, очень хотите пить! Сейчас налью вам в мисочку воды, свежей, только что из колодца. Но меня зовет кот. Мне надо идти. До скорого!

— Спасибо, — сказал олень. — Я никогда не забуду вашей доброты.

Как только Маринетта оказалась во дворе, а дверь была накрепко закрыта, кот сказал девочкам:

— Главное — виду не подавать, что мы что-то знаем. Сидите так, как вы только что сидели, баюкайте цыпленка и гладьте меня.

Маринетта снова взяла цыпленка на колени, но он не желал сидеть на месте, прыгал и громко пищал:

— Это не вол, а олень.

— Олень! А, так, значит, это олень!.. Надо же, надо же, олень...

Маринетта спела ему колыбельную песенку «На Нантском мосту», покачала его, и он сразу же уснул у нее в передничке. Да и кот замурылкал, разнежившись в руках Дельфины, и выгнул спинку.

Вслед за оленем тем же путем прибежал вислоухий охотничий пес. Стрелой он перелетел через дорогу и только посреди двора остановился, обнюхивая землю. Потом он подошел к девочкам и резко спросил:

— Олень? — сказали девочки. — Какой олень?

Пес посмотрел на одну, потом на другую и, увидев, что они покраснели, снова стал принюхиваться. Почти не раздумывая, он подбежал прямо к двери. По пути пес чуть не сшиб с ног Маринетту и даже не заметил этого. Цыпленок, закачавшись в передничке у Маринетты, открыл один глаз, захлопал крылышками, но спросонок ничего не понял и тут же снова уснул, уткнувшись в свою пушистую грудку. А пес тем временем, принюхиваясь, водил носом по порогу.

— Я чую здесь оленя, — сказал он, обернувшись к девочкам.

Они сделали вид, что ничего не слышат. Тогда он громко закричал:

— Я говорю, что учуюл здесь оленя!

Тут кот, будто он только что проснулся, потянулся и, удивленно посмотрев на пса, сказал ему:

— Что это вы здесь делаете? Ну и манеры, заявляетесь в

чужой двор и еще что-то вынюхиваете! Сделайте-ка милость, уберите отсюда вон!

Девочки встали и, отводя глаза, подошли к псу. Маринетта взяла в руки цыпленка, и тут он окончательно проснулся. Стал крутить головкой туда-сюда, стараясь выглянуть из рук Маринетты, и никак не мог понять, где же он находится. Пес свирепо посмотрел на девочек и сказал им, показывая на кота:

— Вы слышали, каким тоном он со мной разговаривает? Я бы ему как следует бока намял, но ради вас этого делать не стану. А вы за это скажите мне всю правду. Ну-ка, сознайтесь. Только что к вам во двор прискакал олень. Вы сжалились над ним и впустили его в дом.

— Уверю вас, — не слишком уверенно сказала Маринетта. — Никакого оленя в доме нет.

Едва она выговорила это, как цыпленок, вытянувшись на лапках и свесившись с руки Маринетты, будто с балкона, надрывно запищал:

— Да нет же! Ну как же! Да нет! Она просто не помнит, а я вот очень хорошо помню! Она пустила оленя в дом, да, да, оленя! Огромного зверя с большими рогами. Как хорошо, что у меня такая прекрасная память!

И он гордо выпятил свою пушистую грудку. Кот с большой охотой слопа бы его.

— Я в этом и не сомневался, — сказал пес девочкам. — Меня мой нюх никогда не подводит. И когда я говорил, что олень прячется у вас в доме, мне это было так же ясно, как если бы я

его видел. Будьте же благоразумны и выведите его. Подумайте, ведь этот зверь вам не принадлежит. Если мой хозяин узнает о том, что произошло, он непременно придет к вашим родителям. Не упрямяться!

Девочки не двинулись с места. Они зашмыгали носом, потом глаза их наполнились слезами, и они заревели. И тут пес совсем

расстроился. При виде их слез он опустил голову, словно разглядывая свои лапы. Наконец он ткнулся носом в лодыжку Дельфины и, вздохнув, сказал:

— Странное дело, не могу, когда плачут дети. Послушайте, я не злодей. И олень этот меня не обижал. С другой стороны, охота есть охота, и я должен был делать свое дело. Но один-то раз... Знаете, пожалуй, я сделаю вид, что ничего не заметил.

Дельфина и Маринетта просияли и уже бросились было его благодарить, но он отскочил и, наострив уши, прислушался к лаю, доносившемуся, похоже, уже с лужайки перед лесом, а потом сказал, покачав головой:

— Погодите радоваться. Я очень боюсь, что ваши слезы рано высохли; как бы вам не пришлось снова расплакаться. Я слышу лай своры. Псы, конечно же, взяли след и с минуты на

минуту будут здесь. Ну, и что вы им скажете? Разжалобить их вы и не надейтесь. Предупреждаю вас, они знают только службу. Пока вы не выпустите оленя, они отсюда не уйдут.

— Надо, разумеется, выпустить оленя! — закричал цыпленок, выглядывая со своего балкона.

— Заткнись, — сказала ему Маринетта, у которой снова потекли слезы.

Пока девочки плакали, кот шевелил хвостом, чтобы лучше думалось. Все с нетерпением и огромным любопытством смотрели на него.

— Ну-ка, не реветь, — скомандовал он, — сейчас примчится свора, надо подготовиться. Ты, Дельфина, достань из колодца ведро воды и поставь у входа во двор. А ты, Маринетта, иди вместе с псом в сад. Я иду с вами. Но сначала надо куда-то деть цыпленка. Давай положим его вот под эту корзину...

Маринетта опустила цыпленка на землю и накрыла его корзиной; он и пикнуть не успел, как оказался пленником. Дельфина достала воду и поставила ее во дворе. Все, кроме Дельфины, ушли в сад, и тут с громким лаем показалась свора. Теперь уже можно было пересчитать собак. Их было восемь — все одной масти, одного роста, и все, как одна — вислоухие. Дельфина испугалась, что ей придется встречать их одной. Но тут из сада вышел кот, а за ним и Маринетта с огромным букетом роз, жасмина, лилий и гвоздик. И вовремя. Собаки уже перешли дорогу. Кот вышел им навстречу и очень любезно сказал:

— Вы гонитесь за оленем? Он пробежал здесь четверть часа тому назад.

— Ты хочешь сказать, что он ушел? — недоверчиво спросил один из псов.

— Да, он забежал во двор и тут же ускакал. По его следу уже побежал один пес, похожий на вас, его зовут Пато.

— А! Ну да... да, действительно, это Пато.

— Я вам точно скажу, куда побежал олень.

— Незачем, — проворчал пес, — мы сами возьмем след. Маринетта шагнула вперед и спросила:

— Кого из вас зовут Раззором? У меня к нему поручение от Пато. Он сказал: «Вы его легко узнаете. Это самый красивый пес в своре».

Раззор подпрыгнул на месте и завилял хвостом.

— Ах, это вы, — продолжала Маринетта, — а я, честно говоря, даже растерялась. Вы все тут красавцы как на подбор! Нет, правда, я никогда не видела таких красивых собак...

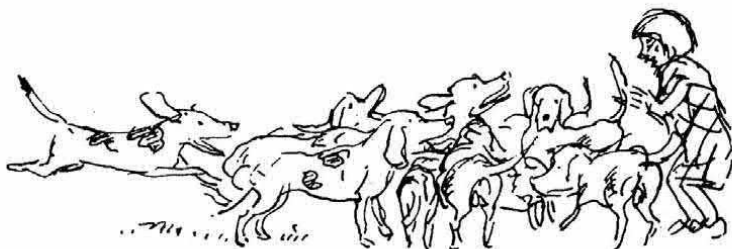
— Чудо как хороши, — подтвердила Дельфина. — Просто глаз не отведешь.

Псы довольно зашептались и дружно завиляли хвостами.

— Так вот, Пато поручил мне напоить вас. Вас, кажется, с утра лихорадило, и он подумал, что вам не помешает освежиться после такой погони... Вот вода, только что из колодца... Если ваши спутники тоже захотят...

— Не откажемся! — заявили собаки.

Они окружили ведро, устроив небольшую свалку. А девочки знай расхваливали их за статность и изящество.

— Вы так красивы, — сказала Маринетта, — что я хочу подарить вам цветы. Ни одна свора не достойна их так, как вы.

Собаки пили, а девочки разделили букет и, не теряя времени даром, стали украшать цветами собачьи ошейники. В мгновение псы оказались в красивых ожерельях: розы соседствовали с гвоздиками, лилии — с жасмином. Псы в восхищении разглядывали друг друга.

— Раззор, еще один цветок жасмина... Вам так к лицу жасмин! Но, может быть, вы еще попьете?

— Нет, спасибо, вы очень любезны. Нам надо догонять оленя.

Однако псы почему-то медлили с погоней. Они беспокойно вертелись на месте, не понимая, куда бежать. Раззор водил мордой по земле, но следа оленя не находил. Запах гвоздик, жасмина, роз и лилий лез ему в нос, мешая учуять след. И спутники его, так же, как и он, разубранные в цветочные ошейники, понапрасну тянули носом воздух. В конце концов Раззору пришлось обратиться к коту:

— Не скажешь ли, куда поскакал олень?

— Охотно, — ответил кот. — Он побежал в ту сторону, мимо деревни и снова скрылся в лесу, вон там, где он ближе всего подступает к дороге.

Раззор попрощался с девочками, и расцвеченная яркими цветами стая унеслась. Когда она исчезла в лесу, пес Пато вышел из сада, где он прятался, и попросил девочек привести оленя.

— Раз уж я с вами заодно, — заявил он, — хочу кой о чем предупредить его.

Маринетта выпустила оленя из дома. С дрожью выслушал он рассказ об опасностях, которых ему удалось избежать, и поблагодарил всех.

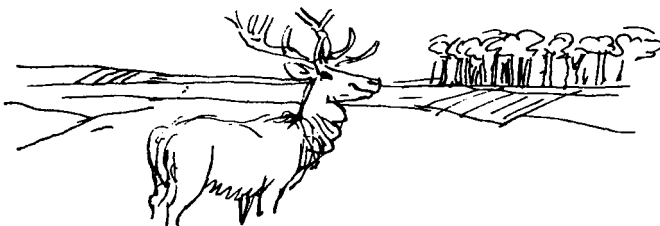
— Да, на сегодня вы спасены, — сказал ему пес, — но что будет завтра? Не хочу вас запугивать, но вы не должны забывать о собаках, об охотниках, о ружьях. Вы что думаете, мой хозяин простит вам, что вы ускользнули от него? Рано или поздно он снова натравит на вас свору. Мне самому придется гнаться за вами, и мне это крайне неприятно. Благоразумнее всего было бы отказаться от леса.

— Покинуть лес? — вскричал олень. — Да я умру с тоски. А потом, куда я пойду? Не могу же я бродить по лугам у всех на виду.

— А почему бы и нет? Но вы сами должны решать. Во всяком случае, луг для вас сейчас куда менее опасен, чем лес. Вот вам мой совет: оставайтесь здесь до наступления ночи. Я вижу вон там, у реки, кусты, они надежно укроют вас. А теперь прощайте, и хорошо бы мне никогда больше не встретить вас в

наших лесах. Прощайте, девочки, прощай, кот, и следите хорошенько за нашим другом.

Вскоре после ухода пса распрощался и олень, отправившись к реке. Уходя, он то и дело оглядывался назад и кивал девочкам, а они махали ему платочками. Когда он добрался до своего

укрытия, Маринетта наконец вспомнила о забытом под корзиной цыпленке. К счастью, он крепко спал, решив, что уже настала ночь.

С ярмарки, куда родители отправились еще утром в надежде купить вола, они вернулись в очень плохом настроении. Все волы оказались им не по карману.

— Вот досада, — негодовали они, — целый день потеряли. И как теперь работать в поле?

— Но ведь один-то вол есть в конюшне! — заметили девочки.

— Отличная упряжка! Одного вола разве хватит?! Уж лучше бы помолчали. И вообще, похоже, странные дела здесь без нас творились. С чего это ведро стоит посреди двора?

— Я только что давала пить теленку, — сказала Дельфина, — и забыла поставить ведро на место.

— Хм! А почему это на земле валяются ветка жасмина и гвоздика?

— Гвоздика? — удивились девочки. — Смотри-ка, и правда...

Под пристальным взглядом родителей сестренки покраснели. Тогда, заподозрив неладное, родители бросились в сад.

— Все цветы срезаны! Сад разорен! Розы! Жасмин, гвоздики, лилии! Зачем вы, негодницы, все цветы оборвали?

— Я ничего не знаю, — прошептала Дельфина, — мы ничего не видели.

— Ах, вот так! Значит, вы ничего не видели?

Поняв, что родители вот-вот надерут уши дочкам, кот вспрыгнул на нижнюю ветку яблони и, очутившись прямо перед их носом, сказал:

— Погодите горячиться! Ничего удивительного, что девочки ничего не видели. В полдень, когда они обедали, а я сидел на подоконнике и грелся на солнышке, я заметил какого-то бродягу; он остановился на дороге и разглядывал сад. Я как-то не придавал этому значения и уснул. А чуть позже, когда проснулся, увидел, что этот тип удаляется по дороге с целой охапкой — я не разглядел чего — в руках.

— Ах ты, лентяй, что же ты не побежал за ним?

— А что я мог поделать, я — всего лишь кот! Бродяги — не по моей части. Я слишком маленький. Вот пес — это другое дело. О! Если бы у нас был пес!

— Еще чего, — заворчали родители. — Кормить еще одного бездельника? Хватит с нас и тебя.

— Как вам угодно, — сказал кот. — Сегодня украли цветы из сада. Завтра цыплят унесут, а там, глядишь, и до телят доберутся.

Родители промолчали, но слова кота заставили их призадуматься. Мысль завести собаку показалась им вполне здоровой, и весь вечер они то и дело возвращались к ней.

Девочки и родители, всё еще сетовавшие на то, что им не удалось купить вола по сходной цене, сели ужинать, а кот тем временем побежал через луг к реке. День клонился к закату, и кузнечики уже завели свою песню. Кот нашел оленя в кустах, он лежал там, пощипывая травку и листочки. Разговаривали они долго, и олень, не соглашавшийся вначале с доводами кота, в конце концов поддался на его уговоры.

Наутро спозаранку олень появился во дворе фермы и сказал родителям:

— Здравствуйте, я — олень. Ищу работу. У вас для меня никакой не найдется?

— Сначала надобно узнать, что ты умеешь делать, — ответили ему родители.

— Я умею скакать галопом и рысью, могу идти шагом. Хотя ноги у меня тонкие, я очень сильный. Могу нести тяжелую поклажу. Могу тянуть повозку, один или в упряжке. Если вы куда-нибудь очень торопитесь, прыгайте ко мне на спину, и я домчу вас быстрее любого коня.

— Все это совсем недурно, — согласились родители, — но каковы твои условия?

— Кров, еда и, разумеется, воскресный отдых.

Родители воздели руки к небу. Они и слышать не желали об этом выходном дне.

— Одно из двух, хотите — берите, хотите — нет, — сказал олень. — Но заметьте, я весьма умерен в еде, и пропитание мое вам обойдется недорого.

Это решило дело, и родители уговорились с оленем, что берут его с испытательным сроком в один месяц. Тем временем из дома вышли Дельфина и Маринетта; увидев своего друга, они притворились, что страшно изумлены.

— Мы нашли напарника для вола, — сказали родители. — Постарайтесь быть с ним любезными.

— У вас такие славные дочки, — сказал олень. — Я уверен, что полажу с ними.

Не теряя времени, родители, собравшиеся пахать, вывели из конюшни вола. Увидев диковинные рога оленя, вол начал смеяться, сначала довольно сдержанно, а потом расхохотался

вовсю, так что ему даже пришлось усесться на землю. Вол этот, надо сказать, был большой весельчак.

— Ой, какой забавный — надо же, дерево на голове! Ой, ну и смех! А ножки-то, а хвост, смотреть не на что! Вот умора!

— Ладно, будет тебе, — сказали родители. — Поднимайся. Пора и о работе подумать.

Вол встал, но, когда он узнал, что его запрягут в одну упряжку с оленем, расхохотался еще пуще. Однако тут же извинился перед своим новым напарником.

— Я вам, наверное, кажусь очень глупым, но ваши рога так забавны, что мне придется долго привыкать к ним. Но ничего, вы все равно очень милы.

— Да смейтесь на здоровье, я несколько не сержусь... и представьте себе, ваши рога меня тоже забавляют! Но я полагаю, что быстро к ним привыкну.

И действительно, проработав вместе полдня, они и думать забыли, какие у кого рога. Первые несколько часов оленю было довольно тяжело, хотя вол, как мог, берег его силы и старался взять тяжесть плуга на себя. Труднее всего им оказалось идти в ногу. Олень слишком торопился, двигался рывками, выбивался из сил, то и дело спотыкался о комья земли, замедляя ход плуга. Упряжку из-за этого часто заносило вбок. Первая борозда получилась такой кривой, что родители чуть было и вовсе не отказались от своей затеи. Но потом благодаря толковым советам и терпеливости вола все наладилось; олень вскоре стал отличным пахарем.

И все же работа никогда настолько не увлекала его, чтобы быть ему в радость. Если бы не общество вола, с которым олень крепко подружился, он, наверное, так и не свыкся бы с ней. Он ждал — не мог дожидаться, когда же наступит вечер, а с ним и конец его каждодневной каторги. Закончив работу и вернувшись на ферму, он галопом скакал по двору и на лугу. Охотно играл с девочками, а когда они бросались за ним вдогонку, легко позволял себя поймать. Родители не слишком одобрительно глядели на их забавы.

— Ну, на что это только похоже! — говорили они. — После целого дня работы скакать до изнеможения вместо того, чтобы как следует отдохнуть и наутро быть свежим и бодрым. Да и девочкам тоже это ни к чему. Они и так набесятся за день, а тут еще за тобой носятся как угорелые.

— И на что вы только жалуетесь? — отвечал им олень. — Разве мало вам того, что я неплохо работаю? Девочек я учу бегать и прыгать. С тех пор как я здесь, они стали бегать гораздо быстрее. Это что, не в счет? Что может быть в жизни важнее, чем уметь быстро бегать?

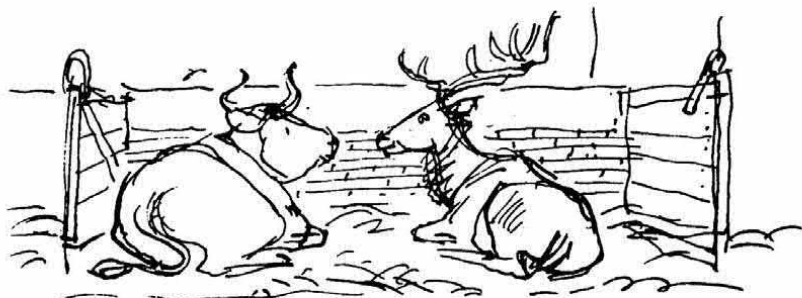
Родителей эти доводы не убеждали, и они, пожимая плечами, продолжали ворчать. Олень их совсем не любил и, если бы не боялся обидеть девочек, уже не раз сказал бы родителям, что он о них думает. Друзья, которых он завел на ферме среди животных, тоже помогали ему сносить все невзгоды. Олень очень подружился с сине-зеленым селезнем и иногда сажал его к себе на голову между рогами, чтобы тот мог посмотреть на мир с высоты. Нравилась ему и свинья, она была похожа на его приятеля кабана.

Вечерами в конюшне олень и вол подолгу разговаривали. Рассказывали друг другу о своей жизни. У вола она была довольно однообразной, и появление на ферме оленя стало для него событием. А потому он предпочитал слушать друга, сам же большей частью помалкивал. Олень рассказывал о лесах, полянах, прудах, о ночных скачках за луной, о купаньях в росе и о лесных обитателях.

— Ни тебе хозяина, ни обязанностей, только бегаешь, где

хочешь, играешь с зайчиками, разговариваешь с кукушкой или пробегающим мимо кабаном...

— Оно конечно, но, по-моему, стойло тоже не стоит презирать. В лесу хорошо побывать летом, когда тепло. Можешь говорить что угодно, но зимой или в дождь там совсем неприятно, а здесь я в укрытии, и копыта всегда сухие, и охапка свежей соломы подстелена, и сено в кормушке есть. Это ведь не пустяки.

Но, говоря все это, вол не без зависти думал о вольной жизни в лесных чащах, которой он никогда не узнает. И днем, работая в поле, он порой поглядывал в лес и так же, как олень, грустно вздыхал. А ночью ему иногда снилось, что он играет с зайчиками посреди поляны или взбирается за белочкой на дерево.

По воскресеньям олень с утра покидал конюшню и целый день проводил в лесу. Вечером он возвращался с сияющими глазами и долго рассказывал о том, кого встретил, каких друзей снова повидал, как бегал и играл, а наутро был печален и молчалив и все жаловался на свою скучную жизнь на ферме. Много раз он заговаривал с родителями о том, чтобы взять с собой в лес вола, но их это только злило.

— Тащить за собой вола! Чтобы он шлялся по лесу! Нет уж, оставь его в покое.

Несчастный вол с завистью смотрел, как уходит его товарищ, и все воскресенье тосковал, мечтая о лесах и прудах. Он сердился на родителей, которые держали его взаперти, как молодого

бычка, а ведь ему уже было пять лет! Дельфине и Маринетте тоже никогда не разрешалось уходить с оленем, но по воскресеньям, после обеда, девочки говорили родителям, что идут за ландышами, а сами встречались с ним в условленном месте. Олень сажал их к себе на спину и катал по лесу. Дельфина крепко держалась за его рога, а Маринетта — за талию сестрички. Он говорил им, как называются деревья, показывал разные гнезда, маленькие норки зайчиков и лисьи норы. Иногда к нему на рога садились сорока или кукушка и рассказывали новости за неделю.

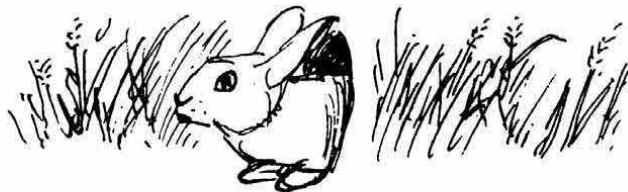

Как-то раз он на минутку остановился у пруда поболтать с высунувшимся из воды старым карпом, которому уже перевалило за пятьдесят. Когда олень стал представлять ему девочек, тот очень дружелюбно сказал:

— О! Можешь не рассказывать мне, кто они такие. Я знал их мать, когда она была совсем маленькой; с тех пор прошло уж лет двадцать пять или тридцать, но, глядя на них, мне кажется, что я снова вижу ее такой, какой она была тогда. Впрочем, я рад узнать, что их зовут Дельфиной и Маринеттой. Они, похоже, весьма вежливы и прилично воспитаны. Вы должны навещать меня, малышки.

— О, да, конечно, — пообещали сестрички.

Потом олень привез их на полянку и попросил слезть вниз. Разглядев норку, в которую рука еле пролезала, на пологом, поросшем мхом скате, он близко к ней наклонился и трижды

негромко позвал кого-то. Когда он отошел на несколько шагов, девочки увидели, что из норки выглядывает зайчик.

— Не бойся, — сказал ему олень. — Эти девочки — мои подружки.

Убедившись, что опасности нет, зайчик вышел из норки, а за ним и еще два зайчишки. Сначала они немного стеснялись девочек, а потом дали себя погладить. В конце концов зайчата вовсю разыгрались с девочками и принялись их обо всем расспрашивать. Им было интересно, где у девочек норки, какую травку они любят есть, родились ли они в своих одежках, или они у них потом выросли. Девочки порой не знали, что и отвечать. Дельфина сняла свой передничек, чтобы показать, что он не прирос к телу, а Маринетта разулась. Зайчикам казалось, что это должно быть очень больно, и они закрывали глаза, чтобы ничего не видеть. Когда же они наконец поняли, что такое одежда, один из них сказал:

— Это, конечно, забавно, но я тут не вижу никакого удобства. Вы, должно быть, без конца теряете свои одежки или забываете их надевать. И почему бы вам не завести шерстку, как у всех? Это настолько удобнее!

Вдруг, только девочки принялись объяснять зайцам правила одной веселой игры, все бросились в норки с криком:

— Собака! Спасайтесь! Там — собака!

И правда, на опушке показался пес.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я — Пато. Я был тут неподалеку, услышал смех, узнал голоса девочек и пришел с вами поздороваться.

Олень, Дельфина и Маринетта бросились к нему, но убедить

зайцев выйти из норки было невозможно. Пес спросил оленя, чем он занимался все время с того дня, когда они расстались, и очень обрадовался, услышав, что олень работает на ферме.

— Мудрее поступить ты и не мог, только мне бы хотелось быть уверенным, что у тебя достанет благоразумия там и остаться навсегда.

— Навсегда? — возмутился олень. — Нет, это невозможно. Знал бы ты, как скучна работа и как тошно бывает в поле, когда безжалостно шпарит солнце, а ты знаешь, что в лесу в это время свежо и хорошо.

— Но в лесу сейчас очень опасно, — продолжал убеждать оленя пес, — как никогда опасно. Что ни день — охота!

— Ты хочешь меня запугать, но я прекрасно знаю, что бояться мне почти нечего.

— Да, я хочу напугать тебя, бедный мой олень. Только вчера мы убили кабана. Да ты, быть может, знал его. Старого кабана со сломанным клыком.

— Это был мой лучший друг! — застонал олень, и у него полились слезы.

Девочки с упреком смотрели на пса, и Маринетта спросила его:

— Но ведь это не вы его убили, скажите?

— Нет, но я был среди гончих псов, которые его травили. Так уж вышло. О! Что за профессия! Вы и представить себе не можете, насколько мне теперь, когда я с вами познакомился, тяжело... Если б я только мог оставить лес и работать на ферме...

— А что, родителям как раз нужна собака, — сказала Дельфина. — Приходите к нам.

— Не могу, — вздохнул Пато. — Раз уж ты обучен какому-то ремеслу, его нельзя оставлять. Это — основа основ. Да и товарищей по стае я не хотел бы покидать, я ведь всю жизнь с ними прожил. Ну, да ничего не поделаешь. Но мне было бы не так больно расставаться с вами, если бы наш друг олень пообещал, что останется на ферме.

И пес вместе с девочками стал настойчиво убеждать оленя отказаться от жизни в лесу. Олень колебался и все поглядывал

на трех зайчишек, кувыркавшихся возле своей норки. Один из них остановился и позвал оленя играть вместе с ними. Тогда олень тряхнул головой и сказал девочкам, что не может им ничего обещать.

Наутро он стоял в упряжке вместе с волом во дворе фермы и все еще думал о лесе и его обитателях. Замечтавшись, он не услышал приказа трогаться и не двинулся с места. Вол пошел было вперед, но, почувствовав сопротивление товарища, тоже остановился.

— Н-но, н-но! — кричали родители. — Опять эта дрянная скотина фокусничает!

И так как олень, по-прежнему в задумчивости, не двигался с места, они стукнули его палкой. Он в бешенстве встрепенулся и закричал:

— Сию же минуту распрягите меня! Я больше у вас не служу.

— Иди! Болтать будешь в другой раз.

Но олень наотрез отказывался тянуть телегу, и его стукнули еще два раза, он воспротивился вновь и получил еще три удара. Тогда он наконец пошел вперед, и родители восторжествовали. Добравшись до поля, где они собирались сажать картошку, они выгрузили мешки, распрягли животных и отправили их пастись у края дороги. Палочные уроки, казалось им, пошли оленю на пользу, так как теперь он вел себя смиренно. Но едва родители принялись сажать картошку, олень сказал волу:

— На этот раз я ухожу, и ухожу навсегда. Не пытайся удерживать меня, только время потеряешь.

— Ладно, — сказал вол. — Тогда ухожу и я. Ты столько рассказывал мне о жизни в лесу, что мне не терпится самому попасть туда. Бежим вместе!

И пока родители сажали картошку, повернувшись к ним спиной, они добрались до яблоневого сада, а через него и к дороге в овраге, которая привела их прямо в лес. Совершенно счастливый, вол, пританцовывая, напевал песенку, которой его научили Дельфина и Маринетта. Его новая жизнь, — а он, запертый в конюшне, столько мечтал о ней, — виделась ему прекрасной. Но, оказавшись в лесу, он тут же начал разочаровываться.

Ему было страшно трудно пробираться вслед за оленем сквозь чащобу. Он был очень неповоротлив, а из-за длинных, торчащих в разные стороны рогов застревал буквально на каждом шагу. И с беспокойством думал, что в случае опасности даже бежать не сможет. Олень тем временем добрался до болота и преспокойно побежал по нему, почти не проваливаясь. Вол же и трех шагов не сделал, как увяз по колено. Когда после невероятных усилий он наконец выбрался из болота, то сказал своему спутнику:

— Нет, решительно, лес мне не подходит. Лучше уж мне не упрячиться, да и тебе без меня легче будет. Я возвращаюсь.

Олень не стал удерживать вола и проводил его до опушки. Совсем вдалеке он увидел девочек, два светлых пятнышка во дворе фермы, и сказал волу:

— Я бы, наверное, никогда не решился от них уйти, если бы родители не избili меня. Мне будет не хватать вас, да и всех животных с фермы...

После долгого прощания они расстались, и вол вернулся на картофельное поле.

Узнав о побеге оленя, родители пожалели, что так грубо обошлись с ним. Теперь придется покупать другого вола, он будет стоить им бешеных денег, но сделанного не вернешь.

Девочки никак не могли поверить, что их друг олень ушел навсегда.

— Он вернется, — говорили они, — он не сможет жить без нас.

Но минули недели, а олень все не возвращался. Дельфина и Маринетта тяжело вздыхали, глядя в лес:

— Он нас забыл. Играет себе с зайчиками и белками, а о нас забыл.

Однажды утром, когда они, сидя на крыльце, лушили горох, во дворе появился Пато. Он шел, низко опустив голову, и, подойдя к ним, сказал:

— Олены! — закричали девочки.

— Да, олень. Мой хозяин убил его вчера днем. Я сделал все, что мог, чтобы сбить свору со следа. Но Раззор не поверил мне. Когда я подбежал к оленю, он еще дышал и узнал меня. Зубами он сорвал ромашку и передал мне ее для вас. Так и сказал: «Это для девочек». Вот она, продета в мой ошейник. Возьмите ее.

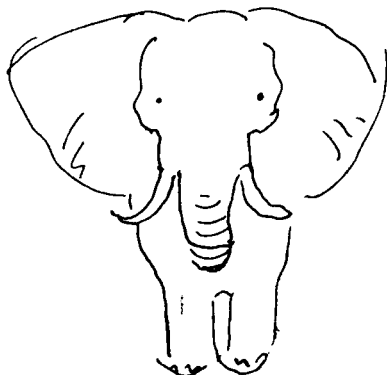
Девочки плакали, утираясь передничками; горько плакал и сине-зеленый селезень. Помолчав, пес решительно сказал:

— А теперь я и слышать больше не желаю об охоте. С этим покончено. Я хотел узнать у вас, не нужен ли еще вашим родителям пес.

— Да, конечно, — ответила Маринетта, — нужен. Они только что говорили об этом. Ой, как я рада! Ты остаешься с нами!

Девочки и селезень улыбнулись псу, а он дружелюбно завилял хвостом.

СЛОН

Родители собрались в гости, нарядились по-воскресному, а перед уходом сказали дочкам:

— Мы не берем вас к дяде Альфреду, потому что на дворе ливень. Оставайтесь и выучите как следует уроки.

— Я еще вчера вечером все выучила, — сказала Маринетта.

— Я тоже, — сказала Дельфина.

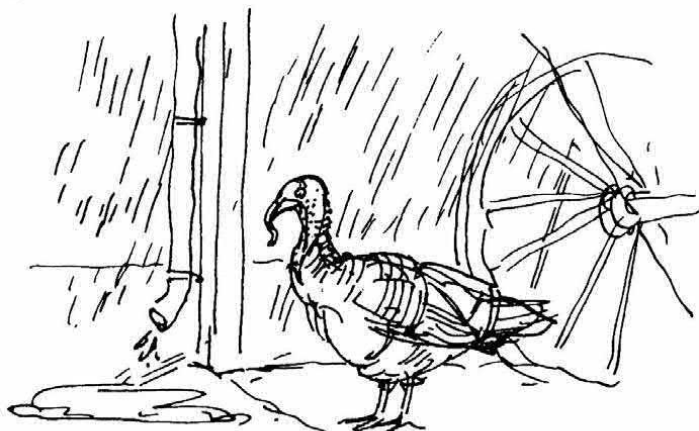
— Ну тогда поиграйте тихонько, но смотрите, никого не выпускайте в дом, — сказали родители и ушли, а девочки, приплюснув носы к оконному стеклу, смотрели им вслед, пока они не скрылись. Дождь лил как из ведра, так что сестры не очень жалели, что не пошли к дяде Альфреду. Они уже хотели сесть играть в лото, но тут увидели, что через двор бежит индюк. Он спрятался под навесом сарая, отряхнулся, распушил грудь и глубоко втянул озябшую длинную шею.

— Скверная погода для индюков, — проговорила Дельфина, — и вообще для всех животных. А что, если дождь будет лить сорок дней и сорок ночей?

— С чего бы это? — удивилась Маринетта. — Так не бывает, чтобы сорок дней и сорок ночей подряд!

— Конечно, не бывает. Просто я подумала, не поиграть ли нам вместо лото в Ноев ковчег?

Маринетте затея понравилась, и она тут же сообразила, что из кухни выйдет отличный ковчег. А уж в тварях недостатка не

будет. Сестры сбегали в конюшню, в хлев, на птичий двор и позвали на кухню вола, корову, лошадь, барана, петуха и курицу. Почти все животные охотно приняли предложение. Правда, некоторые, например, свинья и индюк, заартачились: дескать, им неохота играть ни в какой ковчег. Но Маринетта очень серьезно заявила им:

— Начался потоп. Дождь будет лить сорок дней и сорок ночей. Не хотите в ковчег — тем хуже для вас. Воды затопят твердь, и вы утонете.

Услышав это, упрямы сразу образумились и наперегонки ринулись на кухню. В птичнике же и вовсе никого не пришлось упрашивать. Все куры до единой желали играть, но Дельфина выбрала одну, а остальным объяснила:

— Понимаете, больше одной взять не могу. Такая уж игра.

Не прошло и получаса, как в кухне собрались животные всех пород, какие только были на ферме. Думали, что вол не пролезет в дверь из-за рогов, но он повернул голову боком и преспокойно вошел, а за ним точно так же — корова. Ковчег так набился, что курицу, кота и индюка с индюшкой пришлось поместить на стол. Но никто не толкался, все животные вели себя достойно. К тому же они немножко оробели, ведь кроме кота да еще, может, курицы никто из них не бывал на кухне.

Лошадь очутилась у самых стенных часов и переводила взгляд с циферблата на маятник, нервно подергивая ушами. Корова с неменьшим любопытством разглядывала через стеклянные дверцы содержимое буфета. А в кусок сыра и кувшин с молоком так и впилась глазами, тихо приговаривая: «Вот оно что, теперь-то я понимаю...»

Но очень скоро животным стало страшновато. Даже те, кто знал, что все это понарошку, встревожились и засомневались: уж очень не похоже было на игру. Дельфина, сидя на капитанском месте, то есть на подоконнике, и глядя на улицу, озабоченно говорила:

— Льет всюсю... вода прибывает... сада совсем не видно... И ветер не утихает. Право руля!

Маринетта, рулевой, поворачивала штурвал, то есть печную заслонку, чуть вправо, так что в комнату попадал дым.

— Льет и льет... Вода дошла до нижних веток яблони... Впереди скалы! Лево руля!

Маринетта повернула заслонку влево, и дыма стало меньше.

— Все хлещет... торчат только верхушки самых больших деревьев, а вода прибывает и прибывает... Скрылись и верхушки, кругом одна вода.

Тут послышался громкий всхлип. Это разрыдалась свинья, не в силах вынести разлуку с родным двором.

— Спокойствие на борту! — прикрикнула Дельфина. — Отставить панику. Берите пример с кота. Посмотрите, как он мурлычет.

В самом деле, кот, отлично понимавший, что потоп ненастоящий, мурлыкал себе как ни в чем не бывало.

— Хоть бы все это поскорее кончилось, — простонала свинья.

— Год с лишним, на меньшее не рассчитывай, — отрезала Маринетта, — но запасов у нас хватит, не бойтесь, голодать не придется.

Бедняга-свинья умолкла, но тихо обливалась слезами. Вдруг плаванье продлится дольше, чем говорят девочки, и припасы иссякнут. Тогда наверняка съедят ее как самую жирную. Вот какие мрачные мысли ее одолевали. Вдруг с наружной стороны на окошко вскочила белая курочка, вся мокрая и взъерошенная. Она постучала клювом в стекло и сказала Дельфине:

— Я тоже хочу играть.

— Никак не получится, — ответила Дельфина. — Ты же видишь, у нас уже есть курица.

— И вообще ковчег переполнен, — добавила, подходя к окну, Маринетта.

Белая курочка так расстроилась, что сестрам стало ее жалко, и Маринетта сказала Дельфине:

— Вообще-то у нас в ковчеге не хватает слона. Может, белая курочка будет слонем?

— И вправду, слон — это было бы неплохо...

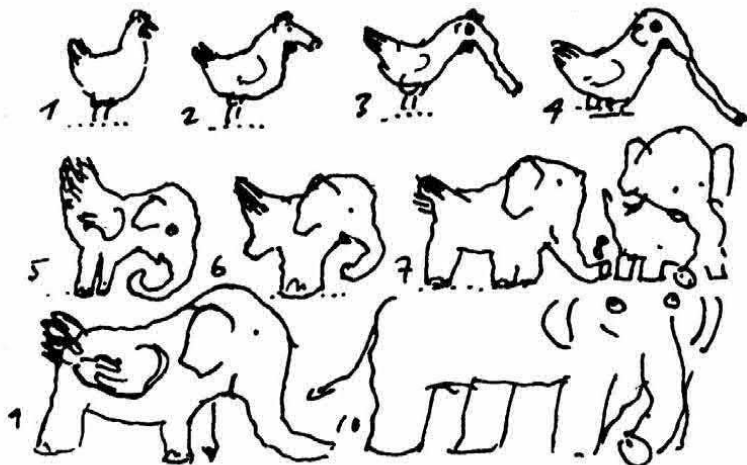
Дельфина открыла окно, взяла на руки белую курочку и сказала ей, что она будет слонем.

— С удовольствием! — воскликнула белая курочка. — Только я не знаю, как он выглядит. Я никогда не видела слонов.

Сестренки стали объяснять ей, какие бывают слоны, но безуспешно. Тогда Дельфина вспомнила, что у нее есть книжка с картинками, которую когда-то ей подарил дядя Альфред. Она лежала в соседней, родительской, комнате. На время передав командование ковчегом Маринетте, она отнесла туда курочку, открыла перед ней картинку со слонем и рассказала, что знала сама. Белая курочка добросовестно изучала картинку — ей очень хотелось сыграть слона как можно лучше.

— Я тебя пока оставлю, — сказала Дельфина. — Посмотрю, как там в ковчеге. Вот тебе образец, а я скоро приду.

Белая курочка очень старалась войти в роль, и результат превзошел все ее ожидания: она превратилась в слона. Причем

сначала даже не поняла, что произошло. Она подумала, что она все та же белая курочка, но только почему-то очутилась под самым потолком. Однако скоро увидела, что у нее теперь есть хобот, длинные бивни, четыре гигантские ноги и толстая, шершавая, вся в складках кожа, на которой осталось несколько белых перышек. Курочка немножко удивилась, но обрадовалась. Больше всего ей понравились огромные уши — раньше-то у нее, считай, никаких не было. «Ну, теперь свинья не очень расхвастается своими», — подумала курочка.

Тем временем сестры на кухне совсем забыли про белую курочку, которая так старательно готовилась за дверью сыграть свою роль. Они объявили животным, что ветер стих, ковчег плывет по глади волн, и решили устроить переключку пассажиров. Маринетта взяла блокнот, чтобы записывать возможные пожелания пассажиров, и Дельфина начала:

— Дорогие друзья, прошло сорок пять дней нашего путешествия...

— Вот здорово, — облегченно вздохнула свинья, — время идет гораздо быстрее, чем я думала!

— Тихо, свинья! Видите, друзья, как хорошо, что вы укрылись в ковчеге. Самое страшное миновало, и, можете быть уверены, не пройдет и года, как мы доберемся до суши. Не хотела говорить вам раньше, но теперь уже можно: в эти дни нам не раз грозила смертельная опасность, и спасением мы обязаны нашему отважному рулевому.

Животные стали наперебой благодарить рулевого. Маринетта покраснела от удовольствия и сказала, показывая на сестру:

— И капитану тоже... не забудьте про капитана...

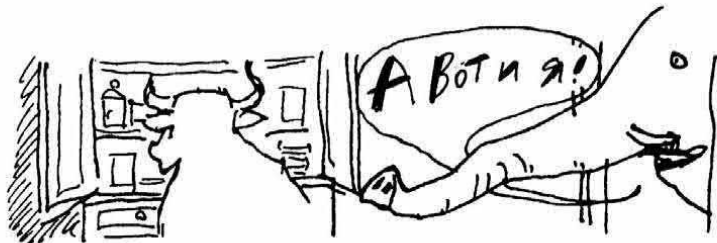
— Конечно, — закивали животные. — Конечно! Если бы не капитан...

— Большое спасибо, — сказала им Дельфина. — Вы не можете себе представить, как нам дорого ваше доверие... Мы очень нуждаемся в нем и будем нуждаться впредь. Конец плаванья еще не близок, хотя главные трудности позади... Но сейчас я хотела бы знать, нет ли у вас каких-нибудь просьб или жалоб. Начнем с кота. У тебя есть пожелания, кот?

— Разумеется, — ответил кот. — Я бы не отказался от миски молока.

— Запишите: коту — миску молока.

Пока Маринетта записывала в блокнот пожелания кота, слон тихонько приоткрыл хоботом дверь и заглянул в ковчег. Там было очень уютно, и слону захотелось, чтобы его поскорее приняли в игру. Дельфина и Маринетта стояли к нему спиной, остальные тоже смотрели в другую сторону. То-то удивятся девочки, весело подумал слон, когда его увидят. Опрос пассажиров подходил к концу, и, когда очередь дошла до коровы, опять уставившейся на сыр и молоко в буфете, слон распахнул дверь и совсем новым для себя, громовым голосом сказал:

Сестры не поверили своим глазам. Дельфина от изумления потеряла дар речи, а Маринетта выронила из рук блокнот. Теперь уж им самим показалось, что ковчег — не игра, и они чуть не поверили в самый настоящий потоп.

— Да-да, вот и я... — повторил слон. — Что, разве из меня плохой слон?

Дельфина едва не выскочила в окно, но спохватилась: как-никак капитан должен сохранять хладнокровие. Она наклонилась к Маринетте и шепнула ей на ухо, чтобы та посмотрела, не затоплен ли сад. Маринетта подбежала к окну, взглянула и, снова подойдя к сестре, прошептала в ответ:

— Нет, все в порядке. Только несколько луж во дворе.

Животные, конечно же, глядели на неведомого зверя с опаской. Свинья подняла визг, грозивший вызвать всеобщую панику. Тогда Дельфина строго произнесла:

— Если свинья сейчас же не замолчит, я выброшу ее за борт... Вот так-то лучше. А теперь я должна представить вам слона, о котором забыла рассказать раньше. Он тоже плывет с нами, поэтому подвиньтесь еще чуть-чуть и дайте ему место в ковчеге.

Суровый тон капитана подействовал: свинячий визг оборвался. Животные потеснились, как только могли, чтобы освободить побольше места для нового спутника. Но когда слон попробовал войти в кухню, выяснилось, что дверь для него слишком узка и низка; будь он раза в полтора меньше, он бы еще протиснулся.

— Боюсь напирать, — сказал слон, — как бы не проломить стену. Я ведь сильный... еще какой сильный...

— Нет-нет, — закричали сестры, — не надо напирать, играйте оттуда, из той комнаты!

Они и не подумали, что дверь окажется мала и что из-за этого могут быть изрядные неприятности. Если бы слон вышел из дома, родители, конечно, удивились бы, что по двору бродит животное, каких у них в деревне не водится. Но мало ли что — при чем тут Дельфина и Маринетта! Может, мать еще на другой день заметит исчезновение белой курочки, вот и все. Совсем другое дело, если они застанут слона у себя в спальне, тогда начнутся расспросы, и сестрам придется признаться, что они играли в Ноев ковчег и привели на кухню всю скотину.

— А нам-то велели никого не впускать! — вздохнула Маринетта.

— Может, слон снова превратится в белую курочку, — прошептала Маринетта. — Это ведь только понарошку, для игры. А когда игра кончится, незачем будет оставаться слонем.

— Может быть. Тогда давай скорей доигрывать.

Маринетта снова встала за штурвал, а Дельфина заняла капитанский мостик.

— Плавание продолжается!

— Отлично, — сказал слон, — наконец-то и я поиграю.

— Прошло девяносто дней, — говорила Дельфина. — Кругом по-прежнему одна вода.

— А по-моему, еще и дым, — осмелилась вставить свинья.

Действительно, Маринетта была так взволнована из-за слона, что, сама того не замечая, дергала заслонку.

— Сто семьдесят второй день! — провозгласил капитан. —
Кругом одна вода.

Никто из животных не возражал против того, что время идет так быстро, только слону путешествие показалось слишком однообразным, так что он подумал-подумал и обиженно спросил:

— Все это прекрасно, но я-то должен наконец что-нибудь делать?

— Вы должны быть слоном, — ответила Маринетта, — и ждать, пока спадет вода. Не понимаю, на что вы жалуетесь.

— А! Ну, если надо подождать, тогда ладно...

— Двести тридцать седьмой день! Поднимается ветер, уровень воды, похоже, стал ниже... да, пошел на спад!

Свинью это известие наполнило таким ликованием, что она стала с радостными воплями кататься по полу.

— Прекрати, свинья! Или я тебя отдам на съедение слону! — крикнула Дельфина.

— Хорошо бы! — сказал слон. — Я как раз проголодался!

И прибавил, подмигнув Маринетте:

— Уже становится интересней...

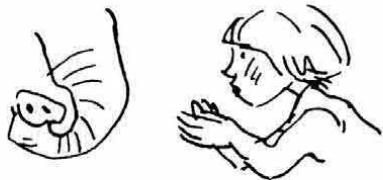
— Триста шестьдесят пятый день! Показался сад, всем на выход и соблюдать порядок! Потоп окончен.

Маринетта открыла дверь во двор, и тут же ее чуть не сбила с ног свинья, которая, боясь, как бы ее не съел слон, первой вылетела наружу. Ей показалось, что земля еще не совсем просохла после потопа, и она побежала под дождем в свой закут. Остальные животные вышли друг за другом, не толкаясь, и каждый пошел на свое место: кто в хлев, кто на птичий двор. Один только слон остался в доме и что-то не торопился уходить. Дельфина подошла к нему и позвала, хлопая в ладоши:

— Цып-цып, белая курочка, иди сюда... игра закончена... пора назад в курятник.

— Цып-цып-цып, — звала Маринетта, набрав горсть зерна.

Но, как они ни упрасивали, слон не желал снова становиться белой курочкой.

— Не обижайтесь, — говорил он, — но мне больше нравится быть слоном.

Вечером вернулись родители, очень довольные, что сходили в гости к дяде Альфреду. Правда, они вымокли до нитки, и вода с накидок стекала в деревянные башмаки.

— Ну и погода! — сказали они, переступая порог. — Хорошо, что вы остались дома.

— Как поживает дядя Альфред? — спросили девочки, чувствуя, что у них горят щеки.

— Сейчас все расскажем. Только зайдем в спальню переодеться.

И родители направились к двери в спальню. Они еще и до середины кухни не дошли, а сестры уже тряслись от страха. Сердце у них колотилось так сильно, что пришлось прижать к груди обе руки.

— У вас такие мокрые накидки, — еле выговорила Дельфина придуренным голосом. — Лучше снимите их здесь. Я их повешу сушиться около печки.

— А ведь верно, — сказали родители. — Как это мы сами не додумались?

Они сняли накидки, с которых еще капала вода, и развесили их перед печкой.

— Интересно знать, как же все-таки поживает дядя Альфред, — выговорила Маринетта. — Ревматизм в ноге не прошел?

— Дяде лучше... Но подождите немножко, вот сменим выходную одежду на домашнюю и все расскажем.

И родители опять повернулись к двери в спальню. Сделали шаг, другой, но тут Дельфина преградила им путь и, запинаясь, пробормотала:

— Вы бы сначала сняли башмаки. Нанесете грязи, наследите в комнате.

— А ведь верно, — опять сказали родители. — Как это мы сами не додумались?

Они вернулись к печке и сняли башмаки, но это же минутное дело. Маринетта снова справилась о здоровье дядюшки, но родители даже не услышали. Они окончательно направились в спальню, а у бедных девочек похолодели щеки, носы и даже уши. Отец с матерью уже взялись за ручку двери и вдруг услышали у себя за спиной плач. Это Маринетта, измученная страхом и отчаянием, не выдержала и разревелась.

— Почему ты плачешь? — удивились отец с матерью. — У тебя что-нибудь болит? Может, кот поцарапал? Да говори же!

— Потому что... потому что там... — всхлипывала Маринетта, но слезы мешали ей договорить.

— Потому что вы промочили ноги, — затараторила Дельфина, — и она испугалась, как бы вы не простудились. Она подумала, что вам надо сесть перед печкой и высушить носки. Вот она уже и стулья приготовила.

Отец с матерью погладили Маринетту по белокурой головке и сказали, что они очень рады, что у них такая заботливая дочка, и пусть она не боится, что они простудятся. Они сейчас придут и согреют ноги, вот только переоденутся.

— Лучше сначала согреться, — твердила Дельфина. — Простуда — дело такое, раз — и готово!

— Э, что там, небось не впервой... Сколько раз вода в башмаки заливалась — и ничего.

— Конечно, но надо же успокоить Маринетту. И потом, она так беспокоится о здоровье дяди Альфреда.

— Да здоров ваш дядя Альфред!.. Прекрасно себя чувствует, не волнуйтесь. Пять минут — и все узнаете. Все как есть расскажем.

Больше Дельфина ничего придумать не смогла. Родители ласково улыбнулись Маринетте и повернулись к двери в спальню, но тут из-под печки выскочил кот. Он вывалял хвост в золе и, бросившись под ноги родителям, стал крутить им так, что поднялось целое серое облако и они расчихались.

— Вот видите! — закричали девочки. — Нельзя терять ни минуты, срочно садитесь греть ноги. Идите скорей!

Родители смущенно согласились, что Маринетта оказалась права, и уселись возле печки. Задрали ноги к самым конфоркам, загляделись на пар, поднимающийся от носков, и стали зевать. Они так устали после долгой дороги под дождем, по вязкой грязи, что, казалось, вот-вот уснут. Сестры боялисьдохнуть.

И вдруг родителей как подбросило. Послышались тяжелые шаги, от которых в буфете забренчала посуда.

— Что это?! В доме кто-то ходит... Топают, как...

— Да нет, — сказала Дельфина. — Это кот на чердаке гоняется за мышью. Сегодня так уже было.

— Не может быть! Тут что-то не то. Разве от кошачьих шагов затрясется буфет? Нет, тут что-то не то.

— Но он мне сам сказал.

— Да? Ну ладно. Никогда бы не поверил, что кот может поднять такой грохот. Но если он сам сказал. Тогда ничего.

Кот под печкой сжался в комочек. Шум прекратился, но родителям расхотелось спать, и, дожидаясь, пока высохнут носки, они принялись рассказывать, что было у дяди Альфреда.

— Дядюшка встречал нас на пороге. Он так и подумал, что вы не придете из-за дождя. Очень жалел и просил вам передать... Ого! Вот опять! Ей-богу, стены покачнулись!

— Значит, дядя Альфред просил нам что-то передать?

— Да, он просил... Ну, уж на этот раз точно не кот! Чуть потолок не обвалился!

Кот сжался еще сильнее, но кончик его хвоста остался торчать из-под печки, а когда он заметил и хотел его подобрать, было уже поздно. Отец с матерью успели его увидеть.

— Мы же говорили, что кот ни при чем, — вон он сидит под печкой!

Они уже слезли со стульев и собирались пойти посмотреть, кто это топает так, что печка прыгает. Но тут кот вылез, потянулся, как будто его разбудили, и сказал очень сердито:

— Что же это такое, поспать не дадут спокойно. Не знаю, что случилось с лошадьё, но она у себя в стойле лупит и лупит копытом то в стену, то в перегородку. Я думал, хоть на кухне этого грохота не слышно, так нет же, здесь еще хуже, чем на чердаке. И что это на нее нашло?

— В самом деле, — сказали отец с матерью. — Скотина, верно, заболела или разволновалась. Надо пойти поглядеть.

Пока шел разговор о лошади, кот глядел на девочек и укоризненно качал головой, как бы показывая, что, сколько ни заговаривай зубы, как ни упрямясь, придется признаваться. Что толку тянуть? Все равно родители зайдут в спальню. Минутой раньше — минутой позже, какая разница. Девочки готовы были согласиться с котом, но считали, что минутой позже все-таки лучше, чем минутой раньше. Дельфина прокашлялась и сделала новую попытку:

— Так вы говорили, дядя Альфред просил нам передать...

— Да-да, дядя Альфред... Он понял, что в такую погоду детям нельзя выходить на улицу. Ведь был страшный ливень, особенно когда мы только пришли. Настоящий потоп... К счастью, это скоро кончится, уже, кажется, дождь перестает?

Отец с матерью выглянули в окно и удивленно воскликнули: вот она лошадь, гуляет себе по двору.

— Глядите! Лошадь! Наверное, отвязалась и вышла во двор. Ладно, пусть гуляет. Может, успокоится и больше не будет брыкаться.

Но в тот же миг снова загрохотали шаги, еще громче, чем раньше. Затрещал пол, весь дом заходил ходуном. Стол поднялся дыбом, и родители чуть не свалились со стульев.

— Ну, на этот раз какая же это лошадь, раз она гуляет по двору! Правда же, кот?

— Конечно, — ответил кот. — Это, должно быть, волы со-скучились без работы и переминаются с ноги на ногу.

— Что ты мелешь? Где это видано, чтобы волы скучали без работы?

— Ну, тогда баран подрался с коровой.

— Баран с коровой? Хм!.. Нет, чует наше сердце, тут что-то неладно... Хм! Что-то вы темните...

При этих словах сестры задрожали, как в лихорадке, их светлые головки затряслись, и родители сразу поняли, что дочки ослушались их, а теперь изворачиваются. Они принялись ругать их, не зная хорошенько, за что именно.

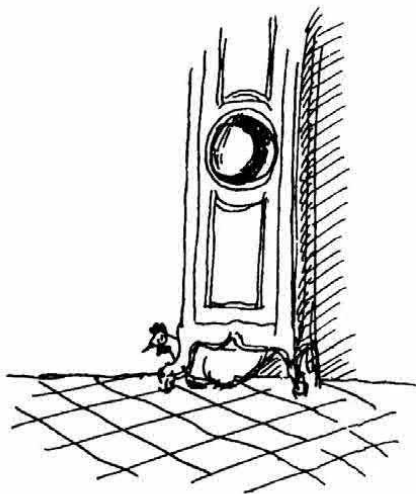

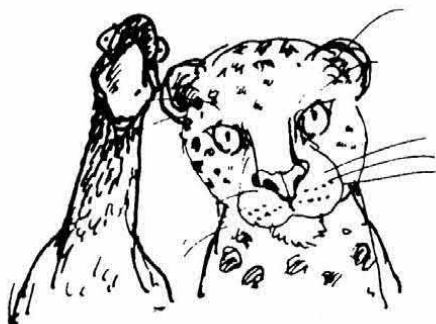
— Ну, берегитесь!.. Если вы кого-то впустили в дом... Если только впустили хоть кого-нибудь... Негодницы этакие! Лучше бы вам тогда... Лучше бы не знаем что!

Дельфина и Маринетта не решались глаз поднять на родителей, а те смотрели на дочек, свирепо хмурясь. Даже кот, и тот перепугался и не знал, что делать.

— Во всяком случае, — бурчали родители, — шаги слышались где-то совсем близко. А вовсе не в конюшне... Скорее всего, в той комнате... конечно, там, в спальне... Ну-ка, проверим!

Носки у них совсем высохли. Они встали со стульев и, сверля глазами дверь в спальню, пошли прямо на нее. Дельфина и Маринетта схватились за руки и с каждым шагом родителей все теснее прижимались друг к другу. Кот терся об их ноги, стараясь подбодрить, но тщетно. Миг был жуткий. Как только сердце у бедняжек не разорвалось! Приникнув ухом к двери, родители подозрительно вслушивались. Наконец они повернули ручку, дверь скрипнула и отворилась. Все замерли. Дельфина и Маринетта, дрожа от страха, заглянули в спальню. И увидели, как белая курочка проскользнула между родительских ног, тихо-тихо пробежала по кухне и юркнула под часы.

селезень и пантера

Лежа на лугу, Дельфина и Маринетта по одному учебнику учили географию, а между их головами, вытянув шею, рассматривал вместе с ними карты и рисунки селезень. Это был очень красивый селезень. Голова и шея у него были синие, жабо — оранжевое, а крылья — пестрые, сине-белые. Читать он не умел, и поэтому девочки объясняли ему, что изображено на картинках, и рассказывали о странах, названия которых были написаны на картах.

— Это Китай, — сказала Маринетта. — Страна, где у всех желтые лица и глаза-щелочки.

— И у селезней? — спросил селезень.

— Разумеется. В учебнике об этом не говорится, но уж само собой, что так.

— Да, география, конечно, наука замечательная, но путешествовать самому, должно быть, еще интереснее. Если бы вы знали, как я мечтаю о путешествиях, если б вы только знали...

Маринетта рассмеялась, а Дельфина сказала:

— Но, селезень, ты слишком маленький, чтобы путешествовать.

— Ну и что, мал да удал.

— И потом, если бы ты отправился путешествовать, тебе пришлось бы расстаться с нами. Разве тебе с нами плохо?

— Да нет, что вы! — ответил селезень. — Я никого так не

люблю, как вас. — Он потерялся клювом о щечки девочек и заговорил снова, понизив голос: — А вот ваши родители — это совсем другое дело. Не думайте, что я хочу сказать о них что-нибудь дурное. Я не так плохо воспитан. Но, понимаете ли, меня пугают их капризы. Я все время думаю о несчастной старой лошади.

Девочки подняли головы и, вздохнув, посмотрели на лошадь, пасшуюся посреди луга. Бедняжка действительно была очень стара. Даже издали можно было пересчитать все ее ребра, а ноги едва держали ее. Кроме того, она была одноглазой, и поэтому часто оступалась на плохих дорогах, так что ее колени были сильно покалечены. Своим единственным здоровым глазом она увидела, что ею интересуются, и подошла к друзьям.

— Да, — ответила Дельфина. — Мы говорили, что ты последнее время хорошо выглядишь.

— Очень мило с вашей стороны, — сказала старая лошадь, — и мне бы очень хотелось верить вам. Но, к несчастью, хозяева совсем другого мнения. Они говорят, что я слишком стара и теперь даже не обрабатываю свое пропитание. И это правда,

я и в самом деле теперь стара и слаба. Я ведь так давно служу... Подумайте только, я помню, как вы родились на свет. Вы были крохотные, как куколки, я хорошо это помню. Я тогда сажала вас к себе на спину, мне это было совсем не трудно, а плуг я тянула за двух волов, и всегда была бодрой и веселой... А сейчас мне не хватает дыхания, ноги заплетаются и вообще все не так. Старая кляча, вот кто я теперь.

— Да нет, — запротестовал селезень. — Это тебе все кажется, уверяю тебя.

— Нет-нет, недаром же хозяева только сегодня утром хотели продать меня на бойню. Если бы девочки за меня не заступились и не напомнили им, что летом я еще могу пригодиться, песенка моя была бы спета. Впрочем, это все равно, решение просто отложено. Они меня потом продадут, на сентябрьской ярмарке.

— Я бы очень хотел помочь тебе чем-нибудь, — вздохнул селезень.

В это время родители пришли на луг и, застигнув лошадь за разговором, закричали:

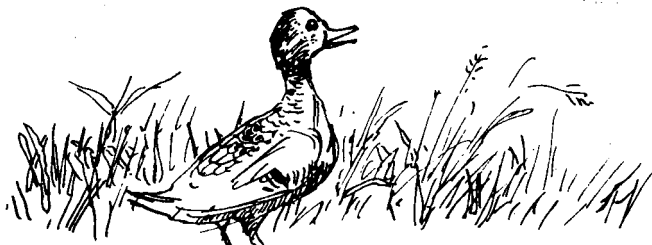
— Поглядите-ка на эту старую кобылу, она еще и развлекается! Не для того тебя на лугу оставили, чтоб ты тут болтала!

— Она здесь только пять минут, — заметила Дельфина.

— Целых пять минут! — возразили родители. — Лучше бы она их потратила на то, чтобы щипать траву, которая ничего не стоит. Чем больше она съест здесь, тем меньше понадобится ей сена. Но эта тварь делает только то, что ей взбредет в голову. И почему мы ее не продали? Вот сейчас бы мы долго не раздумывали...

Старая лошадь пошла прочь так быстро, как могла, стараясь высоко поднимать копыта, чтобы показать, что она еще полна сил, но ноги плохо ее слушались, и она без конца спотыкалась. По счастью, родители больше не обращали на нее никакого внимания. Они заметили селезенья и сразу повеселели.

— Вот селезень в прекрасной форме, — сказали они. —

Видно, что он не голодает. Просто душа радуется, как на него посмотришь. Тем более что в воскресенье к нам придет обедать дядя Альфред...

И родители, перешептываясь, ушли с луга. Селезень толком не понял услышанного, но ему стало как-то не по себе. Маринетта посадила его на колени и сказала:

— Вот что, селезень, ты только что говорил, что хотел бы отправиться попутешествовать...

— Да, но вам мое намерение, кажется, пришлось не по душе, и тебе, и Дельфине.

— Ну что ты, наоборот! — воскликнула Дельфина. — И знаешь, я даже на твоём месте прямо завтра утром бы и отправилась.

— Завтра утром! Но погодите... погодите...

При мысли, что в путешествие надо отправляться так скоро, селезень ужасно разволновался. Он хлопал крыльями, подскакивал в передничке у Маринетты и сразу ничего не мог сообщить.

— Ну конечно, — добавила Маринетта, — к чему задерживаться? Если собрался что-то делать, надо это делать, не откладывая. А то знаешь, как бывает: о чем-то говорят, говорят, целыми месяцами говорят, а дальше разговоров дело и не идет.

— Что правда, то правда, — вздохнул селезень.

Решившись на путешествие, остаток дня он провел с девочками, всерьез занявшись географией. Реки, моря, океаны, города, все пути и железные дороги он знал теперь наизусть. К ночи у него страшно разболелась голова, и он долго не мог уснуть. А засыпая, все думал: «Уругвай, какая там столица?..»

Господи боже, я забыл столицу Уругвая...» В полночь он наконец заснул крепким сном и на рассвете проснулся бодрым.

Все животные фермы собрались во дворе, чтобы проводить селезня.

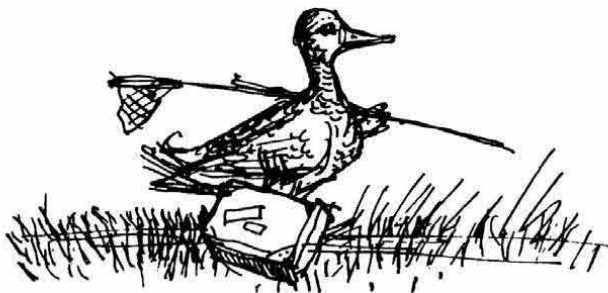
— До свидания, селезень, возвращайся поскорее, — сказали курочка, свинья, лошадь, корова и баран.

— До свидания, не забывай нас, — сказали вол, кот, теленок и индюк.

— Счастливого пути, — сказали ему все остальные.

Многие заплакали, а старая лошадь даже подумала, что, наверное, никогда больше не увидит своего друга.

Селезень, не оглядываясь, пошел быстрым шагом и, поскольку земля круглая, через три месяца появился на том самом

месте, откуда отправился в путешествие. Только вернулся он не один. С ним была красивая пантера, пятнистая, желто-черная, с золотыми глазами. Как раз в это время Дельфина и Маринетта вышли во двор. Увидев хищника, они сначала очень испугались, но, заметив рядом селезня, тут же успокоились.

— Здравствуйте! — закричал им селезень. — Вы знаете, я отлично попутешествовал. Но об этом позже. Главное, я вернулся не один. Со мной пантера, моя подруга.

Пантера поклонилась девочкам и очень дружелюбно сказала:

— Селезень часто рассказывал мне о вас. У меня такое впечатление, что я с вами давно знакома.

— Собственно, дело было так, — рассказал селезень, — пу-

тешествуя по Индии, однажды вечером я оказался лицом к лицу с пантерой. И, представляете себе, она уж собралась меня съесть...

— Это, к сожалению, правда, — вздохнула пантера, опустив голову.

— Но я не потерял хладнокровия, а ведь многие селезни на моем месте растерялись бы. Я сказал ей: «Вот ты хочешь съесть меня, а ведь наверняка не знаешь даже, как называется твоя страна!» Естественно, она этого не знала. Тогда я рассказал ей, что живет она в Индии, в Бенгалии. Назвал ей все реки, города, горы, рассказал и о других странах... Она оказалась такой любознательной, что мне пришлось всю ночь напролет отвечать на ее вопросы. К утру мы уже были друзьями и с тех пор не отходили друг от друга ни на шаг. Но, как вы сами понимаете, мне пришлось всерьез заняться ее воспитанием.

— Это было совершенно необходимо, — признала пантера. — Ну, что вы хотите, когда не знаешь географии...

— А как вам нравится наша страна? — спросила Маринетта.

— Здесь очень мило, — сказала пантера, — я уверена, что мне у вас будет хорошо. И вы знаете, мне так не терпелось скорее попасть сюда после всего того, что селезень рассказал мне о вас двоих и обо всех животных на ферме... Да, кстати, как поживает наша славная старая лошадь?

Услышав этот вопрос, девочки захлюпали носами, и Дельфина, плача, рассказала:

— Родители даже не стали дожидаться сентябрьской ярмарки. Сегодня днем они решили непременно продать ее, и завтра утром ее уведут на бойню.

— Ну и дела! — возмутилась пантера.

— Маринетта попыталась заступиться за лошадь, я тоже, но из этого ничего не вышло. Нас отругали и на неделю оставили без сладкого.

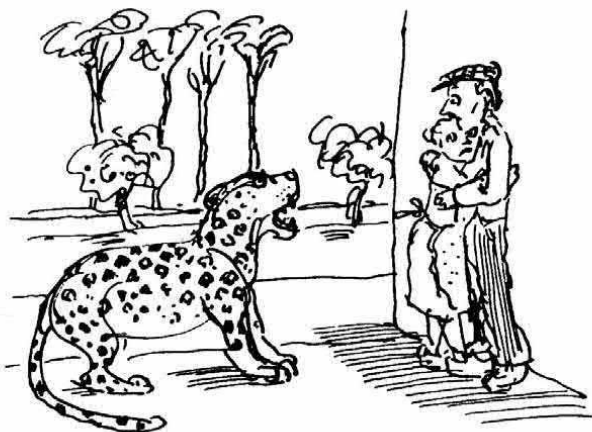
— Ну уж это слишком! А где они, ваши родители?

— В кухне.

— Ну ладно! Сейчас они у меня увидят... Только вы, малышки, пожалуйста, не пугайтесь!

Пантера вытянула шею и, широко раскрыв пасть, издала ужасающий рык. Селезень был страшно горд и торжествующе поглядывал на девочек. Родители тут же выскочили из кухни, но даже не успели спросить, откуда донесся такой жуткий рев. Пантера одним прыжком перенеслась через двор и приземлилась перед ними на все четыре лапы.

— Ни с места, — сказала она им, — не то я вас в клочья разорву.

Нетрудно представить себе, как испугались родители. Они дрожали всем телом, и не то что пошевельнуться, головы повернуть не решались. Золотистые глаза пантеры зажглись свирепым блеском, а в приоткрытой пасти сверкнули большие белые клыки.

— Что тут мне только что сказали? — прорычала она. — Вы собираетесь продать свою старую лошадь на бойню? И вам не стыдно? Несчастливая всю жизнь проработала на вас! Хороша награда за все труды! Право, не знаю, что мне мешает съесть вас... Никто бы меня и упрекать не стал, вы же на меня не работали...

Родители, у которых от страха зуб на зуб не попадал, впервые задумались: а может, правда они слишком жестоко обошлись со старой лошастью.

— А с малышками вы как поступаете? — снова заговорила пантера. — Я узнала, что вы на неделю лишили их сладкого за то, что они вступились за лошадь. Да вы что, чудовища, что ли? Так вот, предупреждаю, со мной здесь все изменится, все в доме будет по-другому. Для начала я отменяю наказание девочкам. Да вы никак ворчите? Может, вы недовольны?

— О, ну что вы!.. Напротив...

— Что ж, тем лучше. Что до старой лошади, о бойне, разумеется, не может быть и речи. Я требую, чтобы вы позаботились

о ней как следует и дали ей возможность спокойно дожить свои дни, ясно?

Затем пантера сказала о том, что и с остальными животными можно бы обращаться получше. Тон ее стал не таким суровым, словно она хотела загладить неприятное впечатление, которое могла оставить ее резкость. Родители понемногу обретали уверенность в себе и даже решились раскрыть рты:

— Значит, вы у нас остаетесь. Это очень хорошо, но подумали ли вы, во что превратится наша жизнь, если мы каждую минуту будем бояться, что вы нас съедите? Не говоря уж о том, что и животным нашим будет грозить то же самое. Знаете, очень мило не позволять хозяевам резать свинью или курицу, но никто никогда не слышал, чтобы пантеры питались овощами...

— Я понимаю вашу тревогу, — сказала пантера. — Разумеется, в те времена, когда я еще не знала географии, любую добычу, попадавшуюся мне в лапы, будь то человек или зверь, я съедала. Но с тех пор как я познакомилась с селезнем, — он может подтвердить, — мой рацион ничем не отличается от кошачьего. Я ем только мышей, крыс, полевок и прочую дрянь. О, я, конечно, не обещаю, что время от времени не буду охотиться в лесу. Но в любом случае домашним животным меня опасаться нечего.

Родители очень быстро привыкли к тому, что на ферме живет пантера. И поскольку они теперь не наказывали очень строго своих девочек и не причиняли зла животным на ферме, она всегда с ними была очень любезна. А в одно из воскресений, когда к ним в гости пришел дядя Альфред, даже закрыла глаза на то, что к столу был подан цыпленок под белым соусом. Надо сказать, цыпленок этот был довольно противным, он без конца приставал к другим цыплятам и все время норовил сделать какую-нибудь гадость. Так что его никому жалко не было.

А еще пантера была хорошей помощницей. Спать можно было мертвецким сном, дом охранялся очень надежно. В этом все скоро убедились, когда однажды ночью к конюшне подобрался волк. Бедняга-волк сумел приоткрыть дверь и уже размечтался, что сейчас вкусно поест, но был съеден сам; он не

успел опомниться, как от него остались только когти, клок шерсти да кончик уха.

Пригодилась пантера и для походов за продуктами. Если в доме кончались сахар, перец или гвоздика, одна из девочек прыгала на спину пантере, и та галопом доставляла ее в лавку. А иногда ее даже отправляли туда одну, и не дай бог было бакалейщику ненароком обсчитаться.

С тех пор как она обосновалась в доме, жизнь изменилась, и никто на это не жаловался. Все, не говоря уж о старой лошади, которая и не мечтала о такой благодати, почувствовали себя более счастливыми. Животные жили в полной безопасности, а людей больше не мучили угрызения совести, как бывало раньше, когда они питались животными. Родители оставили свои дурные привычки кричать и угрожать, и работа стала для всех сплошным удовольствием. А кроме того, пантера очень любила всякие игры и всегда была готова сыграть в чехарду или в прятки. Игроков хватало всегда, потому что она заставляла играть не только всех животных на ферме, но и родителей. Поначалу те подчинялись, ворча.

— Вот еще, — говорили они, — в наши-то годы! Что подумал бы дядя Альфред, если бы он нас увидел?

Но не прошло и трех дней, и недовольства их как не бывало, им так понравилось играть, что они больше жить без этого не

могли. Как только выдавалась у них свободная минутка, тут же выбегали во двор и кричали: «Кто идет играть в пятнашки?» И, сняв деревянные сабо, чтобы быстрее бегать, бросались догонять корову, свинью или пантеру, и смех их слышался аж на краю деревни. Дельфина и Маринетта едва выкраивали время для уроков.

— Пошли играть, — звали их родители, — уроки в другой раз доделаете!

Каждый вечер после ужина во дворе шла большая игра. Родители, девочки, пантера, селезень и все животные со скотного двора и конюшни делились на две команды. Так много на ферме еще никогда не смеялись. Лошадь, слишком старая для того, чтобы бегать наперегонки, просто смотрела на играющих, но и она веселилась не меньше других. Ей была доверена роль судьи, и в случае спора она мирила противников. Как-то раз свинья обвинила родителей в том, что они жульничают, и лошади пришлось объяснить ей, что она не права. Эта свинья была в общем не так уж и плоха, но очень обидчива и мгновенно выходила из себя, когда проигрывала. Из-за нее случались бурные ссоры, отчего у пантеры всегда портилось настроение. Но таких неприятных минут было немного, и они быстро забывались. Если ночь выпадала лунная, игра затягивалась допоздна, и никто не торопился заканчивать ее.

— Послушайте-ка, — говорил тогда селезень, который был чуть-чуть благоразумнее остальных, — пора все-таки и о сне подумать...

— Еще четверть часика, — упрашивали его родители. — Ну, пожалуйста, селезень, еще пятнадцать минут...

А еще они играли в жмурки, в «держи вора», в уголки и в

палочку-выручалочку. И всегда самыми азартными в игре были родители.

За обедом тоже никто не скучал. Селезень и пантера рассказывали о своем путешествии, а побывали они в таких диковинных странах, что слушать их никому не надоедало.

— Россию я изучил вдоль и поперек, — говорил селезень, — и могу сказать вам всю правду о коммунизме. Есть люди, которые рассказывают о том, чего никогда не видели, но я-то видел, уж поверьте! Так вот! К уткам там относятся ничуть не лучше, чем в любом другом месте...

Однажды рано поутру свинья вышла на прогулку. Во дворе она ласково поздоровалась со старой лошадкой, улыбнулась цыпленку, но мимо пантеры прошла, не сказав ни слова. Та тоже в полном молчании смотрела, как уходит свинья. Вчера во время игры они поссорились. Свинья была просто невыносима и вос-становила против себя всех. Надувшись, она заявила, что больше с пантерой играть не желает, и ушла к себе.

И еще добавила: «Мне игра очень нравится, но если надо исполнять все капризы какой-то иностранки, я уж лучше пойду спать».

Часов в восемь пантера, как почти всегда по утрам, пошла погулять в лес и к одиннадцати вернулась. Она казалась несколько усталой, походка ее стала грузной, глаза слипались. Белой курочке, которая заметила это, она ответила, что была сегодня очень далеко и много бегала по лесу. Сказав это, она улеглась в кухне и заснула тяжелым сном. Время от времени сквозь сон она тяжело вздыхала и облизывалась.

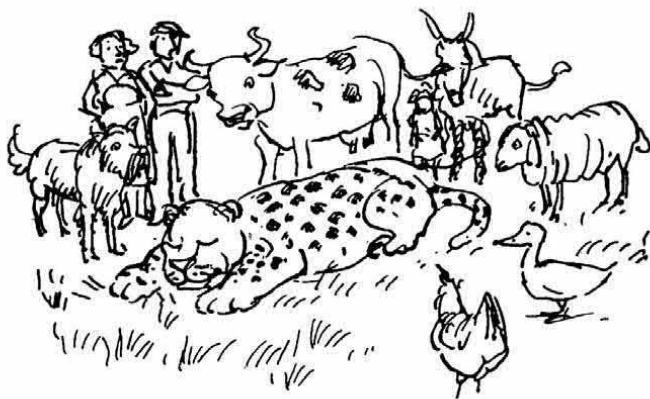
В полдень, вернувшись с поля, родители огорчились, узнав, что свинья все еще не вернулась.

— Такое ведь с ней впервые. Наверное, загулялась и забыла о времени.

Когда пантеру спросили, не встречала ли она утром свинью, она только помотала головой и отвернулась. За обедом она тоже ни слова не проронила.

До самого вечера свинья так и не объявилась. Родители были очень обеспокоены.

Вечером — то же, свиньи нет как нет. Все собрались во дворе, но об игре никто и не думал. Родители с подозрением стали поглядывать на пантеру. Та лежала на животе, положив голову между лапами, и ей, казалось, было совершенно наплевать, что все ее друзья так беспокоятся. Девочки, старая лошадь и даже селезень были этим неприятно поражены. Присмотревшись к пантере, родители заметили:

— Ты сегодня толще, чем обычно, и пузо у тебя такое тяжелое, будто ты объелась.

— Так оно и есть, — ответила пантера. — Я сегодня утром позавтракала двумя кабанчиками.

— Хм! Богатая у тебя была сегодня добыча. Только вот кабаны-то на опушках обычно не гуляют среди бела дня. Их надо искать в самой глубине леса...

— Вот именно, — сказала белая курочка, которая видела пантеру, когда та вернулась, — она сегодня забежала очень далеко в лес. Она сама мне так и сказала утром, когда возвратилась.

— Но этого не могло быть! — воскликнул теленок, слушавший разговор, но не очень-то догадывавшийся, о чем шла речь. — Не могло этого быть, я был утром на лугу и видел пантеру у реки.

— Постой, постой... — сказали родители.

Все смотрели на пантеру и с нетерпением ждали, что она ответит. Несколько обескураженная, пантера в конце концов заявила:

— Теленок попросту ошибся. И это в общем-то не удивительно. Ему всего три недели от роду. А в этом возрасте телята еще плохо видят. Но послушайте, к чему это вы клоните?

— Вчера вечером ты поссорилась со свиньей и в отместку где-то втихаря ее сожрала!

— Но не я же одна с ней поссорилась, — возразила пантера. — И если уж считать, что ее съели, то почему это сделала я, а не вы, родители? Вас послушать, так можно подумать, что вы свинины в жизни не ели! С тех пор как я здесь, разве кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы я кого-то на ферме обидела или хотя бы ему угрожала? Не будь тут меня, сколько кур и цыплят попало бы в кастрюлю, сколько животных было бы продано на бойню? Я уж не говорю о волке и двух лисицах, которым я помешала хозяйничать в конюшне и курятнике...

Все птицы и животные благодарно и доверчиво зашептались.

— Так или иначе, но свиньи больше нет, — проворчали

родители. — Будем надеяться, что других животных та же участь не постигнет.

— Послушайте, — сказал селезень, — нет никаких причин считать, что свинью съели. Может, она просто отправилась путешествовать. Почему бы и нет? Я ведь тоже однажды утром покинул ферму без предупреждения, и вот видите, я здесь. Подождем. Я уверен, она вернется...

Но свинье было не суждено когда-нибудь возвратиться. Как не суждено было никому узнать о том, что с ней приключилось. Маловероятно, чтобы она действительно могла отправиться в путешествие. Воображение у нее было небогатое, и любым приключениям она предпочитала регулярное питание. Ну и наконец в географии свинья ничего не смыслила, более того, вообще не проявляла к ней ни малейшего интереса. Другое дело, если ее действительно съела пантера. Но свидетельство теленка, которому всего-то три недели от роду, все же не слишком надежно. А кроме того, никому не запрещается думать, что свинью утащили какие-нибудь бродяги, да и изжарили. Такое ведь часто случается.

Во всяком случае, воспоминания об этой неприятной истории недолго омрачали жизнь на ферме, и вскоре все пошло по-прежнему. Да и сами родители обо всем этом забыли. Снова стали играть в игры, и справедливости ради надо сказать, что теперь, без свиньи, игралось гораздо лучше.

У Дельфины и Маринетты никогда не было таких прекрасных каникул, как этим летом. Забравшись верхом на пантеру, они подолгу катались по дугам и полям. И почти всегда брали с собой селезня, который устраивался у пантеры на шее. За два месяца девочки узнали всю округу, тридцать километров для пантеры было не расстояние. Она носилась как ветер, и плохие дороги ей были нипочем.

Минули два месяца каникул, выпало еще несколько хороших деньков, но вскоре зарядили дожди, а в ноябре они к тому же стали холодными. Ветер срывал последние сухие листья. Пантера как-то сникла и словно оцепенела. Она без всякой охоты

выходила из дому, и ее приходилось подолгу упрашивать, чтобы она согласилась поиграть во дворе. По утрам она еще охотилась в лесу, но теперь это не доставляло ей большого удовольствия. Все остальное время она не покидала кухни и всегда лежала возле плиты. Селезень каждый день приходил навещать ее и проводил с ней часок-другой. Пантера жаловалась ему на погоду.

— Как печальны луга, леса и вообще все вокруг! В моей стране, когда идет дождь, все растет и зеленеет: деревья, листва и трава. А здесь дождь холодный, повсюду грязно и уныло.

— Привыкнешь, — говорил ей селезень. — И потом, дожди вечно идти не будут. Скоро выпадет снег... тогда ты не скажешь, что на лугу грязно... Снег — это белый пух, нежный, как пушок у меня на грудке, и на все он ложится белым покрывалом.

— Я бы очень хотела увидеть это, — вздыхала пантера.

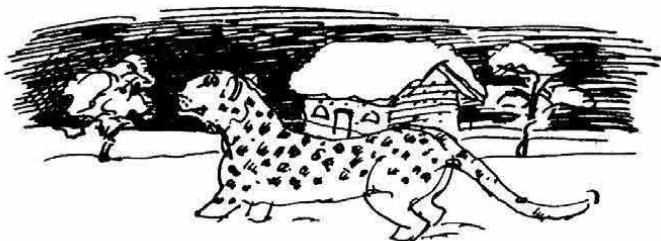
Каждое утро она подходила к окну поглядеть на луг. Но зима ничем не отличалась от дождливой осени, все было по-прежнему очень мрачным.

— Неужели снег так и не выпадет? — спрашивала пантера у девочек.

— Обязательно выпадет, и очень скоро. Погода может измениться со дня на день.

Дельфина и Маринетта с нетерпением смотрели на небо. С тех пор как пантера изнывала, лежа в углу у огня, в доме стало тоскливо. Об играх никто и не вспоминал. Родители снова стали ворчливыми и шептались между собой, недобро поглядывая на животных.

Однажды утром пантера проснулась, озябнув больше обычного, и, как каждое утро теперь, подошла к окну. Все кругом

было бело: и двор, и сад, и весь луг, — а с неба летели крупные хлопья снега. На радостях пантера замыкала и вышла во двор. Лапы ее проваливались в мягкий ковер, а пушинки, летевшие сверху на ее шкуру, были такими нежными, что она едва чувствовала их ласковые прикосновения. Ей показалось, что снова стало так же светло, как летом, и она ощутила в себе прежние силы. Пантера принялась бегать по лугу, прыгать и танцевать, играя и ловя передними лапами хлопья снега. Иногда она

останавливалась, каталась в снегу и снова носилась во всю прыть. Через два часа, набегавшись и наигравшись, она остановилась, чтобы перевести дух, и вся задрожала от холода. В беспокойстве она стала искать глазами дом и поняла, что очутилась где-то очень далеко. Снег больше не шел, но поднялся свирепый ветер. Прежде чем возвращаться, она решила немного передохнуть и улеглась на снегу. Никогда еще не было у нее такой мягкой постели, но когда она захотела встать, лапы ее не послушались, они совершенно оцепенели, и тело ее бил озноб. Ей показалось, что дом слишком далеко, а ветер слишком пронизывающий, и у нее не осталось сил снова отправиться в путь.

В полдень, видя, что пантера не возвращается, девочки вместе с селезнем и старой лошадейю отправились на ее поиски. Местами ее следы уже замело, и они нашли ее только через несколько часов. Пантера совсем закоченела, лапы ее уже одеревенели.

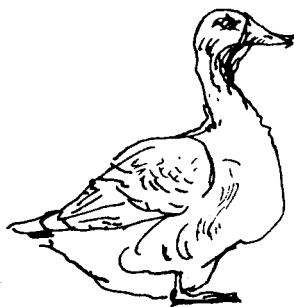
— Я совсем замерзла, — тяжело дыша, проговорила она, увидев друзей.

Старая лошадь попыталась согреть ее своим дыханием, но слишком поздно, помочь ей было уже невозможно. Она лизнула руки Дельфине и Маринетте и мяукнула тише кошки. Селезень услышал, как она прошептала:

— Свинья... свинья...

И пантера закрыла свои золотистые глаза.

ЗЛОЙ ГУСЬ

Однажды Дельфина и Маринетта играли в мяч на скошенном лугу, как вдруг явился большой белый гусь с огромным клювом и стал шипеть на них. У гуся был очень сердитый вид, но девочки не обращали на него внимания. Они бросали друг другу мяч, и им некогда было отвлекаться. «Шшш... шшш...» — шипел гусь все громче и громче, уязвленный тем, что никто его не боится. А девочки громко объявляли фигуры: «Хлопок спереди!», «На коленки!», «Двойной поворотик!» Как раз когда Дельфина делала двойной поворотик, мяч попал ей прямо в нос. На мгновение она растерялась, потеряла нос и, убедившись, что он цел, рассмеялась, а вслед за ней расхохоталась и Маринетта, да так, что от смеха даже разлохматились ее светлые волосы. Гусь решил, что девочки смеются над ним. Весь взъерошенный, вытянув длинную шею и хлопая крыльями, он в ярости двинулся на сестер.

— Я запрещаю вам играть на моем лугу! — заявил он.

Гусь стоял между Дельфиной и Маринеттой и подозрительно оглядывал их маленькими злобными глазками. Дельфина перестала смеяться, а Маринетта, глядя, как он неуклюже топчется на своих перепончатых лапках, расхохоталась еще громче.

— Ну, это уж слишком! — вскричал гусь. — Повторяю вам...

— Хватит, ты нам надоел, — перебила его Маринетта. — Отправляйся к своим гусятам и не мешай нам играть.

— Мои гусята как раз сейчас должны сюда прийти, и я не желаю, чтобы они оказались в обществе таких невоспитанных девчонок. Убирайтесь отсюда!

— Неправда, — возмутилась Дельфина. — Мы очень даже воспитанные.

— Да пусть себе брюзжит, — сказала Маринетта. — Что нам до этой глупой метелки из перьев! И вообще, почему он говорит, будто луг его? Как будто у гусака может быть собственный луг! Ладно, бросай мне мяч... Двойной поворотик!..

Она завертелась, и ее фартучек в голубую клетку красиво раздулся колокольчиком над коленками. Дельфина уже замахнулась, чтобы бросить ей мяч.

— Ах так! — зашипел гусь.

Он разбежался, налетел на Маринетту и, широко разинув клюв, изо всех сил вцепился ей в ногу. Маринетте стало очень больно и страшно: она решила, что гусь хочет ее съесть. Но сколько она ни кричала, сколько ни отбивалась, он только сильнее сжимал клюв. Дельфина подбежала и попыталась оттащить гуся. Она колотила его по голове, дергала за крылья и за лапы, но этим только еще больше разозлила его. Наконец он отпустил Маринетту, но лишь затем, чтобы ущипнуть за ногу Дельфину, так что девочки теперь плакали дуэтом.

На соседнем лугу пасся серый ослик, он вытягивал через плетень шею и шевелил ушами. Это был очень добрый ослик, смирный и терпеливый, как почти все его собратья. Он очень любил детей, девочек особенно, и если они посмеивались над его ушами, никогда не сердился на них, хотя его это и огорчало. Наоборот, ослик смотрел на них добрыми глазами и делал вид, будто ему и самому смешно, что у него такие длинные, острые уши. Из-за плетня он все видел и все слышал и был возмущен наглостью и жестокостью гуся. Пока девочки отбивались, он кричал им издали:

— Хватайте его за голову обеими руками и устройте ему хорошую карусель!.. Ах, если бы не плетень!.. За голову, говорю же вам, за голову!

Но девочки так растерялись, что до них не доходил смысл его слов. Однако они поняли, что ослик на их стороне, и, как только сумели вырваться, бросились к нему искать защиты. Гусь не стал их догонять и лишь крикнул им вслед:

— А мяч ваш я конфискую, это заставит вас уважать меня впредь.

Он схватил мяч в клюв и принялся кружиться посреди луга, выпятив свой раздувшийся зоб и так задрал голову, что она оказалась между крыльев. На это было просто противно смотреть. Даже ослик, несмотря на свой кроткий нрав, не выдержал.

— Полюбуйтесь на этого дурня! — крикнул он. — Щеголяет с мячом в клюве! Хорош, нечего сказать... Где же была твоя

спесь месяц назад, когда хозяйка выщипала тебя, чтобы набить подушку!

От гнева и унижения гусь чуть не подавился мячом. Слова ослика отравили ему радость победы, напомнив, что эта пытка скоро повторится: каждые полгода хозяйка выщипывала у него самый тонкий пух, и шея оставалась такой голой, что цыплята делали вид, будто принимают его за индюка.

Между тем на лугу появилось его семейство, и гусь, перестав кружиться, двинулся навстречу. Полдюжины гусят шествовали за мамашей гусыней. Гусята были неплохие птенцы, ничего не скажешь. Может быть, чересчур серьезные для своего возраста, но ведь это не порок, а перышки у них были желто-серые, легкие, как пена. Да и гусыня была в общем-то добрая птица. Она чувствовала себя неловко, когда ее муж чересчур заносился, и толкала его крылом в бок, приговаривая:

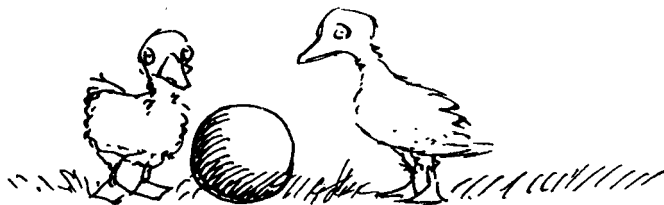
— Ну, ну, друг мой, полно... полно...

Но гусь будто и не слышал ее замечаний. Не выпуская мяча из клюва, он повел гусят на середину луга.

Наконец он остановился, положил мяч на траву и сказал малышам:

— Вот вам игрушка, я конфисковал ее у двух скверных девочек, которые были со мной непочтительны на моем же лугу. Я дарю ее вам. Забавляйтесь, только не шумите, пока не пора будет идти на пруд.

Гусята обступили мяч, но без особого восторга, потому что они не понимали, как этим можно забавляться. Подумав, они решили, что это просто-напросто яйцо, и отошли со скучающим видом. Гусь рассердился.

— Никогда в жизни не видел таких глупых гусят! — заворчал он. — Просто беда с ними: тут надрываешься день-деньской, чтобы доставить им удовольствие, и вот благодарности! Но будьте покойны, я научу вас играть в мяч, и хотите вы или нет, а забавляться вам придется.

— Ну, ну, друг мой, полно... — вступилась гусыня.

— Ты еще защищаешь их! Что ж, тогда и ты тоже будешь играть в мяч!

Как видите, со своей семьей гусь был ничуть не любезнее, чем с посторонними. Пока он обучал игре в мяч гусят и гусыню, девочки пролезли под плетнем и подошли к ослику. Гусь ущипнул их обеих так больно, что они шли прихрамывая, но больше не плакали, разве что Маринетта иногда всхлипывала.

— Подумать только! — сказал ослик. — Какая грубая птица! Я до сих пор в себя прийти не могу... Я на его месте был бы только рад, если бы около меня играли маленькие девочки... Просто хам!.. Вам очень больно?

Маринетта показала ослику красную отметину на левой ноге. У Дельфины была такая же на правой.

— Еще бы! Конечно, больно! До сих пор жжет.

Тогда ослик наклонился и подул им на ноги, и у девочек сразу все прошло. Это потому, что ослик был добрый. Дельфина и Маринетта поблагодарили его и ласково погладили по холке. Ослику было очень приятно.

— Вы можете потрогать и уши тоже, — сказал он. — Я ведь вижу, что вам очень хочется.

Девочки погладили его уши и даже удивились, что они такие мягкие и пушистые.

— Длинные у меня уши, да? — спросил ослик тихо.

— Ну разве что чуть-чуть длинноваты, — ответила Маринетта, — но не особенно... Во всяком случае, они тебе очень идут.

— Будь они короче, — добавила Дельфина, — наверное, ты бы нравился мне меньше...

— Правда? Ну что ж, приятно слышать. Однако...

Ослик заколебался и, боясь надоесть девочкам разговорами о своих ушах, решил сменить тему.

— Вы не поняли, что нужно делать, когда гусь щиплетя. Я кричал, чтобы вы схватили его за голову и устроили ему карусель. Надо было вцепиться в него обеими руками и немного покружить. Это лучший способ его образумить. Когда его опу-

скаешь на землю, он ничего не соображает, у него кружится голова и он едва держится на лапах. У гуся надолго остается неприятное воспоминание, и он уже никогда не щиплет человека, преподавшего ему такой урок.

— Здорово! — сказала Маринетта. — Но надо еще суметь схватить его за голову, ведь он может в этот момент ущипнуть.

— Вы, конечно, еще маленькие. И все-таки на вашем месте я бы попробовал.

Девочки отрицательно покачали головами и заявили, что никогда не решатся на это.

Вдруг ослик расхохотался. Извинившись, он показал на гуся, который играл в мяч с гусятами на своем лугу. Он ужасно важничал, отпихивал гусыню, распекал гусят за неповоротливость и, хотя был самым неуклюжим из всей компании, то и дело повторял:

— Посмотрите, как делаю я... Берите пример с меня!

Конечно, подбрасывать мяч он даже и не пытался и просто катал его лапой, а поймать и подавно не мог. Девочки и ослик нещадно потешались над ним и кричали: «Разиня!» Но гусь вовсе не считал, что он плохо играет, и не обращал внимания на хохот и насмешки. Когда же, пропустив десяток ударов, он наконец поймал мяч, то совсем заважничал и объявил гусьям:

— А теперь я покажу вам, как делается двойной поворотик. Мамаша гусыня, бросай мне мяч... А вы смотрите хорошенько!

Он отступил на несколько шагов и встал напротив гусыни, которая уже занесла лапку, чтобы послать ему мяч. Убедившись, что все взгляды устремлены на него, гусь надул зоб и крикнул:

— Готовы? Итак, двойной поворотик!

Пока гусыня пыталась попасть по мячу, он завертелся на месте, как недавно вертелись на его глазах девочки. Сначала он поворачивался медленно, но ослик стал подзадоривать его, кричать «быстрее!», и гусь так разошелся, что сделал без остановки три поворота вместо двух. У бедняги помутилось сознание, голова его бессмысленно моталась из стороны в сторону, он сделал, шатаясь, несколько шагов, повалился на правый бок, потом на левый, да так и остался лежать, вытянув шею и закатив глаза.

Ослик от смеха катался по траве. Девочки ликовали, и даже гусята, которым следовало бы поуважительнее относиться к отцу, не удержались и, отвернувшись, прыснули. Не смеялась только гусыня. Она наклонилась над гусем и тихонько уговаривала его встать.

— Ну, ну, друг мой, — говорила она, — полно... Это неудобно... на нас смотрят.

Наконец ему удалось подняться, но голова все еще кружилась, и он не сразу обрел дар речи. Как только он смог раскрыть клюв, то начал доказывать, что его неуклюжесть тут вовсе ни при чем.

Маринетта потребовала вернуть мяч.

— Ты же видишь, что это игрушка не для гусят, — сказала она.

— И уж тем более не для таких великовозрастных гусаков, как ты, — подхватил ослик. — Мы все в этом только что убедились, ты был весьма смешон. Так что верни мяч!

— Я же сказал, что я его конфискую, — отвечал гусь. — Значит, не о чем и говорить.

— Я всегда знал, что ты грубиян и врун. Не хватало тебе стать еще и вором.

— Я ничего не украл! Все, что находится на моем лугу, принадлежит мне. И отвяжись от меня наконец! Неужели я стану выслушивать поучения от всяких ослов!

Услышав эти слова, ослик понурился и не посмел продолжать спор. Ему было и стыдно, и горько, он исподлобья поглядывал на девочек, не зная, как себя вести. Но Дельфине и Маринетте было так жаль мяча, что они и не заметили его обиду.

Они еще раз попросили гуся отдать им мяч, но он даже слушать не стал. Он собрался вести свое семейство на пруд и приказал гусыне взять мяч в клюв. Пруд находился за лугом, на опушке леса, и ему пришлось прошестьвовать вместе с выводком мимо плетня, где стояли девочки и их приятель ослик. Тут один из гусят, самый любознательный, спросил, указывая на мяч, который был в клюве у гусыни, какая птица снесла такое яйцо. Братья захохотали, а гусь сердито сказал:

Он нарочно произнес это погромче и бросил взгляд за плетень. Ослик был жестоко уязвлен.

Девочки чуть не плакали. Маринетта шмыгала носом, и ослик, пересилив собственное огорчение, принялся утешать их.

— Еще не все потеряно. Сделайте вот что. Через некоторое время пойдите на пруд. Гусь отплывет от берега и наверняка оставит мяч на песке, а вам останется только подобрать его. Я скажу вам, когда будет пора. А пока давайте немного побеседуем. Мне хочется кое-что у вас спросить...

Ослик вздохнул и откашлялся. Он выглядел смущенным.

— Да, так вот... Только что гусь назвал меня «всяким ослом»... О, я знаю, конечно, что я и есть осел, но он сказал это не просто так, а по-особенному. А потом, когда он проходил мимо нас, он сказал гусенку: «Ты осел», как бы желая назвать его дураком, помните? Мне хотелось бы знать, почему, когда речь заходит о дураке, люди всегда говорят: «Он осел»?

Девочки почувствовали, что заливаются краской, ведь им и самим часто случалось так говорить.

— Вот, например, — продолжал ослик, — мне приходилось слышать, что в школе учитель ставит ученика, который ничего не знает, в угол в специальном дурацком колпаке с ослиными ушами. Как будто на свете нет никого глупее осла! Согласитесь, для меня это очень неприятно.

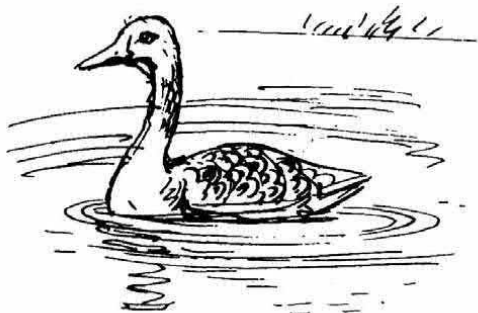
— По-моему, это и в самом деле не вполне справедливо, — ответила Дельфина.

— Значит, вы не считаете, что я глупее, чем этот гусак? — спросил ослик.

— Да нет... что ты... — сказали девочки, но особой уверенности в их голосах не чувствовалось: они так привыкли считать осла глупым, что не могли всерьез в этом усомниться. Он понял, что убедить их в несправедливости такого отношения к ослам ему не удастся. Без доказательств они ни за что не поверят.

— Что ж, ничего не поделаешь, — вздохнул ослик, — ничего не поделаешь... По-моему, малышки, вам пора идти на пруд. Желаю удачи! Если у вас ничего не выйдет, дайте мне знать.

Придя на пруд, девочки потеряли всякую надежду получить свой мяч. Все-таки гусь был определенно не так глуп, как намекал ослик, и сообразил захватить мяч с собой в воду. Мяч плавал на самой середине пруда, подле гусят, которые играли в него теперь с гораздо большим удовольствием, чем недавно на траве. Они плавали за мячом наперегонки, прятали его под крылом, и в другое время девочкам доставило бы удовольствие наблюдать, как они резвятся. Да и гусь был уже вовсе не тот увалень, который стал всеобщим посмешищем на лугу. Он непринужденно плыл, и ни в грации, ни в благородстве осанки ему нельзя было отказать. Он словно преобразился, и девочки, несмотря на обиду, невольно залюбовались им. Но, увы, злобы у него не убавилось, и он крикнул им:

— Ха-ха! Вы, верно, подумали, что я оставлю мяч на берегу? Не такой уж я болван! Я нашел для него надежное место, и вам его не видать.

Гусь, конечно, скрыл от них, что не знал, как отделаться от мяча, так он ему опротивел, и швырнул его в воду, надеясь, что мяч пойдет ко дну, как обыкновенный камень. И сам был удивлен, увидев, что он плывет, но гордость не позволила ему выказать свое удивление перед гусятами. Дельфина еще раз попыталась смягчить его и вежливо сказала:

— Послушай, гусь, ну, образумься, отдай нам мяч... А то нам попадет от родителей.

— Вот и хорошо! Узнаете тогда, как безобразничать на моем лугу! Если я их встречу, то непременно скажу, что они очень дурно воспитывают своих дочерей. Интересно, что они сами сказали бы, если бы мои гусята вздумали играть без разрешения у них дома. Но, слава богу, мои дети умеют себя вести, и этим они обязаны мне!

— Замолчи, ты глуп, как осел, — бросила Маринетта, пере-дернув плечами.

Она тут же прикусила язык, пожалев, что сказала такую обидную для ослика вещь.

— Как осел? — закричал гусь. — Нахалки! Ну, погодите, я вас сейчас так отделаю! Вот только из воды выйду!

Он быстро поплыл к берегу, и девочки, у которых еще не прошли на ногах следы от его укусов, бросились наутек.

— Удираете? И правильно делаете! Я искусал бы вас до крови! А мяч не надейтесь получить никогда. Я придумал отличное местечко, куда его спрятать! Хитер будет тот, кто его найдет.

Девочки направились домой, но не осмелились пройти мимо ослика, потому что Маринетту мучили угрызения совести из-за этого злополучного слова.

Пока они шли домой, погода испортилась, стало очень холодно. Небо было чистое, но ледяной северный ветер покалывал голые ноги. Дельфина и Маринетта думали, что их будут ругать, но родители даже не заметили, что они пришли без мяча.

— Никогда еще в наших краях холода не наступали так рано, — сказал отец. — Похоже, ночью ударит настоящий мороз.

— Ну, ничего, морозы долго не простоят, — сказала мать. — До зимы еще далеко.

Возвращаясь с пруда, гусиное семейство прошествовало мимо плетня, где пасся ослик. Гусыня несла в клюве мяч, а гусята ныли, что им холодно.

— Как я погляжу, ты так и не отдал мяч! — сказал ослик. — Ну, ничего, отложим это на завтра.

— Ни завтра, ни послезавтра, — ответил гусь, — я мяч не отдам. Он будет мой, я сейчас же пойду и спрячу его в надежное место, в свой личный тайник.

— Чего стоит тайник гусака!

— По крайней мере, такому ослу, как ты, его не отыскать!

— Пфф! — фыркнул ослик. — Очень мне нужно искать! Я сумею заставить тебя вернуть мяч, а сам и копытом не шевельну!

— Посмотрим, как это тебе удастся! — ухмыльнулся гусь и поспешил догонять свой выводок, но, сделав несколько шагов, вернулся и злорадно сообщил: — Эти две девчонки просто невыносимы! Только что они при мне сказали кому-то, кто нес околесицу: «Замолчи, ты глуп, как осел». Да, да, именно так они и сказали!

— А тот, кто нес околесицу, — это, конечно, был ты...

Гусь удалился без ответа, но было видно, что он задет. Оставшись один, ослик долго не мог забыть о словах девочек.

И вдруг он расхохотался: кое-какая мысль зародилась в самых кончиках его длинных ушей, которые уже начал пощипывать мороз.

Назавтра ослик отправился на луг пораньше. Ударил сильный мороз, какого уже много лет не бывало в этих краях. Ослик встал у самого плетня, приплясывая на всех четырех ногах, чтобы согреться. Издали он увидел девочек, которые шли в школу, и окликнул их. Удостоверившись, что гуся на лугу нет, они подошли к ослику поздороваться.

— Ну что, ругали вас родители? — спросил ослик.

— Нет, — ответила Маринетта. — Они вообще не заметили, что мы пришли без мяча.

— Ладно, не беспокойтесь. Обещаю вам, что завтра вечером вы свой мячик получите.

Не прошло и пяти минут после ухода девочек, как он увидел гуся, шагавшего во главе выводка. Ослик вежливо приветствовал всю семью и спросил у гусыни, куда это они собрались в такую рань.

— Мы идем на пруд, на утреннее купание, — отвечала она.

— Дражайшая гусыня, — сказал ослик, — мне очень жаль, но я принял решение, что сегодня утром вы купаться не будете.

Гусь расхохотался.

— И ты полагаешь, — сказал он снисходительно, — что стоит тебе принять решение, как я сразу и подчинюсь?

— Не знаю уж, входит ли это в твои планы, но подчиниться

тебе придется, потому что сегодня ночью я запер пруд и не отпущу до тех пор, пока ты не отдашь девочкам мяч.

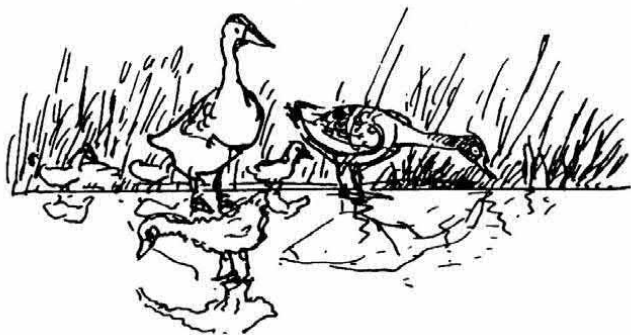
Гусь решил, что ослик рехнулся, и скомандовал гусятам:

— Ну, дети, вперед, пошли купаться! Сам не понимаю, зачем я теряю время на разговоры с этим длинноухим наглецом.

Едва завидев пруд издали, гусята закричали от радости: никогда еще вода не казалась им такой гладкой и сверкающей. Да и сам гусь ни разу в жизни не видел льда и даже не слышал о нем; прошлая зима была такой теплой, что вода не замерзла. Ему тоже показалось, что пруд сегодня еще прекраснее, чем обычно, и он развеселился.

— Приятное нас ждет купание! — заявил он.

Гусь по обыкновению подошел к воде первым и вскрикнул от изумления. Вместо того чтобы погрузиться в воду, он ступил на твердую, как камень, поверхность. Гусыня с гусятами за его спиной онемели от неожиданности:

— Неужели он и вправду запер наш пруд? — пробормотал гусь. — Не может этого быть... Наверное, вода дальше...

Несколько раз гусь с гусыней пересекли пруд вдоль и поперек, и всюду под ногами у них оказывалась все та же холодная сталь.

— Похоже, пруд и в самом деле заперт, — сказал гусь.

— Какая досада! — воскликнула гусыня. — День без купа-

ния — сплошная скука, особенно для детей. Тебе следовало бы отдать мяч...

— Оставь меня в покое, я сам знаю, что мне делать. Главное, никому ни слова об этой истории, а то все узнают, что какой-то осел может мною помыкать.

Гусиное семейство вернулось на птичий двор и забилося в угол. Чтобы не проходить мимо ослика, они сделали большой крюк, но ослик заметил их и крикнул:

— Ну что, отдашь мяч? Пора пруд отпирать?

Гусь не ответил, гордость не позволяла ему сдаться сразу. Все утро он пребывал в убийственном настроении и даже не притрагивался к корму.

После полудня он начал сомневаться, не пригрезилось ли ему все это, и действительно ли заперт пруд. Поколебавшись, он решил все-таки пойти и проверить еще раз. Увы! Все сомнения исчезли. Пруд оказался заперт крепко-накрепко. На пути туда и обратно ослик снова спрашивал его, не собирается ли он вернуть мяч.

— Смотри, как бы не было поздно, когда ты наконец соберешься!

Но гусь проходил мимо с высоко поднятой головой. Наконец, на следующее утро, не желая лично вступать в переговоры, он отправил к ослику гусыню. Дельфина и Маринетта как раз оказались там. Было уже не так холодно, как накануне, и лед на пруду начал подтаивать.

— Почтеннейшая гусыня, — сказал ослик, изображая негодование. — Я не желаю ничего слушать, пока мяч не будет здесь. Можете передать это своему супругу. Я весьма огорчен за вас, ибо вы хорошая, добрая птица, но ваш муж — упрямец и навлек беду на всю вашу семью.

Гусыня поспешно удалилась, и девочки, которые с трудом удерживались от смеха, смогли наконец дать волю своему веселью.

— Только бы гусь не вздумал прогуляться на пруд, прежде чем решится вернуть мяч, — сказала Дельфина. — А то он сразу увидит, что пруд заперт уже не так крепко.

— Не волнуйся! — сказал ослик. — Сейчас он явится сюда с мячом.

Гусь и в самом деле не замедлил явиться во главе своего выводка. Он нес мяч в клюве и с яростью швырнул его за плетень. Маринетта подобрала его, и гусь собрался было идти на пруд, но ослик сухо остановил его:

— Это еще не все. Ты должен принести извинения девочкам за то, что ты их позавчера искусал.

— О, это не обязательно, — заверили его Дельфина и Маринетта.

Нет, обязательно,
я решительно настаиваю
на извинениях. Я не
отпущу пруда, пока он не
попросит у вас прощения.

— Чтобы я стал просить прощения? — вскричал гусь. — Никогда! Лучше я до конца дней своих не буду купаться!

Круто повернув назад, он вместе со всем семейством вернулся на птичий двор и постарался навсегда забыть о пруде, брызгаясь в грязной луже. Гусь продержался так целую неделю, когда же он примирился с необходимостью попросить прощения, лед на пруду уже дней шесть как растаял. Было так тепло, что казалось, на дворе весна.

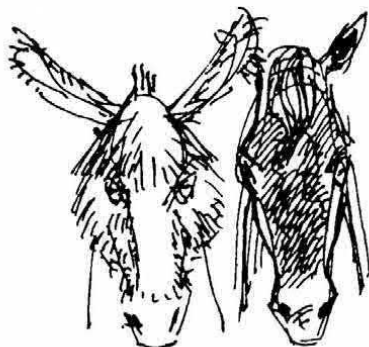
— Прошу извинить меня за то, что я щипал вас за ноги, — заикаясь от злости, проговорил гусь. — Даю честное слово, что я больше не буду.

— Давно бы так, — сказал ослик. — Я отпираю пруд. Можете идти купаться.

В тот день гусь купался долго. А когда он вернулся к себе

на ферму, слух о его злоключениях уже успел разнестись по округе, и ему пришлось терпеть насмешки от всех знакомых животных. Все удивлялись, что гусь оказался так глуп, а осел так хитер. И с этого дня, разумеется, никто уже не считает осла глупым — наоборот, когда человеку хотят сделать комплимент по поводу его ума, говорят, что он мудр, как осел.

ОСЛИК И ЛОШАДКА

Дельфина и Маринетта улеглись в кровати, но яркая луна светила прямо в окно, и сразу заснуть им не удалось.

— Знаешь, кем бы я хотела быть? — сказала Маринетта, та, что посветлее. — Лошадкой. Да, я бы очень хотела быть лошадкой. У меня были бы четыре хорошенькие копытца, грива, роскошный конский хвост, и бегала бы я быстрее всех на свете. Ну и, конечно, я была бы белой лошадкой.

— А по мне, — сказала Дельфина, — так можно и осликом. Я бы согласилась стать серым осликом с белым пятнышком на лбу. У меня тоже были бы четыре копытца, два огромных уха, и я шевелила бы ими сколько хочу, а самое главное, у меня был бы такой нежный взгляд!

Они еще немного поболтали и, в последний раз высказав свое желание: Маринетта — стать лошадкой, а Дельфина — серым осликом с белым пятнышком на лбу, — наконец уснули. Через час зашла луна. Наступила ночь, непроглядная, небывало черная. Многие в деревне наутро говорили, что в этой темнотище они слышали звон цепей и одновременно тихую музыку, словно из табакерки, а к тому же и свист, какой бывает в бурю, хотя даже и ветра ночью не было. Домашний кот, который о многом, конечно, догадывался, несколько раз приходил под окна к девочкам и громко звал их, но они спали так крепко, что не слышали. Тогда он послал пса, но и пес не смог разбудить их.

Довольно поздно утром Маринетта приоткрыла глаза, и ей показалось, что на подушке сестрички шевелятся большие пушистые уши. А ей самой было как-то тесно и неудобно, даже повернуться в постели она не могла. Сон, однако, оказался сильнее любопытства, и веки ее снова сомкнулись. Дельфина, тоже совсем сонная, взглянула на кровать сестренки. Ей показалось, что Маринетта стала огромной, как-то странно разбухла, однако ее тоже сморил сон. Через минуту они окончательно проснулись и обе попытались разглядеть свои подбородки, им показалось, что лица у них как-то странно вытянулись и совсем изменились. Повернув голову и посмотрев на кровать сестры, Дельфина громко вскрикнула. Вместо белокурой головки, которую она ожидала увидеть, на подушке Маринетты лежала лошадиная морда. Маринетта изумилась не меньше, увидев пе-

ред собой голову осла, и тоже вскрикнула. Обе несчастные сестрицы, широко раскрыв глаза и подняв головы, изучали друг друга, не понимая, что же с ними такое приключилось. Куда подевалась сестра, удивлялась каждая, почему это вместо нее в ее постели лежит животное. Маринетта чуть не рассмеялась, но, поглядев на себя, увидела лошадиную грудь, заросшие шерстью ноги, копыта, и поняла, что их вчерашние желания сбылись. Дельфина тоже посмотрела на свою серую шерстку, на копыта, на тень от своих длинных ушей на простыне, и тоже все поняла. Она тяжело вздохнула, но из ее мокрых губ вырвалось только фырканье.

— Это ты, Маринетта? — спросила она сестру дрожащим голосом, которого сама не узнала.

— Да, — ответила Маринетта. — А это ты, Дельфина?

Не без труда они вылезли из кроваток и встали на ноги. Дельфина, превратившаяся в красивого ослика, была намного меньше сестры, крупной, на голову выше ослика, лошади першеронской породы.

— У тебя красивая шерстка, — сказала Дельфина сестре, — и если бы ты могла видеть свою гриву, я думаю, ты бы осталась довольна...

Но бедной белой лошади было не до гривы. Она смотрела на свое платье, лежавшее на стуле у кровати, и, при мысли, что, может быть, никогда больше в него не влезет, почувствовала себя очень несчастной и все ее четыре ноги задрожали. Серый ослик, как мог, успокаивал ее и, поняв, что слова тут бесполезны, принялся гладить ее по загривку своими большими ушами.

Когда мать вошла в комнату, они стояли, опустив головы и прижавшись друг к другу, и не решались поднять глаза. Мать страшно удивилась, что ее дочкам взбрело в голову привести к себе в комнату животных, да еще чужих, и она была очень этим недовольна.

— А куда же подевались мои бедовые головки? Наверное, спрятались где-нибудь в комнате — одежды-то их лежат на стульях. Ну-ка, вылезайте! Я не собираюсь с вами играть...

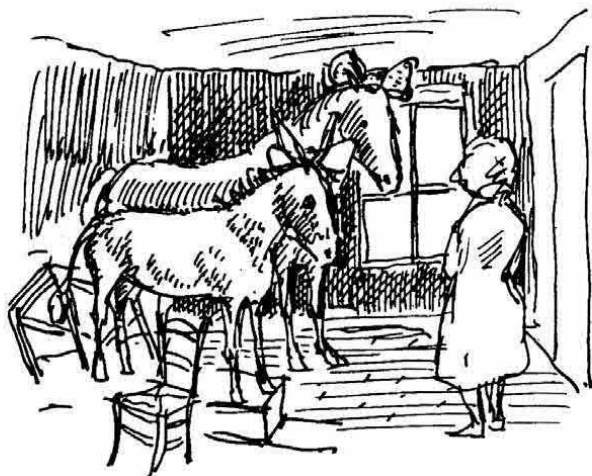
Никто не появлялся; мать стала ощупывать обе постели, а когда нагнулась, чтобы заглянуть под кровати, не там ли спрятались ее девочки, услышала шепот:

— Мама... мама...

— Да, да, я слышу вас... Ну так покажитесь, где же вы наконец? Мне ваша затея не нравится, и я очень сержусь...

— Мама... мама... — снова услышала она в ответ.

Голоса были сиплые и грустные, она с трудом узнала их. Не найдя девочек в комнате, мать обернулась и опять хотела что-то сказать им, но печальные глаза ослика и лошадки смутили ее. Первым заговорил ослик.

— Мама, — сказал он, — не ищи Маринетту и Дельфину... Видишь эту большую лошадь? Это и есть Маринетта, а я — Дельфина.

— Что вы мне голову морочите? Я же вижу, что вы не мои дочки!

— Это мы, мама, — сказала Маринетта, — мы, твои девочки...

И правда, то были голоса Маринетты и Дельфины. Не-

счастливая мать расплакалась, и дочери, прижавшись к ней головами, заплакали тоже.

— Подождите-ка здесь, — сказала наконец мать, — я схожу за отцом.

Вскоре пришел и отец; вволю наплакавшись, он стал думать, как теперь жить его дочкам. Прежде всего, и речи не могло быть, чтобы они остались в своей комнате, для таких больших животных она слишком мала. Лучше всего поселить их в конюшне со свежей подстилкой и полной сена кормушкой. Туда отец и повел их, а по дороге, поглядев на лошадь, задумчиво прошептал:

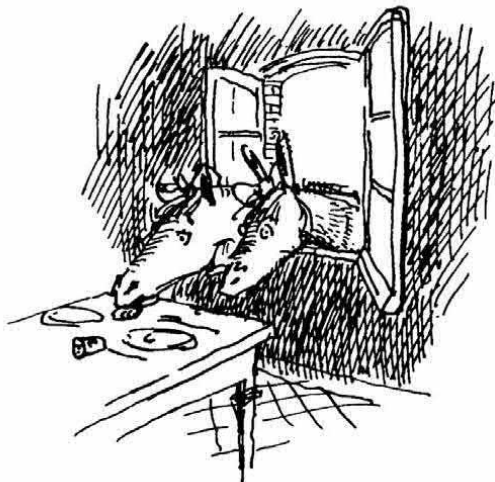
— А лошадка-то недурна...

В хорошую погоду ослик и лошадка, покинув конюшню, гуляли на лугу и щипали травку, разговаривая о том времени, когда они были девочками.

— Помнишь, — говорила лошадка, — мы с тобой однажды гуляли на этом лугу, пришел гусь и отнял у нас мячик...

— И еще щипал нас за ноги...

И ослик с лошадкой заливались слезами. За завтраком, обедом или ужином они приходили в кухню, садились там рядом с псом и с нежностью смотрели, как ели родители. Но через

несколько дней им было сказано, что они слишком большие, и что с ними здесь очень тесно, и что больше им на кухне не место. Пришлось им перебраться во двор и глядеть в кухню через раскрытое окно, положив головы на подоконник.

Родители, конечно, очень печалились о том, что приключилось с Дельфиной и Маринеттой, но через месяц они уже не так убивались и вполне привыкли к виду ослика и лошадки. По правде говоря, они стали относиться к ним менее внимательно. Ну, например, мать перестала, как это было в первые дни, вплетать в гриву лошадке любимую ленточку Маринетты и не надевала больше на ногу ослику игрушечные часики. И вот однажды, когда отец был особенно не в духе, он увидел за завтраком, что ослик и лошадка просовывают головы в приоткрытое окно, и закричал им:

— А ну-ка, убирайтесь отсюда! Нечего животным совать свой нос в кухню... И вообще, что вы шатаетесь целый день по двору? Ну на что стал похож наш дом? А вчера я видел вас в саду, это уж совсем чересчур! Так вот, чтобы с сегодняшнего утра это прекратилось, ваше место в стойле или на лугу.

Опустив головы, они ушли в полном отчаянье. С этого дня они старались не попадаться под руку отцу и видели его только в конюшне, когда он приходил менять им подстилку. Родители казались им еще более грозными, чем раньше, и они все время чувствовали себя виноватыми, хотя и не знали в чем.

Однажды в воскресенье, после обеда, пощипывая травку на лугу, они увидели, что к дому идет их дядя Альфред. Еще издалека он закричал родителям:

— День добрый! Это я, дядя Альфред! Я пришел повидать вас и расцеловать обеих малышей... Но что-то я их не вижу?

— Вам не повезло, — ответили родители. — Они сейчас у своей тети, у Жанны!

Ослику и лошадке очень хотелось сказать дяде Альфреду, что Дельфина и Маринетта никуда не делись, а превратились в тех несчастных животных, которых он видит перед собой. Он ничего не смог бы изменить, но заплакал бы вместе с ними,

а ведь и это немало. Но они не осмелились заговорить, боясь, что рассердят этим родителей.

— Надо же, — сказал дядя Альфред, — как жаль, что не удалось повидать моих беляночек... А скажите, что это у вас за ослик и лошадка? Я этих красавцев раньше у вас не видел, да и в последнем письме вашем о них речи не было.

— Они у нас недавно, и месяца не будет...

Дядя Альфред стал гладить ослика и лошадку и очень удивился: и тот, и другая так нежно смотрели на него и так охотно тянулись к нему! Еще больше он изумился, когда лошадка преклонила перед ним колени и сказала:

*Вы, должно быть, очень устали, дядя Альфред.
Садитесь ко мне на спину и я доведу вас
до кухни.*

— Дайте мне ваш зонтик, — сказал ослик, — зачем вам тащить его. Повесьте-ка его мне на ухо.

— Вы очень любезны, — ответил дядюшка, — но здесь так близко, что вам не стоит беспокоиться.

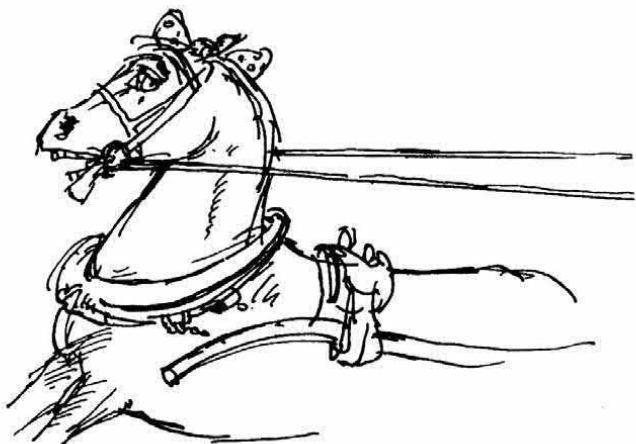
— Вы бы доставили нам такое удовольствие, — вздохнул ослик.

— Послушайте, — оборвали их родители, — оставьте своего дядюшку в покое, идите-ка на луг. Достаточно он на вас посмотрелся.

Гостя немного удивило, что они сказали «своего дядюшку», будто он приходился дядей ослику и лошадке. Но ослик и лошадка так ему понравились, что он и не подумал обидеться. Уходя, дядя Альфред без конца оборачивался, помахивая им своим зонтиком.

Вскоре ослика и лошадку стали кормить намного хуже. Запасы сена сильно уменьшились, и родители в первую очередь заботились о том, чтобы его было достаточно для волов и коров: волы прилежно работали, а коровы давали хорошее молоко. Ну, а овса ослик и лошадка вообще не видели уже давным-давно. Им даже не разрешали гулять в лугах — надо было дать траве вырасти, скоро сенокос. Они могли пастись только в оврагах и по обочинам дорог.

Родители были не настолько богаты, чтобы прокормить всех своих животных, поэтому решили продать волов и заставить работать осла и лошадь. И вот однажды утром отец запряг лошадь в телегу, а мать отправилась в город на рынок, нагрузив осла двумя мешками овощей. В первый день родители были с ними очень терпеливы. На второй они ограничились замечаниями. Потом пошли упреки, а то и попросту ругань. Лошадь с перепугу вконец растерялась и уже не знала, когда идет вкривь, а когда вкось. Тогда отец так грубо потянул поводья,

что удила жестоко поранили ее губы и от боли у нее вырвалось ржание.

Однажды на высоком подъеме лошадь, выбившись из сил, стала двигаться с трудом и останавливаться на каждом шагу. Груз был слишком тяжел, и с непривычки она не могла его вытянуть. Сидя на телеге с вожжами в руках, отец злился из-за того, что лошадь идет так медленно, слишком часто останавливается, и ее снова надо погонять, чтобы она шла дальше. Сначала он только понукал ее, прищелкивая языком. Это не помогало, он стал браниться, вышел из себя и проорал, что в жизни не видел такой дрянной клячи. Услышав это, лошадь от изумления чуть не упала.

— Эй, ты! Н-но! — кричал отец. — Н-но! Ну и дрянь. Ну подожди, я заставлю тебя работать!

В бешенстве он несколько раз пригрозил ей кнутом, а потом и стеганул по боку. Лошадь не издала ни звука, но повернула голову и таким грустным взглядом посмотрела на отца, что кнут выпал у него из рук, и он покраснел до ушей. Соскочив с телеги, он обнял лошадь за шею и стал просить прощения за грубость.

— Я и забыл, кто ты мне. Понимаешь, мне показалось, что у меня просто обыкновенная лошадь.

— Все равно, — сказала она. — Даже и обыкновенную лошадь нельзя так сильно бить кнутом.

Отец пообещал, что впредь будет следить за собой и не позволит себе так злиться; он и вправду долго обходился без кнута. Но однажды, когда он уж очень спешил, отец не сдержал слова и стеганул лошадь по ногам.

Вскоре это вошло у него в привычку, и он хлестал бедное животное не раздумывая. А если вдруг у него и появлялись смутные угрызения совести, он только пожимал плечами, говоря:

— Либо у тебя есть лошадь, либо нет. В конце концов, должен же я заставить ее слушаться.

Ослику тоже трудно было позавидовать. Каждое утро, с тяжелой ношей на спине, он шел в город на рынок, и это в любую погоду! Когда шел дождь, мать раскрывала зонт, но ей было совершенно наплевать, что ее ослик мокнет.

— Раньше, — говорил он, — когда я был девочкой, ты бы не позволила мне мокнуть под дождем.

— Если бы с ослами надо было обращаться так же бережно, как с детьми, — отвечала мать, — толку бы от тебя не было никакого, и уж не знаю, что бы мы тогда стали вообще с тобой делать.

Не только лошади, но и ослику приходилось терпеть побои. Как это случается с ослами, он порой бывал очень упрямым. На перекрестках он иногда ни с того ни с сего резко останавливался и отказывался идти дальше. Сначала мать пыталась уговорить его лаской.

— Ну, послушай, — говорила она, поглаживая его, — будь умницей, Дельфиночка. Ты же всегда была хорошей, послушной девочкой...

— Нету больше никакой Дельфиночки, — отвечал ослик, даже не сердясь. — Есть только осел, который не хочет двигаться с места.

— Слушай, перестань упрячиться, хуже будет! Считаю до десяти. Думай!

— Все обдуманно!

— Раз, два, три, четыре...

— Я и шага не сделаю.

— ...пять, шесть, семь...

— Скорее уши дам отрезать.

— ...восемь, девять, десять! Ну, пеняй на себя!

И на ослика сыпался целый град палочных ударов, так что в конце концов он сдавался и шел дальше. Но самым ужасным

в новой жизни для ослика и лошадки была разлука. Ни в школе, ни дома Дельфина и Маринетта раньше ни на час не разлучались. А осел и лошадь днем работали врозь, вечерами же, когда они наконец встречались, были так изнурены, что перед тем, как заснуть, только и успевали пожаловаться друг другу на жестокость хозяев. И потому они с нетерпением ждали воскресенья.

В этот день они были свободны и могли проводить его вместе: хотели — шли гулять, хотели — оставались в конюшне. Они упросили родителей позволить им играть с их куклой, которую им положили в кормушку на соломенную постельку. Рук у них теперь не было, они не могли ни покачать, ни одеть, ни причесать ее, в общем, не могли заботиться о ней так, как это обычно требуется кукле. Вся игра заключалась в том, чтобы смотреть на нее и разговаривать с ней.

— Это я, твоя мама Маринетта, — говорила лошадь. — О, вижу-вижу, ты заметила, что я немного изменилась.

— Это я, твоя мама Дельфина, — говорил ослик. — Ну не смотри так на мои уши.

Под вечер они щипали травку вдоль дорог и подолгу разговаривали о своих бедах. Лошадь запальчиво обличала хозяев.

— Удивительно, — говорила она, — как другие животные позволяют так грубо с собой обращаться! Ладно еще мы-то, свои! Но если бы они не были моими родителями, я бы уж точно давно от них сбежала.

Лошадь не могла сдержатъ рыданий, а за ней и ослик без конца шмыгал носом.

Но вот однажды воскресным утром родители привели на конюшню человека в синей блузе. Он остановился возле лошади и сказал грубым голосом, обернувшись к родителям, стоявшим у него за спиной:

— Это именно та лошадь. Ее я на днях и видел на дороге. О, память у меня прекрасная: однажды увижу лошадь — так узнаю ее из тысячи. Такая уж у меня профессия.

Он рассмеялся и добавил, дружески похлопав лошадку по боку:

— Славная лошадка. Я бы сказал, вполне в моем вкусе.

— Но мы показали ее просто чтобы сделать вам приятное, — сказали родители. — На большее и не рассчитывайте.

— Ну да, все так говорят, — хмыкнул он, — а потом передумывают.

Тем временем он все вертелся вокруг лошади, осматривал ее, ощупывал ей живот и ноги.

— Может, хватит? — сказала ему лошадь. — Знаете, мне ваши замашки не очень-то нравятся.

Толстяк только хихикнул и, раздвинув ей губы, стал осматривать зубы. Затем, повернувшись к родителям, сказал:

— А если я прибавлю еще две сотни?

— Нет, нет, — сказали родители и покачали головой, — хоть две, хоть три... Пустое это все!

— А если пять?

Родители немного помедлили с ответом. Они сильно покраснели и не решались поднять глаз.

— Нет, — прошептала мать так тихо, что ее едва можно было расслышать. — О, нет!

— А если тысячу? — выкрикнул человек в блузе, и его грубый, совсем как у людоеда, голос напугал лошадку и ослика. — Ну, что? Если я тысячу прибавлю?

Отец хотел было что-то ответить, но осекся, закашлялся и дал понять толстяку, что лучше им поговорить на свежем воздухе. Они вышли во двор и там быстро поладили.

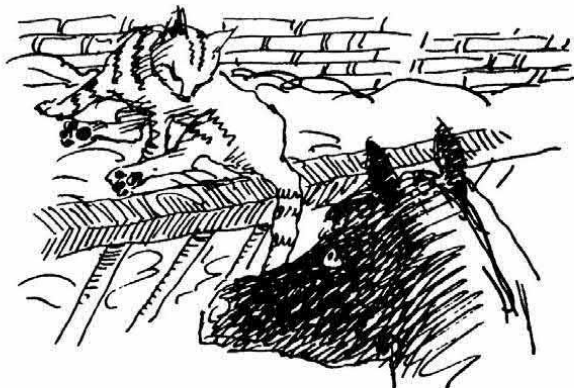
— Насчет цены мы договорились, — сказал барышник. — Но прежде чем купить ее, я хочу, чтобы она прошла и пробежалась передо мной.

Это услышал кот, дремавший на краю колодца. Он тут же побежал на конюшню и сказал на ухо лошади:

— Когда хозяева выведут тебя во двор, хромай все время, пока этот тип будет смотреть на тебя.

Лошадь послушалась совета. Перешагнув порог конюшни, она притворилась, что у нее болит нога, и захромала.

— Вот те на, еще не хватало! — сказал толстяк родителям. — Вы же мне не сказали, что у нее нога больная. Это меняет дело.

— Да она притворяется, — заверили его родители. — Еще утром у нее все четыре ноги были здоровые.

Но толстяк и слушать ничего больше не хотел и ушел, не глядя на лошадь. Родители отвели ее обратно в конюшню. Настроение у них было испорчено.

— Ты нарочно это сделала, — проворчал отец. — Тварь проклятая, я уверен, что нарочно!

— Тварь проклятая? — переспросил ослик. — Нечего сказать, милое обращение к родной дочери! Ай да родители!

— Я бы и слушать не стал ослиную болтовню, — сказал отец. — Но на этот раз, по случаю воскресенья, я, так и быть, отвечу на твою дерзость. Тебя послушать, так и правда можно решить, что мы — родители осла и лошади. И вы могли подумать, что мы поверим в такое глупое вранье? Да любой разумный человек только плечами пожмет, слушая рассказы про то, как две девочки превратились одна в лошадь, а другая в ослика! На самом деле вы самые обыкновенные животные, и больше ничего. Причем нельзя даже сказать, что сносные, куда уж там!

Сначала ослик даже не нашел, что сказать, так ему было больно, что родители вообще отреклись от них. Он потерял щекой о морду лошади и сказал ей, что если родные отец и мать совсем ее забыли, то на друга по конюшне она всегда может положиться.

— Хоть и с четырьмя копытцами и с большими ушами, я все равно остаюсь твоей сестренкой Дельфиной, что бы они ни говорили!

— Мама, — спросила лошадь, — и ты тоже, — ты считаешь, что мы не твои дочки?

— Вы хорошие животные, — слегка смутившись, ответила мать, — но я прекрасно знаю, что вы не можете быть моими дочерьми.

— Вы нисколько на них не похожи, — подтвердил отец. — И вообще хватит, довольно! Пошли отсюда, жена.

Родители ушли из конюшни, но ослик успел сказать им вслед:

— Раз вы так уверены, что мы не ваши дочки, я удивляюсь вашему легкомыслию, как это вы так спокойны? Странные, право, родители, одним прекрасным утром у них исчезают обе дочери, а они и не думают беспокоиться! Разве вы искали их в колодеце, в пруду, в лесу? Объявляли розыск?

Родители ничего не ответили, но, выйдя во двор, мать тяжело вздохнула:

— И все же... а вдруг это наши малышки?

— Да нет! — недовольно сказал отец. — Что ты такое болтаешь! Пора уже покончить с этими глупостями. Никто никогда не видел, чтобы ребенок или даже взрослый человек превратился в какую-то клячу или в любое другое животное. Поначалу мы просто развесили уши и поверили во все эти рассказы животных, но было бы смешно продолжать верить во все это!

И родители сделали вид, что теперь им все совершенно ясно, а может, они даже искренне так считали. Однако они по-прежнему не расспрашивали, видел ли кто Дельфину или Маринетту, и не рассказали никому об их исчезновении. Когда кто-нибудь интересовался, как поживают девочки, отвечали, что они гостят у тети Жанны. Порой, когда родители заходили в конюшню, ослик и лошадка пели им песенку, которой отец когда-то научил своих девочек.

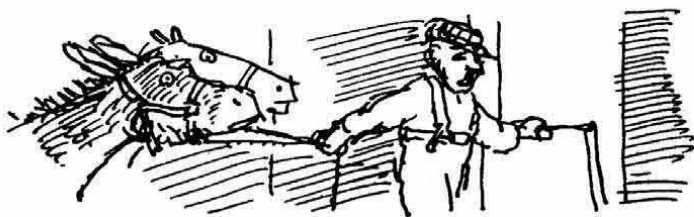
— Ты не узнаешь песенку, которой ты нас научил? — спрашивали они.

Пастух в деревне жил,
Бездельником он был.
И пастушка там жила,
Всех овец она пасла,
Всех овец она пасла.

— Узнаю, — отвечал отец, — конечно, узнаю, но эту песенку можно было выучить где угодно.

После долгих месяцев тяжелой работы ослик и лошадка почти не помнили, кем были когда-то. А если и вспоминали, то как о сказке, в которую верили только наполовину. Впрочем, воспоминания их не совпадали. Обоим казалось, что каждый

из них — Маринетта, однажды они даже из-за этого поссорились и решили больше про это не говорить. С каждым днем им все больше нравилась работа, их все больше устраивала жизнь домашних животных, и они уже считали совершенно нормальным, что хозяева время от времени бьют их.

— Сегодня утром, — говорила лошадь, — меня пришлось отхлестать по ногам, и поделом, я еще никогда не была такой бестолковой.

— И со мной, — говорил ослик, — вечно одно и то же. Меня опять поколотили за упрямство. Надо все-таки исправляться.

Они больше не играли с куклой и просто не поняли бы теперь, как можно вообще в это играть. Они почти не радовались тому, что наступало воскресенье. Выходные казались им ужасно длинными, потому что им было почти не о чем говорить. Лучшим развлечением был спор о том, что более благозвучно: рев или ржание. В конце концов спор превращался в ругань; кляча и ослица — так они теперь обзывались.

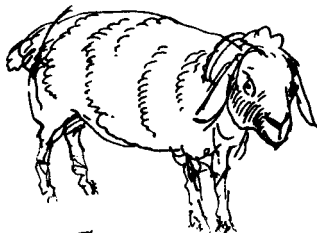
Родители были довольны ими. Они говорили, что никогда не видели таких спокойных животных, и радовались, что те так хорошо работают. И в самом деле, благодаря хорошей работе лошади и осла родители стали богаче и смогли купить себе по паре туфель.

Однажды рано утром отец вошел в конюшню, чтобы задать лошади овса, и был неизменно удивлен. На соломе, там, где были животные, лежали две девочки, Дельфина и Маринетта. Бедный отец не мог поверить своим глазам; и тут же подумал, что больше никогда не увидит своей прекрасной лошади. Он пошел рассказать обо всем жене и вернулся вместе с ней на конюшню, чтобы отнести спящих девочек в их кроватки.

Когда Дельфина с Маринеттой проснулись, давно пора было идти в школу. Они были словно в оцепенении, руки совсем их не слушались. В классе они делали глупость за глупостью и отвечали невпопад. Учительница заявила, что никогда не видела таких тупых детей, и поставила каждой по дюжине плохих отметок. Грустный это был для них день. Увидев плохие отметки, родители рассвирепели и посадили девочек на хлеб и воду.

К счастью, девочки очень быстро стали такими, как раньше. Они прекрасно занимались на уроках и приносили только хорошие отметки. Дома они тоже вели себя примерно, и придирались, прямо сказать, больше было не к чему. Отец с матерью были теперь счастливы, потому что снова обрели своих дочек, которых нежно любили, они ведь, в сущности, были добрейшими родителями.

баран

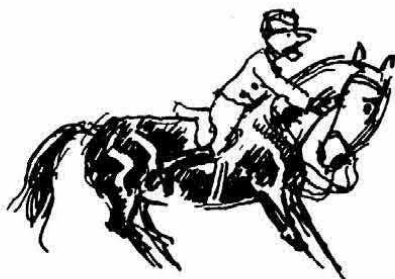
Однажды Дельфина и Маринетта сидели на обочине дороги, свесив ноги в канаву, и гладили большого барана, которого когда-то, еще ягненком, подарил им дядя Альфред. Баран склонял голову на колени то одной, то другой сестричке, и все втроем они пели песенку «В саду раскрылся розовый бутончик».

Родители барана не жаловали. Они расхаживали по двору среди разных полезных животных, на барана же поглядывали искоса и бормоча сквозь зубы, что он только отвлекает девочек от работы и что было бы больше толку, если бы они взялись за уборку или сели подрубать платочки, а не нежничали с этим бездельником.

— Хоть бы кто избавил нас от этого косматого увальня, то-то была бы радость!

Время близилось к полудню, труба на крыше мирно дымилась. И вот, не успели родители договорить, как на дороге из-за поворота показался солдат, он ехал на войну верхом на горячем вороном коне. Заметив, что на него смотрят, солдат решил покрасоваться и хотел поднять коня на дыбы, но тот не послушался, остановился как вкопанный, повернул голову к всаднику и сказал:

— Эй вы там, что еще за штучки? Мало того что я должен тащиться целый день по солнцепеку и терпеть у себя на спине пьянчугу, который и в седле-то еле держится, так теперь вам

еще понадобилось откалывать цирковые номера? Предупреждаю...

— А ну, заткнись, кляча поганая! Сейчас я тебя живо выучу послушанию! — перебил солдат, вонзая коню в бока шпоры и натягивая поводья.

Конь сначала взвился на дыбы, а потом принялся так бешено брыкаться, что солдат выскочил из седла, перелетел через его голову и плюхнулся на брюхо посреди дороги, ободрав себе руки, чуть не выбив зубы и перепачкав новенький мундир.

— Я предупреждал, — сказал конь. — Вы хотели, чтобы я встал на дыбы? Пожалуйста. Довольны теперь?

Солдат кое-как поднялся на коленки, и, разумеется, эти слова только еще пуще разозлили его. Когда же он заметил, что Дельфина и Маринетта с бараном, родители и все животные с фермы обступили его и глядят, как он барахтается на чет-

вереньках в пыли, то вконец разъярился, выхватил свою длинную саблю и, размахивая ею, бросился к вороному. По счастью, родители успели удержать его и стали уговаривать не торопиться с наказанием.

— Что толку убивать коня? — сказали они. — Вместо того чтобы спокойно ехать на войну верхом, вам придется идти на своих двоих; чего доброго, опоздаете и прозеваете битву. С другой стороны, эта тварь действительно так оскорбила вас, что довериться ей снова никак невозможно. Если вы твердо решили от нее отделаться, почему бы не сделать это с выгодой для себя? Вот поглядите, у нас есть мул, который вам отлично подойдет. И мы, так и быть, отдадим его вам в обмен на лошадь.

— Неплохо придумано! — сказал солдат и спрятал саблю в ножны.

Родители взяли вороного под уздцы и потянули во двор, а солдату вывели мула. Увидев это, девочки возмутились. С какой это стати вдруг выгонять из дома мула, старого друга, и отдавать его первому встречному, да еще такому грубияну? А баран со слезами на глазах сокрушался о судьбе своего друга.

— А ну, тихо! — рявкнули родители страшными голосами и прибавили, как только солдат повернулся к ним спиной: — Выгодная сделка сама идет в руки, а вы своей болтовней хотите все испортить! Заткните-ка рот вашему барану, не то мы его мигом острижем наголо.

Сам же мул не возразил ни словом, но, пока его взнуздывали, подмигнул разок-другой Дельфине и Маринетте.

Наконец солдат взгромоздился на нового скакуна, лихо закрутил усы и крикнул: «Вперед!» Но мул не пошевелился, и ни шпоры, ни удила, которыми безжалостно терзал его солдат, не могли заставить его сдвинуться с места. Угрозы, брань, побои — все было бесполезно.

— Ах, ты так, — сказал солдат, — ну, получай же!

Он слез на землю и снова вытащил саблю, собираясь проткнуть мула.

— Не спешите, — остановили его родители, — послушайте-ка лучше. Спору нет, эта тварь стоит того, чтобы ее проучили,

раз не желает слушаться хозяина, но вы ведь знаете, все мулы жутко упрямы. Саблей делу не поможешь. А у нас тут есть отличный ослик, выносливый, не знает усталости, и на корме не разоритесь. Берите его, а мула верните нам.

— Неплохо придумано, — сказал солдат и спрятал саблю в ножны.

Бедняге ослику, который должен был теперь заменить мулу, нисколько не хотелось покидать ферму, где оставались все его приятели и самые лучшие друзья — Дельфина, Маринетта и баран. Однако же, ничем не выдавая своего горя, он, как всегда смиренный и покорный, подошел к новому хозяину. У сестренки защемило сердце, баран разрыдался в голос.

— Господин солдат, — умолял он, — будьте поласковее с осликом. Это наш друг.

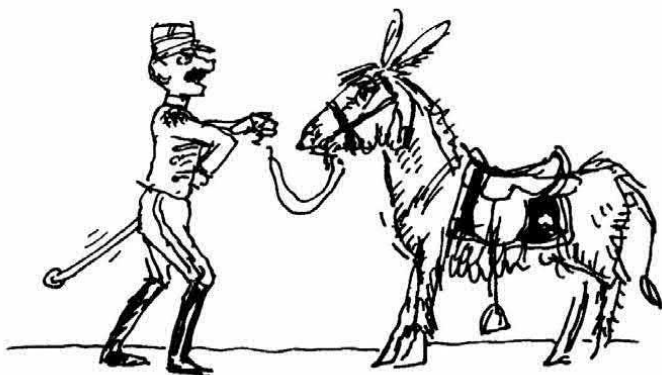

Но родители пригрозили ему кулаком и прошипели:

— Эй ты, паршивый баран, смотри — сорвешь нам своей дурацкой болтовней выгодное дельце, так держись!

Солдат же, не обращая ни малейшего внимания на мольбы барана, взгромоздился на осла. Не успел он закрутить усы и крикнуть «Вперед!», как ослик пошел сам, но не вперед, а назад, да еще зигзагами, так что солдат чудом не слетел в канаву. Увидев, что и это животное упрямится, солдат спрыгнул и, скрежеща зубами, проговорил:

— Ах, ты так! Ну, получай же!

И он в третий раз вытащил саблю. Ослику точно пришел бы конец, если бы родители не схватили солдата за руки и за полы мундира.

— Не везет вам со скотиной, что и говорить, — сказали они. — Но в общем-то, оно и неудивительно. Что осел, что мул, что конь — одно племя, нам бы сразу сообразить! Почему бы вам не испробовать барана? Это очень послушное и во всех отношениях полезное животное. Если, например, в пути вам понадобятся деньги, вы просто берете и стрижете его. Шерсть продаете за хорошую цену, а скотина остается при вас — ежайте себе дальше. У нас как раз есть баран с роскошной длинной шерстью. Вон он, рядом с девчонками. И из любви к вам мы, так и быть, отдадим его в обмен на осла.

— Неплохо придумано! — сказал солдат и спрятал саблю в ножны.

Дельфина и Маринетта, обхватив своего приятеля, вопили

и не отпускали его, но родители оттащили их и заставили замолчать. Баран бросил на бывших хозяев полный невыразимой грусти взгляд, но, не промолвив ни слова в упрек, подошел к солдату.

А тот потряс у него перед носом вложенной в ножны саблей и угрожающе сказал:

— Ну вот что, запомни хорошенько, я не абы кто, я солдат, и требую, чтоб меня слушались и почитали. Если что не по мне — мигом отхвачу тебе башку. И никаких больше обменов. А то еще немного, и мне придется ехать на войну верхом на селезне или индюке.

— Будьте спокойны, — сказал баран, — у меня покладистый нрав. Верно, потому, что меня воспитывали две девочки. Я буду служить вам со всем старанием. Но мне тяжело расставаться с моими дорогими хозяйками. Видите ли, господин солдат, дядя Альфред вручил им меня, когда я был таким маленьким, что они еще целый месяц кормили меня из соски. И мы всегда были неразлучны. Вот почему я так огорчен и девочки горюют не меньше моего. Прошу вас, пожалуйста нас и позвольте мне задержаться на минутку, чтобы проститься и поплакать с ними вместе.

— Не хватало еще баранов жалеть! — закричал солдат. — Видали? Не успел поступить ко мне на службу, как уже норовит улизнуть! Так бы и отрубил ему башку на месте! Ну и наглец!

— Что ж, нет так нет, — вздохнул баран. — Я вовсе не хотел сердить вас.

Солдат без особого труда влез на нового скакуна, но тут оказалось, что ноги его волочатся по земле. Тогда ему пришлось в голову повесить на грудь барану саблю и перекинуть через нее ноги, чтобы они держались на весу, что он и сделал и так расхотался, довольный своей сообразительностью, что чуть не свалился. А несчастному барану, еле выдерживавшему тяжесть всадника, было не до смеха. Сестренки не помнили себя от горя и негодования, и, не удержи их родители, они бы ни за что не отдали барана и освободили его, даже если бы пришлось скинуть солдата наземь. Не меньше их были возмущены и живот-

ные, но родители так поглядывали и покрикивали на каждого, кто пытался открыть рот, что всякая охота вмешиваться тут же пропадала. Например, селезню, который что-то громко крикнул, они сказали, злобно прищурившись:

— В огороде как раз созрела редька. Отличный был бы гарнир. Просто отличный.

И бедный селезень осекся, опустил голову и быстро спрятался за колодцем.

Один только вороной конь без всякого страха подошел к своему бывшему хозяину и спокойно сказал:

— Уж не собираетесь ли вы и впрямь отправиться в поход верхом на баране? Помяните мое слово, над вами все будут потешаться, не говоря уж о том, что на таком слабом скакуне вы вообще далеко не уедете. Образумьтесь же, отдайте барана девочкам — поглядите, как они плачут! — и садитесь на меня. Право, вам будет гораздо удобнее, да и выглядеть будете куда пристойнее.

Эти доводы поколебали солдата, он взглянул на широкие бока вороного и, похоже, понял, что ехать на коне удобнее, чем на баране. Но родители, заметив, что он готов пойти на попятную, твердо сказали, что вороной теперь принадлежит им.

— Он нам самим нужен. Да и не начинать же снова меняться в обратном порядке, ведь этому конца не будет.

— И правда, — согласился солдат. — Время идет, там воюют без меня. Этак мне никогда не стать генералом.

Он закрутил усы, свесил ноги через саблю и, понукая барана, поскакал вперед без оглядки. Скоро он скрылся за поворотом, и все животные принялись тяжело вздыхать. Даже родителям стало не по себе. Когда же Маринетта сказала Дельфине: «Скорей бы приехал дядя Альфред!», и та ответила:

«Да уж! Приехал бы да узнал, что тут произошло», — они не на шутку забеспокоились, взглянув на дочек чуть ли не со страхом, пошептались между собой и сказали: «Нам нечего скрывать от дяди Альфреда. Он и сам нас похвалит, когда узнает, как ловко мы выменяли самого обыкновенного барана на чудесного вороного коня».

Во дворе поднялся ропот; Дельфина, Маринетта и все животные — мул и ослик, куры, утки и индюшки, волы и коровы с телятами, кот — так укоризненно смотрели на родителей, что те в конце концов сердито закричали:

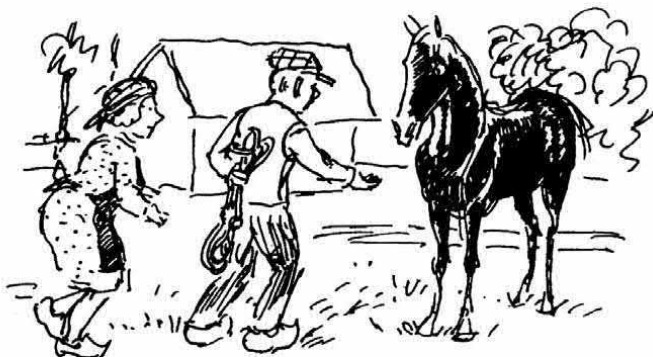
— Вы что же, так целый день и будете стоять и глаза пялить? Можно подумать, здесь балаган, а не порядочный двор, где все привыкли работать. Ну-ка, разоидитесь все по своим местам. А ты, конь, будешь тепер жить в стойле. Давай-ка, мы тебя туда отведем.

— Благодарю покорно, — возразил вороной, — но мне вовсе не хочется идти в вашу конюшню. Вы, кажется, полагали, будто обделали выгодное дельце, так вот, вы ошиблись. Запомните,

никогда вам не быть моими хозяевами, это мое твердое решение, так что можете считать, что вы променяли несчастного барана на ветер в поле. И осталось вам только пожалеть о своей жестокости и несправедливости.

— Ты огорчаешь нас, вороной, — сказали родители. — Поверь, мы не такие злые, как ты думаешь. Во всяком случае, мы предлагаем тебе стойло только для того, чтобы ты мог отдохнуть после долгого пути. Ты ведь, наверное, устал...

Расточая медовые речи, они исподтишка подходили все ближе к коню, чтобы накинуть на него узду. Он же ничего не подозревал и чуть не попался. Девочек уже не было, они ушли накрывать на стол, а все животные разошлись, как им было велено, по местам. На счастье, селезень, по-прежнему сидевший за колодезем, как раз выглянул, тут же все понял и, забыв всякую осторожность и страх за себя, вскочил, забил крыльями и закричал:

— Берегись, вороной! Не верь родителям — они прячут за спиной уздечку с удилами!

Повторять ему не пришлось — конь сорвался с места и в ту же секунду был на другом конце двора.

— Никогда не забуду твоей услуги, селезень, — сказал он. — Если бы не ты, не быть бы мне на воле. Скажи, не могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

— Спасибо, — сказал селезень, — но мне трудно сказать сразу. Дай подумать.

— Так подумай хорошенько. Я забегу на днях.

С этими словами конь вышел за ворота и легкой рысью поскакал по дороге, родители же с досадой смотрели ему вслед. За обедом они сидели, насупившись, и не проронили ни слова. Их мучила мысль, что же скажет дядя Альфред, когда узнает, что они отдали за так первому встречному барана, которого

он подарил своим племянницам. Видя это, Дельфина и Маринетта тихо злорадствовали, но ничто не могло утешить их: шутка ли, потерять такого друга. Едва покончив с обедом, сестренки побежали на дуг, чтобы выплакаться. Там был селезень и, узнав причину их слез, он разрыдался вместе с ними.

— О чем вы все трое плачете? — раздался сзади голос.

Это вороной вернулся узнать как дела.

— Не могу ли я как-нибудь помочь вашему горю? — спросил он у селезня.

— О! — воскликнул тот. — Если бы вы вернули девочкам барана, я был бы счастливейшим селезнем в мире.

— Я бы с радостью, — отозвался конь. — Но как это сделать? Догнать их — дело нехитрое, небось не очень-то проворна эта пара, далеко они не ускакали. Но как убедить моего бывшего хозяина отпустить барана — вот в чем штука.

— Для начала помогите мне до них добраться, а там уж что-нибудь придумаем, — сказал селезень.

— Ну хорошо, допустим, девочки получают назад барана, а позволят ли ему вернуться сюда? Насколько я понял утром, родители были рады избавиться от бедняжки.

— Это правда, — сказала Маринетта, — но, по-моему, теперь они и сами жалеют о том, что сделали.

— А все-таки, — заметила Дельфина, — не мешало бы для надежности предупредить дядю Альфреда и привести его сюда к нашему возвращению.

Вороной спросил, далеко ли живет дядя Альфред, и, узнав, что до его дома два часа пешего хода, пообещал сбегать за ним, когда они вызволят барана.

— Ну, а сейчас скорее вдогонку за нашим лихим всадником. Время дорого!

Сестренки и селезень забрались на коня. Они промчались мимо опешивших родителей и скрылись в облаке пыли. Спустя полчаса они добрались до ближайшей деревни.

— Здесь, пожалуй, не стоит спешить, — сказал конь, переходя на шаг, — надо бы расспросить местных жителей.

В одном из первых же домов Дельфина заметила девушку, которая сидела у окошка с геранью и шила.

— Скажите, пожалуйста, — вежливо обратилась к ней Дельфина, — не проезжал ли здесь один всадник...

— Всадник? — воскликнула девушка, не дав ей договорить. — Как же, как же! Проскакал бешеным галопом через площадь, доспехи его сияли золотом, а оружие грозно звенело. Под ним был могучий конь, с волнистой, будто курчавой, шерстью, а из ноздрей у коня валил огонь и дым, так что моя герань чуть не завяла.

Дельфина поблагодарила девушку и сказала своим спутникам, что это, наверное, был какой-то другой всадник.

— Ничего подобного, — возразил конь. — Это, несомненно, те, за кем мы гонимся. Конечно, портрет несколько приукрашен, но молоденькие девушки видят военных именно так. Скакун с волнистой шерстью — это, ясно же, ваш мохнатый баран.

— А огонь и дым из ноздрей? — удивилась Маринетта.

— Да это солдат просто курил трубку.

Конь оказался прав, в чем они очень скоро убедились, когда чуть дальше развешивавшая на заборе белье крестьянка подтвердила, что видела солдата, который ехал на совершенно измученном баране.

— Я как раз полоскала в речке белье, когда они свернули на Голубую дорогу. Смотреть было больно: бедный баран еле тащил в гору этого детину, а тот еще подгонял его и лупил кулаком по голове.

Услышав этот печальный рассказ, девочки едва не расплакались, да и селезень разволновался не меньше. Только конь,

видавший на войне еще и не такое, сохранил спокойствие и спросил у крестьянки:

— А далеко ли еще до той Голубой дороги, по которой они поехали?

— Это на другом конце села, сами вы, пожалуй, не найдете. Надо бы кого-нибудь в проводники.

В это время из-за угла дома показался ее сын, мальчуган лет пяти, который тянул за веревочку красивую игрушечную лошадку на колесах. Он с завистью смотрел на девочек, сидевших на самом настоящем, большом — не то что у него — коне.

— Жюль, — сказала ему мать, — проводи-ка их до Голубой дороги.

— Ладно, мамочка, — ответил мальчуган и, не расставаясь со своей лошадкой, вышел со двора.

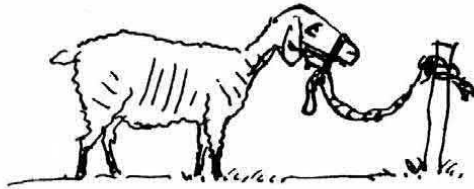
— Готов поспорить, — сказал ему вороной, — что ты был бы не прочь забраться мне на спину?

Жюль покраснел — конечно, он только об этом и мечтал. Маринетта уступила ему место и взялась везти на веревочке его лошадку, чтобы она тоже прогулялась. Дельфина усадила проводника перед собой и крепко обхватила его руками. Конь шел ровным и тихим шагом, так что Дельфина успела рассказать Жюлю грустную историю, приключившуюся с бараном. Жюль очень растрогался, он от всей души желал друзьям успеха и даже вызвался помогать им, сказав, что они могут рассчитывать на него и его деревянную лошадку. Ради спасения невинного существа они оба готовы на любые подвиги.

Ну, а Маринетта шагала впереди и тянула за собой лошадку, на которой устроился селезень. Когда же наконец они добрались до круто спускавшейся под гору Голубой дороги, Маринетта увидела внизу барана, привязанного у изгороди трактира. Она чуть не вскрикнула от радости, и селезень вместе с нею, но, приглядевшись, оба решили, что это вовсе не их друг. Ничего похожего: тот баран, внизу, был совсем хилый и щуплый.

— Нет, — вздохнула Маринетта, — это не наш.

И остановилась, поджидая спутников. А селезень взгромоз-

дился на голову деревянной лошадки, чтобы получше разглядеть трактир и двор. И вдруг ему показалось, что на шее у того барана что-то поблескивает — уж не сабля ли? Селезень запрыгал и закричал так, что чуть не свалился с лошадки:

— Это он! Это наш баран! Говорю вам, наш!

Но ему не поверили. Конечно, он ошибся: это чужой баран, он же совсем маленький.

— Да как вы не понимаете, — сказал тогда селезень в сердцах, — новый хозяин постриг его, прекрасной курчавой шерсти больше нет, поэтому он и кажется не больше ягненка. Солдат, верно, продал шерсть, чтобы выпить в трактире.

— Ей-богу, верно! — воскликнул вороной. — Сегодня утром у него в кармане не было ни гроша, и не думаю, чтоб ему дали вина в кредит. Да я должен был сразу догадаться, что мы найдем его в первом же трактире, уж я-то знаю этого пьянчугу. И все-таки надо бы убедиться, точно ли это наш баран.

Что ж, долго ждать не пришлось, баран сам его убедил: он увидел, кто стоит на горе, и не замедлил сообщить Дельфине и Маринетте, что узнал их. «Это я, ваш баран!» — прокричал он несколько раз подряд, в то же время знаками показывая им, чтобы были осторожны. После третьего возгласа на пороге трактира показался солдат. Видно, вышел посмотреть, что стряслось. Погрозив барану кулаком, он снова скрылся. К счастью, он не додумался взглянуть на гору, иначе непременно узнал бы вороного — не так уж далеко до него было — и заподозрил неладное. Впрочем, он успел изрядно хлебнуть, так что в глазах у него уже туманилось.

— Вот оно что, — сказал селезень. — За бараном следят в оба. Это усложняет дело.

— А что ты задумал? — спросил конь.

— Что задумал? Да просто потихоньку отвязать барана и отвести домой. Я сейчас и собираюсь поступить именно так.

— Боюсь, у тебя ничего не выйдет, — сказал вороной. — А даже если получится, думаешь, баран будет спасен? Да как только солдат выйдет из трактира и увидит, что его скакун исчез, он решит, что тот отвязался и удрал к прежним хозяевам, и тут же явится на ферму, заявит свои права, и барана придется вернуть. Мало того, он его, как пить дать, избьет палкой, а то и снесет голову саблей. Нет-нет, надо придумать что-нибудь другое.

— Легко сказать: что-нибудь другое, а что именно?

— Ну, это уж тебе решать. Я вам тут ничем помочь не могу, мое присутствие, скорее, наоборот, все испортит. А поэтому

я лучше, как мы договорились, сбегая к дяде Альфреду, а потом поскачу вам навстречу. Хоть бы вызволить барана!

Дельфина и Жюль слезли с коня, и он ускакал, а остальные стали держать совет. Девочки надеялись, что солдата все-таки можно разжалобить, а Жюль полагал, что лучше его запугать.

— Жаль, что я не взял с собой трубу, — сказал он, — я бы затрубил ему в ухо и приказал: «А ну, отдавайте барана!»

Селезень же, несмотря на возражения коня, не отказался от мысли отвязать барана и уговорил спутников принять его план. Пока они спорили, из трактира, пошатываясь, вышел солдат. Минуту-другую он, казалось, раздумывал, ехать или нет, но потом напялил на голову фуражку и пошел к барану, явно собираясь двинуться в путь. И тут селезня осенило, словно надвигающаяся опасность подстегнула его мысль. Он вспрыгнул на деревянную лошадку и сказал друзьям:

— Очень удачно, что солдат стоит к нам спиной. Ну-ка, разгоните лошадку, да посильнее, чтобы она докатилась до самого низу, а там еще проехала несколько шагов до ворот трактира.

И вот Маринетта побежала с горки, она тянула лошадку за веревочку, а Дельфина с Жюлем подталкивали ее сзади. Примерно на полпути они отпустили ее и, спрятавшись за забором, стали смотреть, что будет дальше.

Селезень летел вниз верхом на лошадке и кричал во все горло. Солдат обернулся на шум и, стоя посреди двора, уставился на лихого наездника. А селезень, доехав донизу, сделал вид, что изо всех сил пытается осадить скакуна.

— Стой! — кричал он. — Да стой же, проклятая! Угомону на тебя нет!

Деревянная лошадка, будто подчиняясь приказу, замедлила ход на подъезде к трактиру и наконец остановилась у обочины. Колесики ее очень кстати задержала трава, и она не откатилась назад. Селезень соскочил и, не теряя времени, заговорил с солдатом, глядевшим на него, разинув рот.

— Добрый день, господин военный, — сказал он. — Хороши ли этот трактир?

— Не могу вам сказать. Во всяком случае, поят здесь хорошо, — ответил солдат, шатаясь: уж он-то выпил недурно, что правда, то правда.

— Я еду издалека, — продолжал селезень, — и мне нужно отдохнуть. Я не могу скакать целый день без передышки, как моя лошадь. Вот уж поистине необыкновенное животное, другого такого в мире не сыскать. Летит как угорелая, а чтобы она остановилась, приходится каждый раз ее упрашивать. Одолеть сто километров за пару часов для нее пустяк.

Солдат слушал, не веря своим ушам, и с завистью смотрел на бесподобного скакуна, который на вид казался очень смиренным. Но поскольку вояка был под хмельком, то не слишком доверял собственным глазам и больше полагался на слова селезня.

— Везет же вам! — вздохнул он. — Право слово, везет!

— Вы находите? — сказал селезень. — Ну а я не особенно доволен этой лошадю. Вы удивлены? Но, видите ли, для меня она слишком резва, я ведь никуда не спешу, путешествую ради собственного удовольствия, а на такой скорости ничего толком не разглядишь. Я бы предпочел ехать потихоньку, шагом.

Винные пары совсем затуманили мозги солдату, ему уже чудилось, что деревянная лошадка дрожит от нетерпения.

— Если позволите, — с хитрым видом сказал он, — я бы предложил вам поменяться. Я-то, наоборот, очень спешу, а мой баран еле ноги переставляет, так что я чуть не лопаюсь от злости.

Селезень подошел к барану, недоверчиво оглядел его, пощупал клювом лапы.

— Что-то он маловат, — заметил он.

— Да это я его постриг. А так это большой, рослый баран. Вас он вполне выдержит. Можете не сомневаться. Раз уж выдерживал меня, да еще бежал галопом!

— Галопом?! — вскричал селезень. — Галопом? Ну, знаете, глядя на вашего барана, не скажешь, что он способен на такую прыть. Но если так, не вижу, зачем мне меняться.

— Я не то хотел сказать, — забормотал солдат. — Нет-нет, послушайте, мой баран — самое спокойное, самое ленивое и самое медлительное существо на свете. Он ползет тише черепахи, тише улитки.

— Вот это да! — сказал селезень. — Не может быть! Но у вас, мой друг, такие честные глаза, что я вам верю и готов согласиться на обмен. По рукам!

Боясь, как бы селезень не передумал, солдат проворно отвязал барана и посадил селезня на него верхом. А он, не заикаясь больше об отдыхе, взялся за поводья, готовый пуститься в дорогу.

— Эй! — закричал солдат. — Погодите! Этак вы мою саблю увезете!

Он отцепил саблю, повесил ее себе через плечо и пристегнул к поясу.

— Ну, а теперь, — обернулся он к деревянной лошадке, — отправимся и мы.

— По-моему, — посоветовал селезень, — не мешало бы сначала напоить лошадь. Смотрите, она высунула язык от жажды.

— Верно, а мне и невдомек.

Солдат пошел к колодцу за водой, а баран с селезнем свернули с дороги и побежали к полю, где их поджидали девочки и Жюль; они спрятались в высокой ржи и хорошо видели все, что происходило у трактира. Дельфина и Маринетта чуть не задушили барана в объятиях. На радостях все расплакались. И еще не скоро бы успокоились, если бы их внимание не привлек крик во дворе трактира.

Солдат притащил лошадке ведро воды, но она не собиралась пить.

— А ну пей живо, негодная тварь! — заорал солдат. — Считаю до трех! Раз. Два. Три. Ну все, напьешься в другой раз.

Он опрокинул ведро ногой, уселся на лошадку, но она продолжала стоять на месте. Солдат пришел в ярость. Он принялся бранить лошадку на чем свет стоит, но, видя, что ругань не помогает, слез на землю и процедил сквозь зубы:

— Ах, ты так! Ну, получай же!

Он вытащил свою огромную саблю, размахнулся, и голова бедной лошадки полетела в дорожную пыль. А солдат спрятал саблю в ножны и пошел на войну пешком. Кто знает, может, сейчас он уже дослужился до генерала.

Друзья двинулись в обратный путь. Дельфина держала под мышкой голову деревянной лошадки, а Маринетта тянула за веревочку обезглавленное туловище. Жюлю, конечно, было нелегко видеть, как разделались с его любимицей. Но, глядя, как радуются девочки и баран, он утешился. Куда больше он огорчился, когда пришлось расставаться с новыми друзьями.

И, хотя мама пообещала ему приклеить лошадке голову, он жалобно всхлипывал, глядя, как они покидают деревню.

Дельфина и Маринетта с опаской думали, как встретят их родители. И боялись они не зря, ибо родители поминали их ежеминутно и говорили вот что:

— Оставить их без сладкого! Посадить на хлеб и воду! Надрать уши! Чтoб знали, как удирать у нас из-под носа на незнакомом коне.

Они то и дело выскакивали на порог и смотрели в ту сторону, куда уехали Дельфина и Маринетта. Но неожиданно лошадиный топот раздался с другой стороны, они обернулись и, дрожа, воскликнули:

— Дядя Альфред!

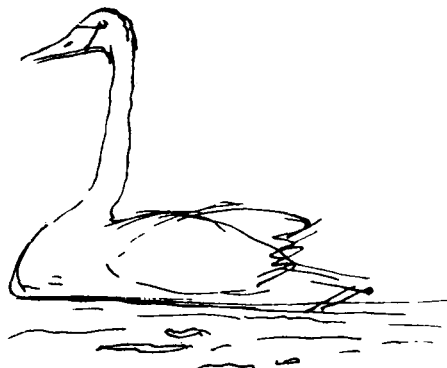
И действительно, на ферму, верхом на вороном коне, пожаловал дядя Альфред, и еще издали было видно, как он сердит. Бедные родители побледнели как полотно и, заломив руки, проговорили:

— Мы пропали. Сейчас он все узнает. Всю правду. Вот горе-то, и зачем мы отдали такого хорошего барана! Где ты, милый наш барашек!

— Я тут! — отозвался баран и вышел из-за угла дома, а за ним — селезень и сестренки.

От радости родители принялись петь и плясать. И вместо того чтобы бранить девочек, сгоряча пообещали им купить по паре новеньких тапочек и по нарядному фартуку. А потом, чтобы угодить дяде Альфреду, все еще недоверчиво следившему за ними и не слезавшему с коня, они собственноручно привязали барану на рога два розовых бантика. В довершение же всего селезень был допущен к общему столу, где он сидел между Дельфиной и Маринеттой и вел себя не хуже людей.

лебеди

Как-то утром родители поехали в город и на прощанье сказали дочкам:

— Мы вернемся поздно. Ведите себя хорошо, а главное, не переходите дорогу. А не то вернемся и так вам зададим, что не обрадуетесь!

И посмотрели на них страшными глазами.

— Не беспокойтесь, — ответили Дельфина и Маринетта, — мы не пойдем через дорогу.

— Посмотрим-посмотрим, — пробурчали родители и, бросив на девочек последний грозный взгляд, вышли со двора.

У девочек душа ушла в пятки, но очень скоро они разыгрались во дворе и обо всем забыли. А часов в девять утра незаметно очутились у самой дороги; переходить ее они не собирались, но вдруг Маринетта увидела в поле на той стороне белого козленка. И не успела Дельфина удержать сестру, как та — раз-два-три! — перебежав дорогу, пустилась вслед за козленком.

— Привет, — сказала Маринетта, поравнявшись с козленком.

— Привет, привет, — отозвался тот на ходу.

— Как ты быстро идешь! Интересно, куда?

— На сбор бездомных детей. И на болтовню у меня времени нет.

Белый козленок нырнул в высокую пшеницу, и стебли сомкну-

лись за ним. Маринетта и подросшая Дельфина остались в недоумении. Они повернули назад к дороге, но вдруг увидели чуть впереди двух крохотных, еще в желтом пуху, утят, бежавших куда-то со всех ног, догнали их и сказали:

— Эй, утята, привет!

Утята остановились и легли на землю. Они, видно, были не прочь передохнуть.

— Привет, — сказал один из них. — Хорошая нынче погода, правда? Только очень жарко. Мой братец совсем устал.

— Это видно. А вы издалека?

— О да! И путь еще неблизкий.

— Куда же вы идете?

— На сбор бездомных детей. Ну ладно, отдохнули и будет, нам пора! Опаздывать никак нельзя.

Дельфина и Маринетта хотели порасспросить утят, но те, не слушая, уже скрылись в пшенице. Умирая от любопытства, девочки сами чуть не побежали следом за утятами, но вспомнили, что им не велено ходить через дорогу. Вспомнили, честно говоря, поздновато, потому что уже успели зайти довольно далеко. И опять они повернули назад, но тут Дельфина показала сестре на какое-то белое пятнышко, двигавшееся вдали на лугу, у опушки леса. Как было не посмотреть поближе! Они побежали туда, и оказалось, что это маленький, не больше котенка, белый щенок бежит по траве во всю прыть. Лапки у него разъезжались, и он то и дело спотыкался. Сестренки окликнули щенка и спросили, куда это он торопится. Он остановился и ответил:

— Иду на сбор бездомных детей, но боюсь, не успею. Понимаете, там надо быть не позже полудня, а на моих лапках далеко не убежишь, и я ужасно устал.

— А зачем тебе на этот сбор?

— Сейчас объясню. Все, у кого нет родителей, как у меня, могут прийти на сбор бездомных детей и поискать себе семью. Говорят, на прошлогоднем сборе одного щенка усыновила лисица. Но вот беда, я опаздываю!

Вдруг щенок увидел стрекозу, вскочил на лапки, запрыгал,

залаял, завертелся волчком и повалился на траву, высунув язык и едва дыша.

— Видите,— сказал он, отдышавшись, — я еще и отвлекаюсь по пустякам. Что поделаешь — не могу удержаться, и все тут! Просто я еще очень маленький. И все время играю, отвлекаюсь, ничего не могу с собой поделать. Вот и получается так медленно. В общем у меня мало надежды добраться вовремя. Вернее, совсем никакой надежды нет. Конечно, будь у меня такие большие ноги, как у вас...

Белый щенок был очень несчастный. Дельфина и Маринетта переглянулись, потом посмотрели назад, на дорогу: что уж теперь...

— Послушай, щенок, — сказала Дельфина, — а если я возьму тебя на руки, как ты думаешь, мы успеем на сбор бездомных детей?

— Еще бы! — сказал щенок. — С такими большими ногами!

— Ну, тогда пошли. Чем скорей пойдем, тем скорей вернемся. А где он, этот твой сбор?

— Не знаю, я там ни разу не был. Но вон — видите? — впереди летит сорока, она показывает мне дорогу. Смело идите за ней. Она приведет куда надо.

Дельфина и Маринетта пустились в путь, по очереди неся белого щенка. Сорока летела впереди, иногда садясь подождать

их посреди тропинки или луга, а иногда скрываясь из виду. Белый щенок сразу заснул на руках у Дельфины. И проснулся только через два часа, когда они дошли до большого пруда. Сорока села Маринетте на плечо и сказала сестренкам:

— Ждите вот здесь, у тростников, вас скоро позовут. Ну, до свидания, желаю удачи.

Когда она улетела, девочки оглянулись и увидели, что они не одни. Повсюду на траве у пруда сидели детеныши, и каждую минуту появлялись новые. Кого тут только не было: ягнята, поросята, котята, цыплята, утята, щенята, крольчата. Устав от долгого пути, девочки тоже сели, и Дельфина чуть не заснула, но тут вдруг Маринетта воскликнула:

— Смотри-ка, лебеди!

Дельфина открыла глаза и увидела сквозь тростниковые заросли, что к острову на середине пруда плывут два больших лебедя, и у каждого на спине по крольчонку. За ними еще пара лебедей тащила связанный из веток плот, на котором стоял и мычал от ужаса теленок. Со всех сторон большие белые лебеди тянулись к острову. Девочки не могли на них наглядеться. Вдруг из ближайших зарослей на берег вышел лебедь и направился прямо к ним. Он строго посмотрел на них и спросил:

— Бездомные дети?

— Да, — ответила Маринетта, показывая на свернувшегося у нее на коленях щенка.

Тогда лебедь обернулся, издал пронзительное шипенье, и появились еще двое лебедей, тянувших плот.

— Залезайте, — скомандовал лебедь, который, похоже, заведовал перевозками.

— Постойте, — попробовала возразить Дельфина, — я вам объясню...

— Никаких объяснений, — перебил ее лебедь. — Объясняться будете на острове, если вам так хочется. А сейчас поехали.

— Дайте же мне сказать...

— Хватит болтать!

С угрожающим видом лебедь наклонил свою длинную шею, собираясь ущипнуть девочку за ноги.

— Ну, давайте, — сказал один из запряженных в плот лебедей. — Время дорого!

Перепуганные девочки не посмели больше противиться и залезли на плот. Лебеди повезли их на середину пруда, прямо к острову. Было очень приятно прокатиться, и сестренки уже не жалели, что их забрали с берега. То и дело мимо них скользили другие лебеди. Одни, сгрузив пассажиров, плыли за но-

выми, другие — кто с котенком, кто с поросенком на спине, — причаливали к острову. Белый щенок так радовался плаванию, что Маринетта еле удерживала его, чтобы он не плюхнулся в воду.

Плыли минут пятнадцать. На острове сестренки со щенком встретил другой лебедь и отвел их под тенистую березу, запретив отлучаться без его позволения. Дельфина и Маринетта разглядели в толпе детенышей знакомого козленка, обоих утят и многих из тех, кто сидел рядом с ними на берегу. Маринетта

насчитала добрых четыре десятка пернатых и лохматых сирот, а лебеди поминутно доставляли кого-нибудь еще. Девочки вспомнили о своих родных, с которыми скоро увидятся, и у них перехватило горло. На другом конце острова гудела еще одна толпа. Разглядеть хорошенько мешали кусты, но было ясно, что там собрались взрослые животные. Они громко переговаривались, и голоса их долетали до малышей.

Шло время, а они все сидели и ждали, но вот Дельфина заметила старого лебедя, который расхаживал взад и вперед: верно, его поставили смотреть за детенышами. Голова его болталась на тонкой шее, впрочем, вид был вполне добродушный. Увидев, что Дельфина подзывает его, он подошел и приветливо сказал:

— Здравствуйте, дети. Какой сегодня славный весенний денек. Вы что-то сказали? Я, знаете ли, туговат на ухо.

— Послушайте, мы с сестрой хотим вернуться домой.

— Спасибо, я чувствую себя вполне сносно для моего возраста, — сказал в ответ старый лебедь, который, видно, и вправду плохо слышал.

— Нам надо домой! — почти прокричала Дельфина.

— Да-да, пожалуй, становится жарковато.

Тогда Дельфина наклонилась к старому лебедю и заорала изо всех сил в самое ухо:

— Мы очень спешим! Нам пора домой!

Не успела она договорить, как из кустов выскочил тот лебедь, который усаживал их на плот, и завопил:

— Сестра просто хотела объяснить... — начала Маринетта.

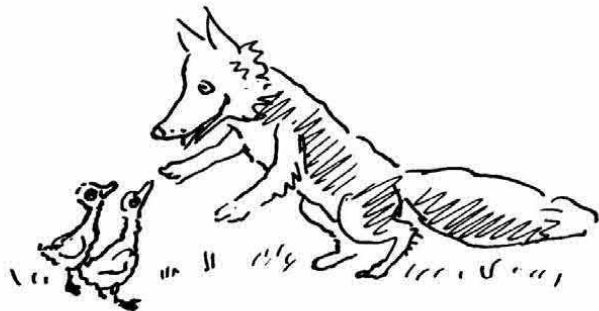
— Молчать, нахалка! Или я тебя рыбам скормлю! Ну-ка обе на место!

И лебедь отошел, сердито озираясь. А девочки поняли, что их все равно никто не станет слушать, и, разморившись на жаре, уснули в тени березы.

А проснувшись, с удивлением увидели, что спиной к ним, в нескольких шагах от детенышей, сидели на пригорке, как на сцене, шестеро лебедей — трое с правой, трое — с левой стороны. Перед ними в строгом порядке расположились взрослые, которые прежде гомонили на другом конце острова: свиньи, кролики, утки, кабаны, олени, козы, овцы, лисицы, аист и даже одна черепаха. Все смотрели на сцену и как будто кого-то ждали. Наконец явился еще один, седьмой лебедь, занял место в самой середине и, поклонившись собравшимся, заговорил:

— Дорогие друзья, начинаем очередной сбор бездомных детей. Благодарю вас за то, что вы не забыли эту дату, и прошу вас, выбирая, сообразовываться не только со своим вкусом, но и со своими возможностями. Итак, приступим.

Первым на сцену поднялся бездомный ягненок, которого тут же взял один солидный баран. За ним — поросенок, которого приютило кабанье семейство, и дальше все шло гладко до тех пор, пока один старый лис не пожелал усыновить двух утят, которых сестры встретили утром.

— Лучшего отца им не найти, — уверял он. — Поверьте, я буду их холить и лелеять.

Председательствующий лебедь посовецался вполголоса с братьями и ответил лису так:

— Я не сомневаюсь в чистоте твоих намерений, лис. И даже хочу верить, что ты будешь холить и лелеять приемышей, но боюсь, счастье их недолго продлится. Пара утят — слишком большой соблазн для лиса.

На Дельфину и Маринетту никто не польстился, чему они были весьма рады, потому что те, кого не пожелали взять, могли идти на все четыре стороны. Белый щенок спал рядом со своими новыми родственниками, сидевшими в последнем ряду, и хорошо, что он не проснулся, подумали сестренки, а то бы непременно стал просить, чтобы его родители-бульдоги удочерили и его подружек.

— Что же, никто не решится их взять? — спросил главный лебедь. — Но нельзя же оставить беспризорными двух маленьких девочек. Ты, лис, очень хотел растить утят, так, может, возьмешь под свою опеку этих детей?

— Я бы с радостью, — ответил лис, — но, видите ли, я слишком добр. У меня не хватит твердости, чтобы как следует воспитать таких озорных девочек. Нет-нет, я не могу их взять. Очень сожалею, но я пекусь об их же благе.

Тогда лебеди обратились к оленю, усыновившему олененка.

— Я и сам подумывал их взять, — ответил олень, — но из этого не выйдет ничего путного. Подумайте сами, я ведь всю жизнь только и делаю, что убегаю: от людей, от собак, от охотничьих ружей. Нет-нет, это невозможно. А жаль. Они так милы.

Лебедь пытался уговорить других животных, но никто не хотел брать на себя воспитание девочек. Когда и кабан, извинившись, отказался от них, сидевшая в первом ряду звериного собрания черепаха высунула голову из-под панциря и решительно сказала:

— Ну, раз никто не хочет, их возьму я.

Такое неожиданное предложение всех рассмешило. И сами девочки невольно улыбнулись, представив на минутку, что они

могут стать черепашьими дочками. Но лебедь умерил общее веселье, вежливо поблагодарил черепаху, похвалил ее за великодушие и очень деликатно, стараясь не обидеть, дал ей понять, что она слишком мала, чтобы справиться с такими большими девочками, и к тому же слишком медленно ходит. Черепаха не стала возражать, но по тому, как резко она втянула голову в панцирь, было ясно, что она все-таки обижена. Больше никто из присутствующих не проявил желания призреть девочек; лебедь созвал братьев в кружок и снова стал шептаться с ними. А Дельфина и Маринетта, предвкушая свободу, потешались над его замешательством. Но вот он вернулся на свое место и громко объявил:

— Мы с братьями решили удочерить их обеих. Конечно, нам придется приложить все силы и употребить всю строгость, чтобы исправить этих невоспитанных и непослушных девочек. Но я думаю, что через год, когда мы снова соберемся на сбор бездомных детей, вы будете поражены их успехами.

Девочки опять попытались объяснить, что они здесь по ошибке, но не тут-то было, их без долгих разговоров увели со сцены и отдали под надзор глухого лебедя. Издалека они смотрели, как лебеди перевозят участников сбора через пруд на берег.

— Когда все разъедутся, — ободряюще сказала Дельфина сестре, — лебеди вернутся на остров, и мы заставим их выслушать нас. Не могут же они все время затыкать нам рот.

— Ну да, — жалобно сказала Маринетта, — а время-то идет. Родители скоро уже поедут домой, они вернутся, а нас нет... А ведь они не велели нам переходить дорогу! Ох! Подумать страшно, что будет!

Часа в четыре на острове никого не осталось, но лебеди не торопились обратно. Они поплыли ловить рыбу. Дельфина и Маринетта совсем приуныли, физиономии у них вытянулись. Глухой лебедь утешал их, как мог.

— Если б вы знали, как я рад, что вы тут, со мной, — говорил он. — Я думаю, мы скоро подружимся. Правда, сегодня вам, пожалуй, скучновато. Но вас просто оставили отдохнуть, а зав-

тра вас научат плавать и охотиться за рыбой. Вот увидите, как здесь хорошо. Но вы, наверное, проголодались?

Девочкам и правда очень хотелось есть. Лебедь попросил их подождать, куда-то отошел и через минуту-другую появился с рыбиной в клюве.

— Вот, — сказал он, кладя добычу на землю перед девочками. — Ешьте скорее, пока она живая и шевелится. А я пока поймаю вам еще.

Сестренки отпрянули и замотали головами. Маринетта взяла рыбу и выпустила ее обратно в пруд. Лебедь не верил своим глазам.

— Неужели вы не любите рыбу? — воскликнул он. — Что может быть приятнее, чем трепещущая рыбешка в глотке! Видно, придется сказать, чтобы вам подыскали другую пищу. Прямо не знаю...

Но сестрам было не до еды, они совсем отчаялись. Прошло еще немного времени, и они увидели, что солнце спускается за лес на другом берегу пруда. Значит, уже часов шесть и родители в дороге. Бедные Дельфина и Маринетта расплакались. А старый лебедь, увидев их в слезах, забегал вокруг:

— Что с вами? Да что случилось? Эх, как плохо быть старым и глухим! Такие милые дети! Но постойте, я придумал. Идите-ка за мной. В воде я все прекрасно слышу.

Лебедь-старик зашел в пруд и окунул голову в воду. Так он и держал ее, пока Дельфина рассказывала ему, как они с Маринеттой не послушались родителей, перешли дорогу и что из-за этого случилось. А когда она замолчала, он поплыл на середину пруда, издавая оглушительный свист. Тотчас же его окружили все лебеди, ловившие рыбу неподалеку.

— Ах вы, шалопаи несчастные! — кричал старый лебедь в страшном гневе. — Всех вас надо бы разогнать! Вы — позор лебединого рода! Две девочки по доброте своей приносят белого щенка — сироту, а вы за это держите их тут силком! Да еще и рта не даете раскрыть, когда они хотят объяснить вам, что вы наделали!

Оправдываться было нечем, и лебеди пристыженно опустили головы.

— Если из-за вас девочкам попадет от родителей, — говорил старый лебедь, увлекая их за собой, — берегитесь!

Добравшись до острова, где остались сестренки, приказал:

— Всем шеи долу и просить прощения!

Лебеди окружили Дельфину и Маринетту и распластались на земле, вытянув шеи во всю длину. Девочки даже смутились.

— А теперь, не теряя ни минуты, готовьте упряжку! Мы должны вывести девочек к плотине подняться вверх по речке и высадить их как можно ближе к дороге. А потом, конечно, проводить до самого дома. Живо, бездельники, живо!

Лебеди засуетились, и вскоре все было готово. Дельфина и Маринетта взошли на плот, запряженный пятеркой лебедей цугом; еще шестерых выслали вперед расчищать путь и раздвигать ветки, в которых плот мог бы застрять. Старый лебедь

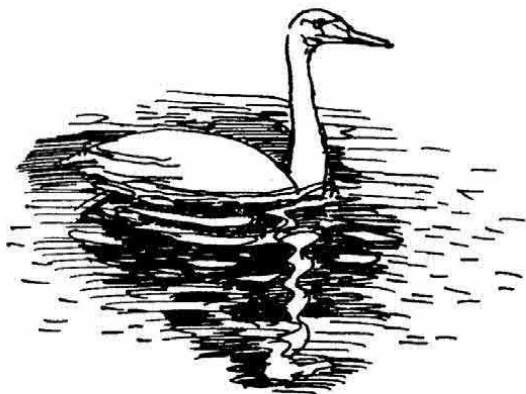
плыл у самого плота и сам за всем следил. Когда показалась за-пруда, молодые лебеди, боясь, что старик утомится в предстоящем нелегком пути, попытались отговорить его плыть дальше. В его возрасте, говорили они, такое долгое путешествие опасно. Дельфина и Маринетта тоже упрашивали его вернуться на остров.

— Пустое, — отвечал он. — Что значит жизнь старого лебедя, когда речь идет о спасении двух детей от наказания. Вперед, вперед не медля! Скоро стемнеет.

И точно: солнце уже скрылось, и над прудом сгущались сумерки. Подхваченный течением плот устремился к плотине. Пятеро лебедей неслись, не жалея сил. Старик еще поспе-вал за ними, задыхался, но, чуть только они замедляли ход, кричал:

— Быстрее! Не то, рохли вы эдакие, по вашей милости девочек накажут!

До реки добрались уже в темноте. Продвигаться стало труднее, тем более что плыть приходилось против течения, а оно было довольно сильное. На счастье, скоро вышла луна и осветила путь. Наконец старый лебедь велел причаливать к берегу. Вид у него был такой измученный, что Дельфина и Маринетта пред-

ложили передохнуть, но он и слышать не хотел об отдыхе и повел отряд напрямик к дороге.

— Нельзя терять ни минуты, — сказал он. — Боюсь, мы все-таки опоздаем. Ох, только бы успеть!

Выйдя на дорогу в сопровождении белой пернатой свиты, сестренки чуть не вскрикнули. Впереди, в какой-нибудь сотне метров от них шли к дому родители. В руках у них было по корзинке.

Старый лебедь сразу все сообразил. Он подвел девочек к живой изгороди, тянувшейся по одной из сторон дороги, и прошептал:

— Бегите вдоль кустов! Вы перегоните родителей, они вас не заметят, а когда окажетесь напротив дома, мы их отвлечем, чтобы вы могли перейти через дорогу. Главное — опередить их.

Девочки были бы рады последовать его советам, но они с самого утра ничего не ели и так устали, что ноги у них подгибались. Бежать они не могли, да и шли-то с трудом, так что расстояние между ними и родителями не сокращалось, а, наоборот, становилось все больше и больше.

— Плохо дело, — прошептал старый лебедь. — Надо во что бы то ни стало выиграть время. Я беру это на себя.

И он побежал вдогонку за родителями с криком:

— Эй, добрые люди! Вы случайно ничего не потеряли по дороге?

Родители остановились и стали при свете луны проверять, не вывалилось ли чего из корзинок. Лебедь уже не бежал, а шел вперевалку, как можно медленнее, чтобы выгадать время. Как ни спешили родители, им пришлось его дожидаться.

— Вы ничего не потеряли? — повторил он, когда наконец подошел к ним. — Я нашел на дороге красивое перо. Оно не мое, вот я и подумал: может, ваше.

— Что ж, по-твоему, мы тебе, дурню, родня, чтобы в перьях ходить? — в сердцах сказали родители и пошли дальше.

Лебедь подбежал к живой изгороди и заглянул за кусты. Девочки чуть-чуть перегнали родителей, но те шагали так быстро, что им ничего не стоило наверстать упущенное и снова оказаться впереди. Казалось, старый лебедь совсем изнемогал. Однако, ласково подбодрив Дельфину и Маринетту, он собрался

с силами и помчался вперед, позвав за собой всех своих товарищей. Дельфина и Маринетта провожали взглядом большую стаю, пока, нырнув в просвет между кустами, она не исчезла. Между тем родители поравнялись с девочками и как раз говорили о них:

— Будем надеяться, что дочки вели себя хорошо и не переходили через дорогу. Ну, а если не послушались — пусть пеняют на себя!

Услышав это, Дельфина и Маринетта так и обомлели. Но и родители вдруг остановились, широко раскрыв глаза. Прямо перед ними посреди дороги откуда ни возьмись выросли двенадцать больших лебедей и принялись танцевать при луне. Они то расходились парами, покачиваясь на лапах, а то вдруг, вытянув шеи и прикасаясь друг к другу клювами, кружились и сливались в бешеном хороводе, похожем на снежный вихрь.

Но родители недолго любовались ими.

— Ясное дело, красиво, — сказали они, — но нам сейчас недосуг глядеть на танцы. Мы и так потеряли много времени.

И, пройдя между танцорами, они пошли дальше, не оборачиваясь. Дельфина и Маринетта по ту сторону изгороди опять было обогнали их, но вот снова шаги по дороге все ближе и ближе, и бедняжки потеряли всякую надежду добраться до дому первыми. Старый лебедь со своими спутниками сошел с дороги и бросился за девочками, но спотыкался и чуть не падал на каждом шагу. От долгого бега да еще и от танца он обессилел вконец. Когда же все-таки, едва дыша, он догнал Дельфину и Маринетту, родители были уже в сотне метров от дома.

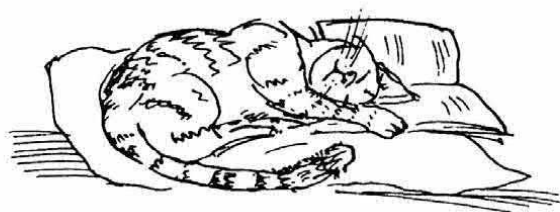
— Не бойтесь, — сказал он. — Вас не накажут. Я сейчас уйду и оставлю вас на попечение моих друзей. Делайте, как они скажут. Они вовремя переведут вас через дорогу.

И, собрав последние силы, старый лебедь помчался в сторону от кустов, на широкий луг. Он бежал все медленнее, потом пошел шагом, поплелся, лапы у него окоченели, и, наконец, он

упал в траву, чтобы никогда больше не встать. И тогда запел, как все лебеди перед смертью. И песня его была так прекрасна, что у каждого, кто ее слышал, слезы наворачивались на глаза. Вот и родители остановились, взялись за руки и, забыв куда шли, свернули с дороги в поле и пошли навстречу чудесному голосу. Лебедь давно умолк, а они все шли и шли по росистой траве и не думали возвращаться.

Дельфина и Маринетта смиренно сидели на кухне у зажженной лампы и шили. В печке горел огонь, стол был накрыт для ужина. Вошли родители и поздоровались с дочками небывало ласково. У них были влажные глаза, и, что уж совсем удивительно, они мечтательно смотрели куда-то вверх.

— Как жаль, — сказали они Дельфине и Маринетте, — как жаль, что вы не были сейчас на той стороне дороги. Там на лугу пел лебедь.

содержание

Красная
книга сказок
кота
Мурлыки

кот

Перевод И. Кузнецовой
9

коровы

Перевод Н. Мавлевич
30

пес

Перевод И. Истратовой
50

краски

Перевод И. Кузнецовой
71

волы

Перевод Т. Ворсановой
92

задача

Перевод Т. Ворсановой
113

павлин

Перевод Н. Мавлевич
135

**Голубая
книга сказок
кота
Мурлыки**

волк

Перевод Т. Ворсановой

155

олень и пес

Перевод Т. Ворсановой

172

слон

Перевод Н. Мавлевич

193

селезень и пантера

Перевод Т. Ворсановой

210

злой гусь

Перевод И. Кузнецовой

228

ослик и лошадка

Перевод Т. Ворсановой

245

баран

Перевод Н. Мавлевич

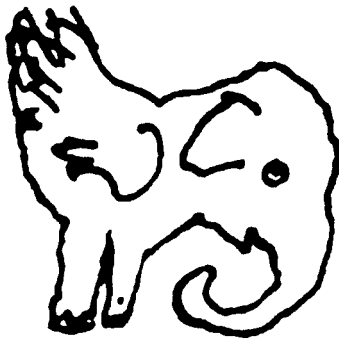
263

лебеди

Перевод Н. Мавлевич

283

Эме М.

Э54 Сказки кота Мурлыки: Пер. с франц. — М.: Текст, 1992.—
302 с.

Эта книга — первое полное издание на русском языке двух циклов сказок М. Эме — «Красной книги» и «Голубой книги» сказок кота Мурлыки. Это классика детской литературы. Сестер Дельфину и Маринетту и их друзей, животных с фермы, знают даже те, кто никогда не слышал имени Марселя Эме. Надеемся, что с ними подружатся и наши читатели — и взрослые, и дети.

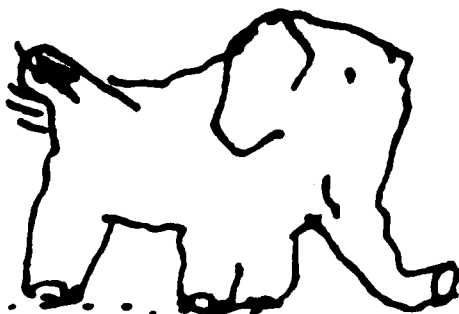
Э 4703010300-013 без объявл.
92

ISBN 5-87106-013-7

Марсель ЭМЕ

Сказки кота Мурлыки

Редактор Я. Л. Нагинская
Художественный редактор В. С. Любаров
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректоры Т. В. Калинина, Н. М. Пущина

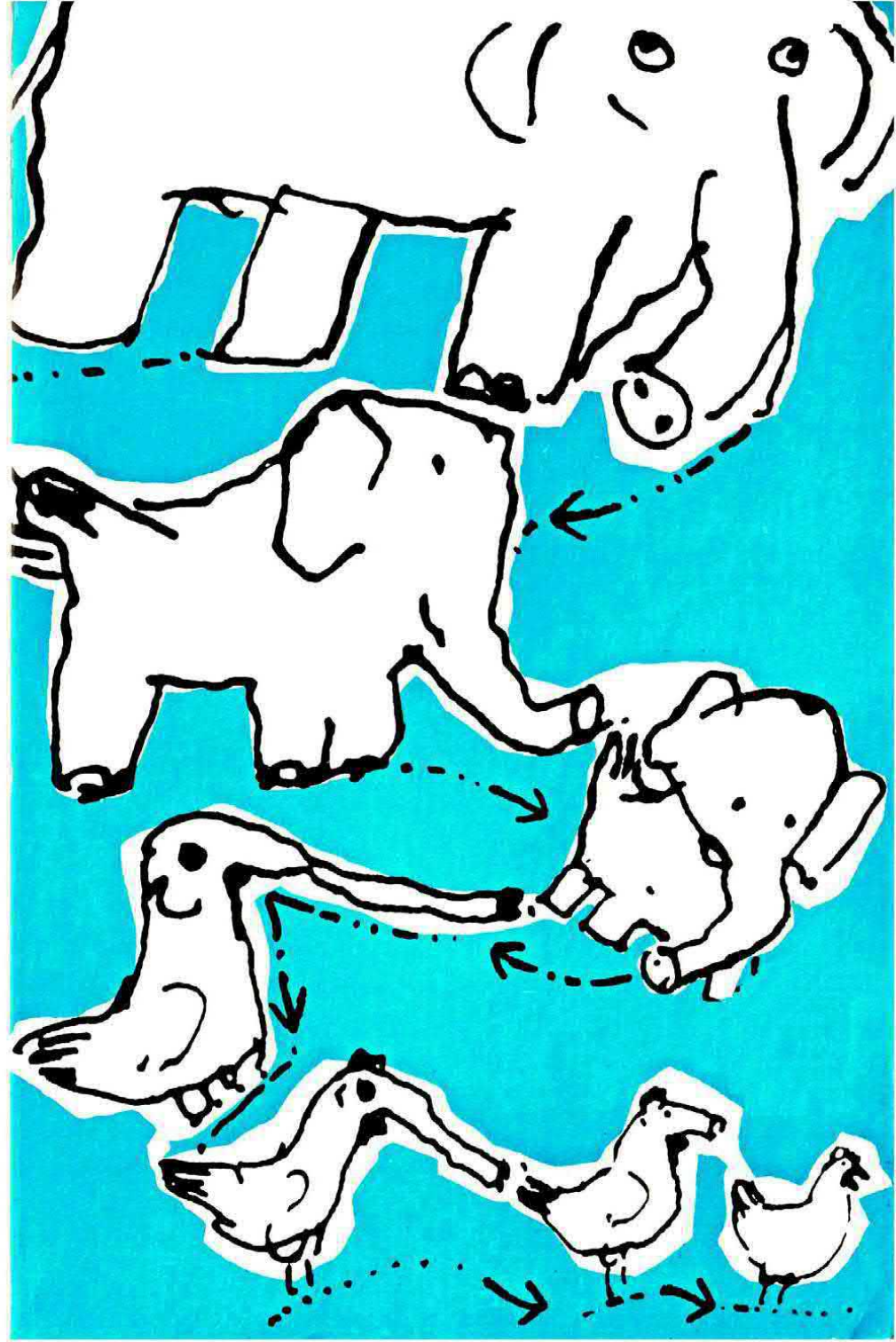
Сдано в набор 18.12.91. Подписано в печать 05.04.92.
Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,62. Усл. кр.-отг. 38,22.
Уч.-изд. л. 14,34. Тираж 100 000 экз. Заказ 97.

Издательство «Текст». 125190 Москва, А-190, а/я 89

Редакционно-издательская фирма «РИФ»
Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества
101000 Москва, Чистопрудный бульвар, 12а

Набор и диапозитивы изготовлены в типографии № 7
121019 Москва, пер. Аксакова, 13

Отпечатано в типографии ВТИ
Москва, Илимская ул., 7

Я сел под яблоню, и кот рассказал мне истории, которые только он один и знал, потому что приключились они с животными, обитавшими по соседству, и двумя белокурыми девочками — его подружками.

Эти сказки кота Мурьки вы сейчас и прочтете, меняя я в них ничего не стал. Мой друг кот считает, что они для детей, которые еще в том возрасте, когда понимают животных и разговаривают с ними.

Марсель ЭМЕ

ТЕКСТ